

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 3 (19)

Киров
2020

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург),
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c   j o u r n a l

№ 3 (19)

Kirov
2020

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

- A. M. Belavin**, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

- O. I. Kolesnikova**, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

- A. S. Drikker**, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific
results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Савосичев А. Ю.</i> Дьяк Семей Заборовский и дворянская фамилия Заборовских	7
<i>Якимов К. А.</i> Восприятие молодежью социально-экономической политики советской власти в 1937–1940 гг.	20
<i>Свинцова М. Н.</i> Помощь ВЛКСМ фронту и населению в деле сохранения здоровья в 1941–1945 гг. (на материалах Кировской области).....	28
<i>Шаманаев А. В.</i> Актуализация культурного наследия в контексте историко-патриотической пропаганды: публикации В. В. Данилевского периода Великой Отечественной войны	37
<i>Шереметьев А. А.</i> Деятельность присяжных поверенных в Министерстве юстиции Временного правительства.....	46

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>Ходячих С. С.</i> К истории первого побега из концлагеря Аушвиц: случай Тадеуша Вейовского.....	55
<i>Осипов Е. А.</i> Коммунитаризм. Радикализм. Исламофобия. Время действий для Э. Макрона.....	64
<i>Геворгян А. Г., Енокян А. В., Мелконян Л. А.</i> Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века	72

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Метелева О. А.</i> Тематическое и эстетическое своеобразие басен В. И. Майкова.....	85
<i>Мельникова Г. Т.</i> Мифопоэтика повести Н. Ф. Павлова «Маскарад»	95
<i>Звонарева Л. У., Звонарев О. В.</i> Проза А. С. Пушкина в межкультурном контексте: взгляд русских эмигрантов из Парижа и Лондона в 20-е гг. XX в.	104

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Дюкин С. Г.</i> Сущность отечественной рок-культуры в зеркале рок-н-рольной мемуаристики	115
---	-----

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Судовиков М. С.</i> Опыт кооперативной модернизации России в начале XX века	122
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Помелов В. Б. А. И.</i> Устюжанинов – вятский исполнитель роли вождя К 150-летию со дня рождения В. И. Ленина	126
--	-----

CONTENTS

PROBLEMS OF NATIONAL HISTORY

<i>Savosichev A. Yu.</i> Clerk Semoy Zaborovsky and the noble name of Zaborovsky.....	7
<i>Yakimov K. A.</i> Youth perception of the socio-economic policy of the Soviet government in 1937–1940.....	20
<i>Svincova M. N.</i> Assistance of the Komsomol to the front and population in health preservation in 1941–1945 (based on the materials of the Kirov region).....	28
<i>Shamanaev A. V.</i> Cultural heritage actualization in the context of patriotic propaganda: V. V. Danilevsky's publications during the Great Patriotic War	37
<i>Sheremetev A. A.</i> Activities of jurors in the Ministry of justice of the Provisional government.....	46

PROBLEMS OF GENERAL HISTORY

<i>Khodyachikh S. S.</i> The story of the first escape from Auschwitz: Tadeusz Wiejowski's case	55
<i>Osipov E. A.</i> Communitarianism. Radicalism. Islamophobia. Action time for E. Macron.....	64
<i>Gevorgyan A. G., Enokyan A. V., Melkonyan L. A.</i> Turkish policy and Russian interests in Transcaucasia at the beginning of the XXI century	72

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Metleva O. A.</i> Thematic and aesthetic originality of fables by V. I. Maikov.....	85
<i>Melnikova G. T.</i> Mythopoetics of N. F. Pavlov's story "The masquerade"	95
<i>Zvonareva L. U., Zvonarev O. V.</i> Pushkin's prose in an intercultural context: a view of Russian emigrants from Paris and London in the 20s of the twentieth century	104

CULTURAL STUDY

<i>Dyukin S. G.</i> The essence of Russian rock-culture in the reflection of rock-memoirs	115
---	-----

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

<i>Sudovikov M. S.</i> Experience of cooperative modernization in Russia at the beginning of the XX century	122
---	-----

FROM THE HISTORY OF EDUCATION

<i>Pomelov V. B.</i> A. I. Ustyuzhaninov – Vyatka performer of the role of leader <i>To the 150th anniversary of Lenin's birth</i>	126
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47)"16"

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.030

Дьяк Семой Заборовский и дворянская фамилия Заборовских

А. Ю. Савосичев

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теологии,
религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности юридического института,
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.
Россия, г. Орел. E-mail: sawositchev@mail.ru

Аннотация. Проблему социального происхождения дьяков и подьячих царя Федора можно решить только путем тщательного анализа биографической информации о каждом представителе приказной бюрократии. Наиболее плодотворно исследование тех персонажей, которые своим происхождением связаны со служилым сословием. Цель статьи – исследование биографии дьяка Софония Семого Яковлевича Заборовского в контексте истории дворянской фамилии Заборовских. Проанализированы данные родословных книг и росписей, актовые и делопроизводственные источники, в частности, боярские списки, разрядные, писцовые и посольские книги. Часть этих материалов не опубликована (Музейный список Дворовой тетради, акты из копийных книг Троице-Сергиева монастыря). Реконструирована генеалогия Заборовских, уточнены данные родословной росписи фамилии, составленной в конце XVII в. Показано, что этим источником по генеалогии Заборовских можно пользоваться с осторожностью, ибо в нем есть информация, достоверность которой вызывает сомнения. Обобщены данные о службе и землевладении всех известных представителей фамилии, живших в XVI – первой четверти XVII вв. Выявлены крестильное имя и отчество дьяка Семого Заборовского, реконструированы его родственные связи и землевладение. Показано, что дьяк, подобно многим другим представителям приказной бюрократии XVI в. был выходцем из провинциальной дворянской фамилии средней руки. Большинство Заборовских служило с городом. Приказная работа позволила Семому Заборовскому повысить свой социальный статус. Реконструкция биографий дьяков и подьячих позволит судить о происхождении, статусе и месте в структуре служилого сословия всей приказной бюрократии царя Федора.

Ключевые слова: Государев Двор, приказная система, служилое сословие, приказная бюрократия, социальное происхождение.

Вопрос о социальном происхождении дьяков и подьячих XVI–XVII столетий был поставлен еще в XIX в. благодаря трудам Н. П. Лихачева. Тогда же Н. Н. Оглоблиным было положено начало дискуссии: были дьяки выходцами из детей боярских или в их среде преобладали «разночинцы» (выходцы из рядов духовенства, купечества, посадских и т. п.). В научной литературе обосновывалась и та и другая точка зрения. Спор продолжается и по сей день [52; 54]. Решить эту проблему возможно только посредством реконструкции и анализа биографий всех дьяков и подьячих XIV–XVII вв. Применительно к последним трем четвертям XVII в. эта задача решена Н. Ф. Демидовой [19]. О социальном происхождении дьяков и подьячих периода Смуты писали Д. В. Лисейцев и Н. В. Рыбалко; дьяков и подьячих XIV–XVI вв. – автор этих строк [27; 51]. Полагаю, что теперь настала очередь дьяков и подьячих царя Федора Ивановича.

Нами уже начат цикл биографических очерков о дьяках 1584–1598 гг. [53]. Целью данной статьи является исследование биографии дьяка Софония Семого Яковлевича Заборовского. Задачами исследования является уточнение социального происхождения приказного деятеля, выявление его родственных связей, реконструкция землевладения.

В существующих биографических справочниках информации о социальном происхождении Семого Заборовского, его родственных связях и землевладении информации либо нет, либо она нуждается в уточнении и дополнении. В основу исследования мною положен просопографический метод.

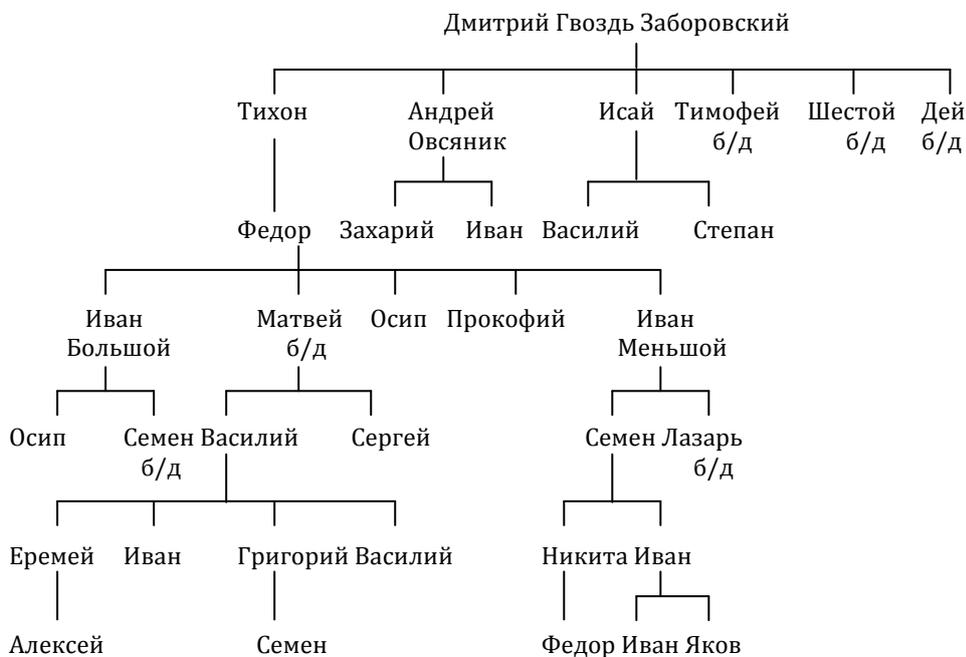
Семой Заборовский начал приказную карьеру при царе Федоре подьячим Поместного приказа. При царе Борисе он служил, предположительно, в Разряде. Как дьяк он впервые упоминается в январе 1610 г. при дворе Тушинского Вора. Каких-либо серьезных изменных дел за ним, по всей видимости, не водилось, и Семой в том же чине оказался в конечном итоге на службе царя Михаила. Крупным государственным деятелем он так и не стал, но занимал достаточно заметные должности в Казачьем и Стрелецком приказах [14, с. 188; 27, с. 603; 28, с. 80, 179].

Фамилии с суффиксом -ский производны от географических названий и, как правило, принадлежали в XVI–XVII вв. служилым людям по отечеству. С. Б. Веселовский, применительно к дальнему родственнику Семого Семену Ивановичу Заборовскому, заключал, что приказной деятель происходил «из очень старого рода бежецких вотчинников» [14, с. 187].

21 мая 1686 г. Заборовские подали роспись своего рода в Палату родословных дел. В соответствии с модой эпохи они почитали свой род выезжим из Польши и вели свою генеалогию от Дмитрия Заборовского по прозвищу Гвоздь, тверского и бежецкого землевладельца, который, по утверждению потомков, выехал служить Василию III [49, с. 238]. Согласно нашему источнику, генеалогия Заборовских выглядит следующим образом (см. схему 1).

Схема 1

Генеалогия Заборовских согласно родословной росписи

Прим.: схема начерчена автором.

Гвоздь Семенов Заборовский упоминается в источниках единственный раз, притом как уже покойный. Согласно дозорной книге Тверского уезда 1551–1554 г. его поместье и вотчина в волости Шестка числятся за сыновьями Деом, Андреем, Петром, Алексеем и Исаем (в первом случае обозначены суммарно – «Дей з братьею»). Гвоздь владел имением в 1539/40 г. [36, с. 258, 261].

Таким образом, перечень сыновей основателя рода Заборовских отличается в поколенной росписи и дозорной книге. В росписи нет Петра и Алексея. Отличается и порядок старшинства братьев. В росписи Дей младший, а Исай – третий. В дозорной книге Дей старший из братьев, а Исай – самый младший.

В дозорной книге отмечено, что Дей с братьями служат царю и великому князю (поместные грамоты выданы в 1543/44 г. и 9 июня 1544 г.). Возможно, что применительно к службе формула «Дей з братьею» не включает в себя всех пятерых, ибо ниже в нашем источнике сказано: «Дей да Ондрей да Петр служат царю и великому князю» [36, с. 258, 261].

Тишка, Тимошка и Шестой Дмитриевы Заборовские были записаны в Дворовой тетради по Бежецкому Верху. Рядом с именем Тихона пометка «В че[r]нцах», а у Тимофея – «У цари-

цы». Здесь же приписаны «Шестова сын Федька, да Васька, да Ивашко» [59, с. 202]. В родословии указано, что у Шестого детей не было. О Тихоне и Тимофее других упоминаний в источниках нам найти не удалось, Шестой до 31 августа 1553 г. держал в кормлении половину волости Кестьма [3, с. 22].

В Дворовой тетради по Твери записаны Дей и Андрей Гвоздевы Заборовские. Рядом приписаны их братья Петр и Аксак. По всей видимости, именно к последнему относится пометка «Умре» [59, с. 196]. То есть данные источника в целом совпадают с фактами из дозорной книги. Не ясна только ситуация с Аксаком. Алексей или Исай под некалендарным именем? «Аксак» – искаженное «Исай»? Не будем изобретать лишних сущностей и совершать насилие над текстом источника. Предположим, что Аксак – неизвестный по другим источникам сын Гвоздя Заборовского. Алексей и Исай не попали в Дворовую тетрадь по малолетству, а Аксак не зафиксирован дозорной книгой, потому что умер.

Дей и Андрей начали служить еще при жизни отца. В писцовой книге Тверского уезда 1539/40 г. Дей – помещик волости Шестка [36, с. 47, 259]. Андрей по состоянию на 20 октября 1538 г. был в плену в Литве [8, с. 170]. По всей видимости, это следствие Стародубской войны. Дей и Андрей – тысячники III ст. по Твери [59, с. 80]. В 1558/59 г. Дей – голова при втором воеводе сторожевого полка Иване Васильевиче Бутурлине в армии царевича Тохтамыша и кн. Семена Ивановича Микулинского, ходившей в Ливонию [39, с. 177; 40, с. 41]. 20 марта 1562 г. Дей и Андрей в числе поручителей по кн. Иване Дмитриевиче Бельском [6, с. 17, 19, 21]. 7 декабря 1562 г. Дей Гвоздев Заборовский сын боярский – у знамени в походе на Полоцк [9, с. 131]. В 1564/65 г. он был послан «к государеву делу» в Белоозеро [1, с. 335]. В 1570/71 г. старица Настасья Деевская жена Дмитриевича Заборовского и старица Марья Деева дочь Заборовского с племянниками Исаевыми детьми Дмитриева сына Заборовского с Василием и Степаном по приказу Дея Дмитриевича Заборовского (инока Дионисия) дали Троице-Сергиеву монастырю с. Заборовское (цц. Вознесения Христова и свт. Николая Чудотворца, последняя с приделами Усекновения главы Иоанна Предтечи и св. Параскевы Пятницы) с дд. Палкина, Остров, Кабякова, Каростова, Суткина, Берглезова, Очепок, Лепегое, Терпилово и Заполек; пч. Новые Пруды и п. Мылова; 1/3 сц. Славнова «опроче делницы Ивана Ондреева сына Заборовского четырех вытей»¹.

В 1565/66 г. Андрей Дмитриев Заборовский в числе поручителей по Захарии Ивановиче Очине Плещееве [6, с. 55]. В 1570/71 г. он и старица Настасья Деевская – жена Заборовского – дали Троице-Сергиеву монастырю свою вотчину сц. Заборовье в волости Шестке Тверского уезда с дд. (без перечня) и монастырем Рождества Богородицы на р. Тме². Дочь Андрея Дмитриевича была замужем за Дружиной Извековым [7, с. 142]. О самом Дружине мне никаких дополнительных биографических фактов найти не удалось. Его сын Григорий в 1615/16 г. владел поместьем в Исконе и Боянском стану Вяземского уезда [34, с. 822]. В 1621/22 г. он выборный по Вязьме [13, с. 139].

Дей, Андрей, Петр, Алексей и Исай Дмитриевы Заборовские, кроме родовых земель в Шестке владели придачей – поместьем там же и в волости Шейский уезд [36, с. 257, 274–275]. О Петре Гвоздеве Заборовском и других младших сыновьях Гвоздя Семенова каких-либо дополнительных биографических сведений мне найти не удалось.

Факт записи Дея и Андрея в Тысячной книге и Дворовой тетради («да в лета 7061-го и 62 году они ж, Дей да Андрей, написаны в боярской книге») отражен в родословии. Здесь же, со ссылкой на троицкую вкладную книгу, упоминается дар братии с. Заборовья [49, с. 239].

В дозорной книге 1551–1554 г. упоминается вотчинница волости Шестка Федора Овсянникова жена Заборовского. Она владела имением в 1539/40 г., а к моменту дозора умерла, передав вотчину племянникам, известным нам Дею, Андрею, Петру, Алексею и Исаю Дмитриевым Заборовским [36, с. 262].

Сын Федоры Андрей Овсяников Заборовский в 1539/40 г. владел поместьем в Микулинском стану [36, с. 116]. В Дворовой тетради он записан по Твери [59, с. 196]. Учитывая судьбу материнской вотчины, можно предположить, что к середине 1550-х гг. Андрей умер, не оставив потомства. У него был брат Захар Овсяников Заборовский, тысячник III ст. по Твери [59, с. 80].

В родословной росписи Заборовских Овсяник означен как брат Дея с братьями, а не как дядя. Сыновей Овсяника по росписи звали Захар и Иван, а не Захар и Андрей. Полагаю, что

¹ РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 532. Л. 268об.–269об.

² РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 532. Л. 267об.–268об.

вывод очевиден: генеалогические конструкции родословной росписи Заборовских не точны и требуют корректировки по данным параллельных источников (см. схему 2).

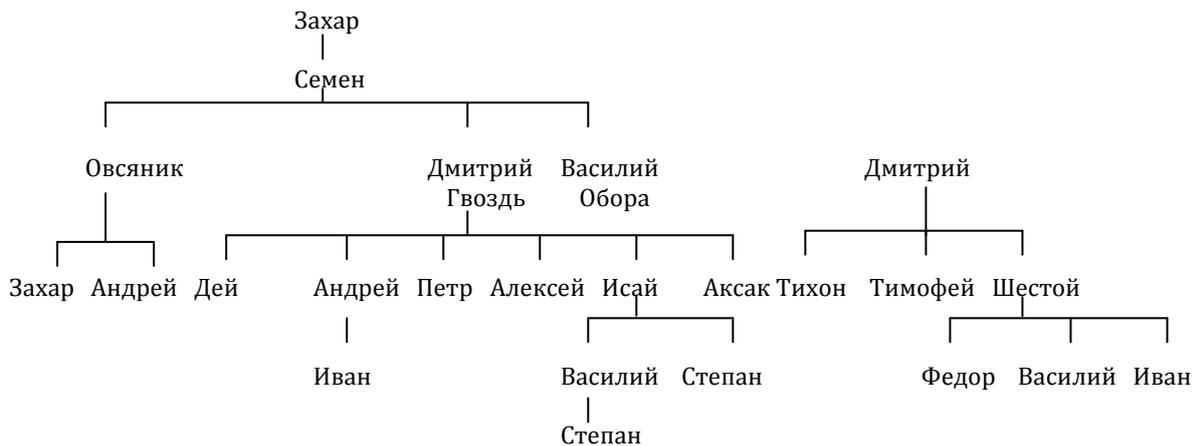
Прежде всего, в росписи, по всей видимости, объединены две разных ветви Заборовских – бежецкая и тверская. Биографии Дея с братьями и Тихона с братьями нигде не пересекаются. Потомков, припоминавших спустя полтора столетия генеалогические связи предков, видимо, смутило то, что и те и другие Дмитриевичи. По той же причине Андрей слился с Овсяником. По Твери служил Захар Овсяников Заборовский, а в Дворовой тетради по Бежецкому Верху записан Захар Андреев Заборовский, который явно не относится к числу потомков Гвоздя [59, с. 196, 202]. Не ясны его родственные связи с Тихоном Дмитриевичем и его братьями.

В Дворовой тетради по Бежецкому Верху записан Василий Борисов сын Живого Заборовского. Пометка «У царя Семиона». Этот персонаж совсем не находит себе места в известной генеалогии Заборовских [59, с. 202].

В 1490–1494 гг. Семен Захарович Заборовский как сместный судья участвовал в разборе дела о холопах [3, с. 287–288]. Вне всякого сомнения, в источнике идет речь об отце Гвоздя Заборовского. В 1520/21 г. Василий Обора Семенович Заборовский душеприказчик кн. Александра Борисовича Глебова [2, с. 190–191]. Это явно брат Гвоздя.

Схема 2

Генеалогия Заборовских, уточненная по параллельным источникам

Прим.: схема начерчена автором.

О Федоре Тихонове Заборовском никаких биографических сведений найти не удалось. Об Иване Андреевиче, Василии и Степане Исаевых, Федоре, Василии и Иване Шестого известно только то, что уже указано выше. Дея, судя по всему, мужского потомства не оставил.

Следующее поколение исследуемой нами фамилии, судя по родословию, должно быть представлено Иваном Большим, Матвеем, Осипом, Прокофием и Иваном Меньшим Федоровичами Заборовскими. Иван, Прокофий и Матвей в 1613 г. упоминаются как бежецкие помещики [20, с. 169, 201, 202]. Никаких биографических данных о них нам найти не удалось. В 1613 г. упоминается Степан Васильевич Заборовский – сын боярский, тверитин, новик [30, с. 213]. Можно предположить, что это сын Василия Исаевича.

Примерно к тому же поколению должен был принадлежать и дьяк Семей Заборовский, чья биография пришлась на последние десятилетия XVI и первые десятилетия XVII столетий. Последнее известное упоминание его на службе датируется 8 августа 1619 г. [27, с. 603]. 3 октября 1620 г. духовная дьяка была явлена патриарху Филарету. Обычно это означало, что завещателя уже нет в живых. Из духовной становится известно календарное имя дьяка – Софоний – и отчество – Яковлевич [23, с. 285].

Отцом приказного деятеля явно был толмач Яков Заборовский. 3 июля 1575 г. он переводил грамоту императора Максимилиана к Ивану Грозному³. В ноябре 1584 – июне 1585 гг. Яков был в посольстве Лукьяна Захарьева Новосильцева к императору Рудольфу [31, стб. 909,

³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 241об.

916, 927, 928, 935–937]. В декабре 1594 г. отец приказного деятеля в ранге латинского переводчика был назначен надзирать за имперским дипломатом Яном Прочинским [32, стб. 374–375]. 16 февраля 1597 г. Яков Заборовский сопровождал гонца императора Рудольфа Лукаша Магнусова на прием к главе Посольского приказа В. Я. Щелкалову [32, стб. 407]. 19 июня того же года переводчик участвовал в переговорах Василия Яковлевича с имперским послом Авраамом Бургграфом [32, стб. 523]. 15 июля Яков Заборовский провел предварительные переговоры с цесаревым гонцом Яковом Прочинским [32, стб. 545–546]. 28 июня 1599 г. – 29 июля 1600 гг. переводчик был в составе посольства думного дьяка Афанасия Власьева к императору Рудольфу [32, стб. 715–716].

В известную генеалогию Заборовских ни дьяк, ни его отец никак не вписываются. Тем не менее вряд ли стоит сомневаться в дворянском происхождении Семого Яковлевича. Судя по служебным назначениям, Заборовские в середине XVI столетия частично служили в рядовом составе Государева Двора, частично – с городом. При этом бежецкая ветвь фамилии производит впечатление более захудалой. К последней четверти XVI в. слилась с массой служилого города и тверская линия Заборовских. Это объясняет и «не честную» для сына боярского службу в толмачах и то обстоятельство, что Семей начал приказную работу с низов, с подьячих.

Целый ряд носителей исследуемой фамилии не вписывается в поддающуюся реконструкции генеалогию Заборовских. Особенно это касается бежецкой ветви.

В 1526/27 г. Борис Васильевич Живого Заборовский послух в Юлках Дмитровского уезда [2, с. 285]. В 1528/29 г. он же разъездчик в Бежецком Верху [4, с. 38]. Его сын Василий Борисович Живого Заборовский записан по Бежецкому Верху в Дворовой тетради. Пометка «У царя Семиона». Здесь же значится Захар Андреевич Заборовский [59, с. 202]. В 1570/71 и 1572/73 гг. его вдова Анна дала Троице-Сергиеву монастырю вотчины в Бежецком Верху [60, с. 12, 13]. В дзорной книге церковных приходов Бежецкого Верха упоминаются помещики Городецкого стана Кудаш, Никита и Алексей Заборовские, вотчинник Каменского и Городецкого станов Федор Заборовский [35, с. 222, 228, 235].

17 июня 1613 г. запечатана грамота в Бежецкий Верх по челобитной Бориса и Григория Давыдовых на холопов и крестьян Ивана, Прокофия и Матвея Заборовских об управе [20, с. 169]. 28 июня 1613 г. была запечатана указная грамота в Бежецкий Верх об отделе Ивану и Прокофию Заборовским 68, 75 четв. поместья [20, с. 201, 202].

В 1573/74 г. Денис Сыпугов Заборовский владел поместьем в Манатъине стану Московского уезда [34, с. 34].

Приказная карьера способствовала росту социального статуса нашего героя. Свою дочь Федору дьяк выдал за Ивана Бобрищева-Пушкина. В конце 20-х – начале 30-х гг. XVII в. последний бил челом о закреплении за ним вотчины его тестя и тещи Анны д. Помогаевой с пп. в Юрьеве слободе Рузского уезда [23, с. 285, 1204].

Судя по данным «Бархатной книги», подкрепленным информацией из параллельных источников, в документах, связанных с наследством дьяка, речь идет об Иване Гавриловиче Бобрищеве-Пушкине [33, с. 98; 48, с. 327]. Его прадед Иван Алексеевич Пушкин по прозвищу Бобрище был великокняжеским Тверским ловчим. 8 октября 1533 г. участвовал в организации государевой охоты под Волоком [38, с. 225].

У ловчего было трое сыновей: Иван, Федор и Алеша. В Тысячной книге братья дети боярские III ст. по Ржеве. В Дворовой тетради там же. В Музейном списке напротив имени Алеши пометка «Умре 64» [59, с. 75, 179]⁴. В «Бархатной книге» его потомство не показано, хотя нет и указания на бездетность. Возможно, он умер молодым человеком и не был женат. О Федоре Ивановиче Бобрищеве-Пушкине каких-либо дополнительных биографических сведений нам найти не удалось. О потомстве его в родословных книгах ничего не сказано.

Из трех братьев наиболее успешную карьеру сделал старший, Иван, дед Ивана Гавриловича Бобрищева-Пушкина. По данным Шереметевского списка думных чинов он сокольничий и ловчий в 1567/68–1581/82 гг. В 1581/82 г. умер [22, с. 49, 58]. Согласно Беляевскому списку дворцовых чинов, 7 лет был сокольничим и ловчим и еще 7 лет только сокольничим [24, с. 204]. Эти данные в целом не противоречат разрядным документам. В сентябре 1567 г., в 1571/72 г., весной 1572 г., зимой 1572/73 г., в июне 1577 г. и 1 июня 1579 г. Иван Бобрищев-Пушкин сокольничий в свите государя во время походов царя Ивана против литовцев, немцев и шведов [39, с. 227, 242, 243, 248, 292; 41, с. 222, 292, 302, 319, 455; 43, с. 8, 55, 56]. В боярском списке 1577 г. в том же чине [57, с. 192, 303].

⁴ ГИМ ОР. Музейное собрание. № 3417. Л. 75об.

У Ивана Ивановича Бобрищева-Пушкина было четверо сыновей: Василий, Иван, Федор и Гаврила.

В боярском списке 1577 г. братья Василий и Федор выборные по Медыни [57, с. 198]. В апреле 1577 г. в ливонском походе они есаулы государева полка из дворян [42, с. 452]. В 1579/80 г. Василий Иванович Бобрищев-Пушкин получил назначение головой во Псков, откуда был переведен четвертым воеводой в Великие Луки. В 1580/81 г. он погиб при осаде города Баторием [21, с. 384–385; 33, с. 204; 39, с. 312, 313; 43, с. 130, 136, 142, 143, 160, 163, 167].

Федор Иванович Бобрищев-Пушкин осенью 1577 г. в ливонском походе назначен под Венденом вместе с отцом в приставы к королю Магнусу [43, с. 8]. В боярских списках 1588–1589 и начала 1590-х гг. братья Федор, Иван и Гаврила выборные по Медыни с окладом 400 четв. [57, с. 243, 351, 356]. Судя по пометке «В Новгород все», они участвовали в походе под Нарву. В 1597/98 и 1597/98 гг. Федор осадный голова в Рыльске; в 1599/1600–1602/03 гг. – в Белой [39, с. 541; 44, с. 118; 45, с. 14, 95, 107, 134; 46, с. 340; 47, с. 94, 114, 128, 145]. В боярском списке 1602–1603 г. братья Федор, Иван и Гаврила выборные по Медыни с окладом 400 четв. Пометка у имени Федора «На Белой», Гаврилы – «В Сибирь». Последняя пометка зачеркнута. Назначение, по всей видимости, не состоялось [57, с. 286]. В 1603/04 г. Федор Иванович Бобрищев-Пушкин – объезжий голова в Замоскворечье [47, с. 179]. В боярском списке 1606–1607 гг. он выборный по Медыни с окладом 600 четв. («В Стародубе») [12, с. 153].

Иван Иванович Бобрищев-Пушкин свое первое разрядное назначение получил в 1575/76 г., когда во время выхода царя Ивана на берег Оки был одним из голов у ночных сторож [39, с. 260; 41, с. 402]. В апрельской 1577 г. росписи похода в Ливонию он назначен спать в стану у государя и опять же быть головой у ночных сторож [39, с. 276; 42, с. 442]. В 1603/04 г. свояк дьяка записан в кормленной книге Галицкой чети с окладом 12 руб. [58, с. 23]. В боярском списке 1606–1607 гг. он выборный по Медыни с окладом 500 четв. [12, с. 154]. Бархатная книга отмечает, что Иван «убит в литовское разорение».

Гаврила Иванович Бобрищев-Пушкин, отец Ивана Гавриловича, как показано выше, в 1588–1603 гг. служил по выбору. В 1603/04 г. он получил 12 руб. жалования из Галицкой чети [55, с. 23]. В росписи русского войска 1604 г. Гаврила выборный по Медыни с окладом 400 четв. [57, с. 368]. 2 января 1617 г. упоминается как писец Алатырского уезда⁵. В 1617/18–1619/20 гг. воевода или осадный голова в Царевококшайске [16, стб. 350, 426; 25, стб. 545, 662, 722]. В 1621/22 г. свояк дьяка объезжий голова в Белом городе [16, стб. 510; 25, стб. 875]. В 1623/24–1626/26 гг. он воевода в Ростове [16, стб. 739, 845; 25, стб. 1032, 1139, 1245, 1352]. В боярских списках 1624 («в Ростове»), 1626 («в Ростове. Передняя»), 1627/28, 1628 («в письме»), 1629 («в письме»), 1629/30, 1630/31, 1631/32 («болен») гг., боярских книгах 1626/27 и 1628/29 гг. – дворянин [5, с. 34; 29, с. 91; 37, с. 44, 129, 206, 289, 369, 417, 477].

Таким образом, Иван Гаврилович Бобрищев-Пушкин был человеком родословным и достаточно знатным. Отец его входил в элиту Государева Двора, дядья служили по выбору, дед был сокольничим и ловчим. Естественно, что вопрос о браке Ивана решался родителями. Сын ловчего выдал сына за внучку толмача. Это, конечно, мезальянс, хотя и относительный. Обычай допускал, чтобы родители невесты были ниже в социальном отношении, чем родители жениха. Корни мезальянса нужно, по моему мнению, видеть в служебном ранге Семого Заборовского. Семья дьяка по своему социальному весу в целом не менее значительна, чем семья выборных детей боярских.

Отразился ли брак на карьере зятя приказного деятеля? Сложно сказать. Скорее нет, чем да.

В следующем поколении Бобрищевых Пушкиных шесть представителей. Федор Васильевич в росписи русского войска 1604 г. выборный по Медыни с окладом 600 четв. [57, с. 367]. В 1606/07 г. он был под Калугой в полку Ивана Матвеевича Бутурлина, ставил сторожи [10, с. 143, 214, 246]. В разряде 1614/15 г. он воевода в Темникове; в 1618/19 и 1619/20 гг. – в Ядрине [16, стб. 195, 246; 25, стб. 80, 662, 721].

Спиридон и Сила Ивановичи Бобрищевы-Пушкины в боярском списке 1627/28 г. зафиксированы как выборные по Медыни с окладами 500 и 400 четв. соответственно [37, с. 177]. Разрядных назначений они не получали.

Григорий Федорович Бобрищев-Пушкин в росписи русского войска 1604 г. – жилец с окладом 300 четв. [57, с. 376]. В боярском списке 1606–1607 гг. он выборный по Медыни

⁵ РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 530. Л. 1337об.

с окладом 500 четв. [12, с. 154]. В 1614/15 г. его оклад из Владимирской чети составлял 15 руб. [58, с. 56].

Федор Федорович Бобрищев-Пушкин в списке выборных начала 1590-х гг. означен по Медыни с окладом 300 четв.; в боярском списке 1602–1603 гг. и списке дворовых начала XVII в.; в росписи русского войска 1604 г. он выборный по Медыни же с окладом 350 четв. [57, с. 286, 351, 361, 368]. В 1618 г. участвовал в обороне Москвы от поляков. Командовал обороной Никитских ворот Белого города [16, стб. 337; 25, стб. 511–512, 570]. В 1621/22 и 1622/23 гг. Федор Федорович воевода в Тюмени [16, стб. 440, 462, 485, 524; 25, стб. 873, 928].

Иван Гаврилович Бобрищев-Пушкин в 1615 г. во время боя кн. Дмитрия Михайловича Пожарского с Лисовским под Орлом голова, командир дворянской сотни [16, стб. 181]. Это его первое разрядное назначение. 17 августа 1617 г. послан во Мценск для выбора на службу дворян и детей боярских [16, стб. 287]. В 1617/18 г. зять дьяка воевода в Кашире, в 1618/19 и 1619/20 гг. – в Касимове; в 1621/22 и 1622/23 гг. – второй воевода в Брянске [16, стб. 345, 426, 522; 25, стб. 483, 531, 662, 722, 870, 925]. В 1623/24 г. Иван Гаврилович у городского дела в Шацке; в 1626/27 г. воевода в Касимове; в 1632/33 г. – в Новгороде Северском [17, стб. 327, 333; 25, стб. 1038, 1362; 26, стб. 92, 460]. В боярских списках 1624, 1626, 1627/28, 1628, 1629, 1629/30, 1630/31, 1631/32 и 1643/44 («В Сибири») гг., боярских книгах 1626/27, 1628/29, 1636/36 и 1639/40 гг. дворянин [5, с. 34; 11, с. 411; 29, с. 76, 91; 37, с. 44, 129, 206, 290, 369, 420, 480]. 27 ноября 1625 г., 7 апреля 1629 г. зять Семого Заборовского вместе с другими дворянами был приглашен к государеву столу [16, стб. 758; 17, стб. 61]. В марте 1636 г. назначен первым воеводой прибыльного полка во Мценск [17, стб. 497]. В 1637/38 г. Иван Гаврилович голова у Воской засеки [17, стб. 587]. 29 мая 1639 г. назначен руководить строительством фортификационных сооружений в Замоскворечье [17, стб. 609]. В 1640/41 г. второй воевода в Переславле Рязанском; 1647/48 г. – в Туле [17, стб. 655, 670; 18, стб. 95]. 15 сентября 1650 г., 16 апреля 1651 г. 15 января и 27 апреля 1652 г. Иван Гаврилович Бобрищев-Пушкин – дворянин в государевой свите во время поездок царя (в Коломенское, Покровское, Саввин-Сторожевский монастырь) [18, стб. 188, 246, 295, 310].

С одной стороны, Иван Гаврилович единственный из внуков Ивана Ивановича Бобрищева-Пушкина служил по московскому списку. С другой стороны, как дворянин он впервые упоминается в 1624 г. Тестя его умер в 1620 г. Скорее всего, Иван Гаврилович сделал карьеру благодаря тому, что был «отечеством и собой добр». Его отец был самым успешным из сыновей Ивана Ивановича. Он единственный из четырех братьев дослужился до дворянства. Посодействовал ли здесь свояк? Может быть. Хотя уверенно утверждать этого нельзя. Как дворянин Гаврила Иванович впервые упоминается в 1624 г.

Федора, вдова Овсяника Семенова Заборовского владела вотчиной дд. Ряхово и Фомкино в волости Шестка Тверского уезда. В имении 30 четв. (качество земли не указано) [36, с. 262]. Можно полагать, что ранее имение принадлежало ее мужу. За братом Овсяника Гвоздем в той же волости были поместье и вотчина. Поместье дд. Кокино и Лузгино на р. Избреже на 60 четв. ср. з. [36, с. 258]. Вотчина с. Воскресенское с дд. Беглезово, Симоново, Бобиево, Палкино, Клоково, Шемякино, Нестерово, Сколково, Бережек, Остренево и пп. Бор, Остров, Коростелево, Новый пруд и Синицыно. Всего 202 четв. х.з. [36, с. 261].

Сын Овсяника Андрей в том же уезде, в Микулинском стану владел поместьем: дд. Петрово Свещицыно, Юрьево, Подопришино, Дюкино, Сидорово, Новиково, Щекино, Поподыно, Заполок, Июдино, Климотино, Пивково и Оббрамово. Всего на 245 четв. без указания качества [36, с. 116].

Землевладение Дея с братьями складывалось двумя путями. Во-первых, по наследству были получены: а) от тетки Федоры вотчина дд. Ряхово и Фомкино; б) от отца поместье дд. Кокино (Конино) и Лузгино (Лугино) [36, с. 47] и в) вотчина с. Воскресенское с дд. и пп. Во-вторых, собственные приобретения. Поместья в Шестке: г) с. Дьяконово на р. Тме с дд. Дуброва, Пайманово, Ушаково, Понкратово, Масленово на р. Тме, Польшаново, Бор на р. Тме и Бумакино на 162 четв. Земля песчана, т. е. худа [36, с. 257]; д) д. Ильинское на 40 четв. ср. з. [36, с. 47, 259]. Поместье в волости Шейский уезд: е) дд. Олабышова на р. Воршине, Тареево, Литвинова, Прядухино, Кореченихово, Веселицыно, Конкова на руч. Черном, Онкудиново, Кузничиха, Рожон, Задняя, Мако и Новинка на 168 четв. ср. з. [36, с. 275]. Итого 6 дач: вотчина тетки на 30 четв. без указания качества земли; отцовская вотчина на 202 четв. х. з.; отцовское поместье на 60 четв. ср. з.; три собственных поместья на 162 четв. х. з., 40 четв. ср. з. и 168 четв. ср. з. Т. е. 268 ср. з. и 364 четв. х. з. + 30 четв. без указания качества. Если эти четверти худые, то в Тверском

уезде пятеро братьев владели земельной собственностью на 477,1 четв. доброй землей, если средние – на 481,1 четв. По 95,4–96,2 четв. д. з. Весьма немного. По Уложению о службе этого едва хватало на поддержание годности к службе одного сына боярского. Если других имений у Заборовских-тверичей не было, то они относились к числу землевладельцев средней руки.

Кроме доли в общих имениях за Деем Гвоздевым были и другие имения. В 1562/63 г. он по двум закладным (на 32 руб.) приобрел у Терпиловых д. Труфанково в волости Шестке⁶. В 1551–1554 гг. в Труфанкове и соседней д. Ферхутово было 16 четв. х. з. [36, с. 266]. В 1565/66 г. Истома Михайлов Тихменев с сыном Иваном заняли у Дея Дмитриева Заборовского 25 руб. под залог д. Заполек в той же волости Шестке⁷.

В 1570/71 г. старица Настасья Деевская жена Дмитриевича Заборовского и старица Марья Деева дочь Заборовского с племянниками Исаевыми детьми Дмитриева сына Заборовского с Василием и Степаном по приказу Дея Дмитриевича Заборовского (инока Дионисия) дали Троице-Сергиеву монастырю с. Заборовское (цц. Вознесения Христова и свт. Николая Чудотворца, последняя с приделами Усекновения главы Иоанна Предтечи и св. Параскевы Пятницы) с дд. Палкина, Остров, Кабякова, Каростова, Суткина, Берглезова, Очепок, Лепегое, Терпилово и Заполек; пч. Новые Пруды и п. Мылово; 1/3 сц. Славнова «опроче делницы Ивана Ондреева сына Заборовского четырех вытей»⁸. В том же 1570/71 г. Андрей Дмитриев Заборовский и старица Настасья Деевская жена Заборовского оформили данную Троице-Сергиеву монастырю свою вотчину сц. Заборовье в волости Шестке Тверского уезда с дд. (без перечня), монастырем Рождества Богородицы на р. Тме и мельницей на той же реке⁹. В троицкой вкладной книге отмечено, что Андрей Дмитриев Заборовский в 1570/71 г. дал по себе и своих родителях сц. Заборовье с цц. Вознесения Господня и чудотворца Николы. К сельцу 10 деревень, треть сц. Славного, починок, пустошь, монастырь на Тутани с ц. Рождества Богородицы и мельница на р. Тме [15, с. 150]. Т. е. обе данные оформлены на одну вотчину. Объекты дарения в них соотносятся как целое и часть. Сначала дано земельное владение, потом дар повторен (отсюда отсутствие перечня деревень к селу) с придачей монастыря и мельницы.

Д. Заполек приобретена Деем Заборовским по закладной. Терпилово – это явно д. Труфанково, названная по фамилии бывших владельцев. С. Славново в 1551–1554 гг. принадлежало Дарье, вдове Ивана Григорьева–Клавшева с зятем Курбатом Даниловым Князевым. 30 четв. без указания качества [36, с. 265]. А вот с остальными населенными пунктами вопрос. Дозорная книга не фиксирует в волости Шестке ни Заборовского, ни Заборовья. Опираясь на частичное совпадение названий населенных пунктов из актовых и кадастровых материалов (Беглезево, Палкино, Остров, Коростелево, Новый пруд), остается предположить только одно: Заборовское (Заборовье) – это родовое имение Заборовских Воскресенское.

Анна Захарова – жена Андреевича Заборовская в 1570/71 г. дала Троице-Сергиеву монастырю сц. Волоское с 22 пп. в Каменском стану в Городецком уезде в Бежецком Верхе. В 1572/73 г. на то же имение была оформлена еще одна данная [15, с. 150]. Федор Заборовский в том же стану владел с. Заклинье, а в Городецком стану – с. Борисовским. За Кудашем, Никитой и Алексеем Заборовскими в Городецком стану было с. Новое с 17 дд.

У Семого Заборовского известны четыре имения. 1) Вотчина в Рузе. 10 мая 1616 г. он купил у кн. Василия Звенигородского сц. Помогаево с п. Грядки и другими пустошами в Юрьевой слободе Рузского уезда [23, с. 285, 1204]. Судя по писцовой книге 1567–1569 гг., к Помогаеву тянули дд. Сидоркова на рч. Рыченке и Коняева на 53 четв. средней и 22 четв. худой земли. В Грядках было 27 четв. ср. з. [50, с. 75, 76, 91]. Всего доброй землей будет 78,7 четв.

2-3) Поместье и вотчина в Городском стану Медынского уезда. 1 июня 1613 г. была запечатана ввозная грамота на обе дачи, названные старыми, полученными в Тушине [20, с. 138].

4) Поместье в Краишевском стану Воротынского уезда: с. Новоселки на рч. Большом Березуйке с дд. Староселье на рч. Березуе и Мосеево на рч. Большом Березуе Шестке на 250 четв. д. з. [56, с. 258–259].

Вотчину в Рузе дьяк приобрел уже тогда, когда воротынская дача перешла к другому помещику. Однако, учитывая, что нам неизвестны размеры его медынского имения, можно полагать, что 328,7 четв. доброй землей – это минимальный размер его земельных владений.

⁶ РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 532. Л. 319, 319об., 324об., 325.

⁷ РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 532. Л. 318об.–319.

⁸ РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 532. Л. 268об.–269об.

⁹ РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 532. Л. 267об.–268об.

Для провинциального сына боярского с его сотней, другой четей (зачастую и меньше) – это, конечно, состояние. По столичным меркам, Семей Заборовский был не богат. Дьяки добивались и большего. Впрочем, наши данные, возможно, не полны.

Софоний Яковлевич Заборовский, более известный под своим некалендарным именем – Семей, был в какой-то мере типичным представителем служилой бюрократии рубежа XVI–XVII вв. Выходец из очень захудалой (даже по провинциальным меркам) фамилии детей боярских, он начал приказную службу с самой нижней ступени и сделал, пусть и не блестящую, но вполне приличную карьеру, сколотив на службе хорошее состояние. Именно таких людей кн. Курбский называл «новыми верниками». Служебные успехи позволили Семю Заборовскому завязать родственные связи, пусть и не в аристократической, но достаточно респектабельной части Государева Двора. Дьячество, таким образом, на рубеже XVI–XVII вв. продолжало оставаться социальным лифтом для выходцев из низов «служилых людей по отчеству».

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. 551 с.
2. Акты Русского государства 1505–1526 гг. М. : Наука, 1975. 435 с.
3. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. М. : Археографический центр, 1997. 431 с.
4. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 1. Киев, 1860. 500 с.
5. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. 498 с.
6. Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М. : Древлехранилище, 2004. С. 8–79.
7. Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М. : Древлехранилище, 2002. Вып. 8. 652 с.
8. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. Вып. 7. М. : Древлехранилище. С. 149–196.
9. Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М. : Древлехранилище, 2004. С. 119–154.
10. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. 311 с.
11. Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории. Вып. 8. М. : Древлехранилище, 2007. С. 382–483.
12. Боярский список 1606–1607 гг. // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. М. : Наука, 2003. С. 132–156.
13. Боярский список 1621–1622 г. // Материалы по истории русского дворянства / В. Н. Сторожев. Вып. 2. М., 1909. С. 104–142.
14. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. 607 с.
15. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М. : Наука, 1987. 439 с.
16. Дворцовые Разряды. 1612–1628. Т. 1. СПб., 1850. 673 с.
17. Дворцовые Разряды. 1628–1645. Т. 2. СПб., 1851. 515 с.
18. Дворцовые Разряды. 1645–1676. Т. 3. СПб., 1852. 1113 с.
19. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М. : Наука, 1987. 225 с.
20. Документы Печатного приказа. М. : Наука, 1994. 477 с.
21. Древняя российская вивлиофика. Ч. 14. М., 1790. 501 с.
22. Древняя российская вивлиофика. Ч. 20. М., 1791. 444 с.
23. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М. : Древлехранилище, 2010. 1658 с.
24. Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XVI и XVII вв. // Исторические записки. Т. 63. М. : Наука, 1958. С. 180–205.
25. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные II Отделением собственной е. и. в. канцелярии. Т. I. СПб., 1853. 710 с.
26. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные II Отделением собственной е. и. в. канцелярии. Т. II. СПб., 1855. 711 с.
27. Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М. : Институт российской истории РАН ; Тула : Гриф и К°, 2009. 788 с.
28. Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. М.-СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 301 с.
29. «Наличный» боярский список 1624 года // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 3. М. : Старая Басманная, 2018. С. 71–102.
30. Павлов А. П. «Сыскной» список тверских дворян и детей боярских 1613 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М. : Древлехранилище, 2004. С. 203–222.

31. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. 839 с.
32. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2. СПб., 1852. 475 с.
33. Памятники истории русского служилого сословия. М. : Древлехранилище, 2011. 554 с.
34. Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. 931 с.
35. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 3. М. : Древлехранилище, 2001. 303 с.
36. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М. : Древлехранилище, 2005. 758 с.
37. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. М. : Древлехранилище, 2015. 735 с.
38. Полное собрание русских летописей. Т. 43. М. : Языки славянской культуры, 2015. 368 с.
39. Разрядная книга 1475–1598. М. : Наука, 1966. 615 с.
40. Разрядная книга 1475–1605. Т. II. Ч. I. М. : Наука, 1981. 219 с.
41. Разрядная книга 1475–1605. Т. II. Ч. II. М. : Наука, 1982. 224 с.
42. Разрядная книга 1475–1605. Т. II. Ч. III. М. : Наука, 1982. 226 с.
43. Разрядная книга 1475–1605. Т. III. Ч. I. М. : Наука, 1984. 232 с.
44. Разрядная книга. 1475–1605. Т. III. Ч. III. М. : Наука, 1989. 226 с.
45. Разрядная книга. 1475–1605. Т. IV. Ч. I. М. : Наука, 1994. 138 с.
46. Разрядная книга. 1559–1605. М. : Наука, 1974. 432 с.
47. Разрядная книга. 1598–1638. М. : Наука, 1974. 398 с.
48. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе родословную книгу, собранную и сочиненную в Розряде при царе Феодоре Алексеевиче и по временам дополняемую и которая известна под названием Бархатной книги. Ч. 1. М., 1787. 392 с.
49. Родословные росписи тверской аристократии конца XVII века // Российская генеалогия. Вып. 2. М. : Старая Басманная, 2017. С. 176–247.
50. Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 годов. М. Памятники исторической мысли, 1997. 294 с.
51. Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия. М. : Квадрига, 2011. 655 с.
52. Савосичев А. Ю. «Новые верники» грозного царя. К вопросу о происхождении и социальных связях дьяков Ивана Грозного: Опыт просопографического анализа. М. : Изд-во ОГУ, Орел. 2015. 478 с.
53. Савосичев А. Ю. Дьяки Желябужские: к вопросу о социальном происхождении приказной бюрократии в России конца XVI – начала XVII веков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2019. № 2 (835). С. 140–161.
54. Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел : Изд-во ОГУ, 2013. 519 с.
55. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819. 689 с.
56. Список с дозорной книги города и его посада и поместных и вотчинных земель в станах Краишенском и Говеинском, письма и дозора Ивана Федоровича Ергольского и подьячего Михаила Иванова. 7122 (1614) г. // Новосильско-Одоевское княжество / Н. В. Сычев. М., 2016. С. 223–303.
57. Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М. : РГГУ, 2004. 505 с.
58. Сухотин Л. М. Четвертики Смутного времени. М., 1912. 399 с.
59. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. 456 с.
60. Шумаков С. А. Обзор «Грамот Коллегии экономии». М., 1899. Вып. 1. 144 с.

Clerk Semoy Zaborovsky and the noble name of Zaborovsky

A. Yu. Savosichev

Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of theology, religious studies and cultural aspects of national security of the law Institute, Oryol State University
n. a. I. S. Turgenev. Russia, Orel. E-mail: sawositchev@mail.ru

Abstract. The problem of the social origin of the deacons and subdeacons of Tsar Fyodor can only be solved by a thorough analysis of biographical information about each representative of the command bureaucracy. The most fruitful study of those characters who are connected with the service class by their origin. The purpose of the article is to study the biography of the deacon sophonius Ser Yakovlevich Zaborovsky in the context of the history of the Zaborovsky noble family. The data of genealogical books and murals, act and clerical sources, in particular boyar lists, discharge, scribal and Embassy books, are analyzed. Some of these materials have not been published (the Museum list of the Courtyard notebook, acts from the copy books of the Trinity-Sergius monastery).

The genealogy of the Zaborovskys was reconstructed, and the genealogical data of the family name painted at the end of the 17th century were clarified. It is shown that this source on the Zaborovsky genealogy can be used with caution, because it contains information whose reliability is questionable. Data on the service and land ownership of all known representatives of the family who lived in the XVI – first quarter of the XVII centuries are summarized. The baptismal name and patronymic of the deacon From the village of Zaborovsky are revealed, his family ties and land ownership are reconstructed. It is shown that the deacon, like many other representatives of the command bureaucracy of the XVI century. was a native of the provincial noble family of the middle class. Most of the Zaborovskis served with the city. Ordered work allowed Steve Zaborovsky to increase his social status. Reconstruction of biographies of deacons and subdeacons will allow us to judge the origin, status and place in the structure of the service class of the entire command bureaucracy of Tsar Fyodor.

Keywords: sovereign's Court, writ system, service class, writ bureaucracy, social origin.

References

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej* – Historical acts collected and published by the Archeographic Commission. Vol. 1. SPb. 1841. 551 p.
2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej* – Acts of the Russian state 1505–1526. M. Nauka. 1975. 435 p.
3. *Akty sluzhilyh zemlevladel'cev XV – nachala XVII veka* – Acts of service landowners of the XV–beginning of the XVII century. Vol. 1. M. Archeographic center. 1997. 431 p.
4. *Akty, otnosyashchiesya do grazhdanskoj raspravy drevnej Rossii* – Acts relating to the civil massacre of ancient Russia. Vol. 1. Kiev. 1860. 500 p.
5. *Alfavitnyj ukazatel' familij i lic, upominaemyh v boyarskih knigah, hranyashchih v I-m otdelenii Moskovskogo arhiva Ministerstva yusticii* – Alphabetical index of surnames and persons mentioned in the boyar books stored in the I-m Department of the Moscow archive of the Ministry of justice. M. 1853. 498 p.
6. Antonov A. V. *Poruchnye zapisi 1527–1571 godov* [Written records from 1527–1571] // *Russkij diplomatarij* – Russian diplomatic service. Vol. 10. M. Drevlekhranilishche. 2004. Pp. 8–79.
7. Antonov A. V. *Chastnye arhivy russkih feodalov XV – nachala XVII veka* [Private archives of Russian feudal lords of the XV–early XVII century] // *Russkij diplomatarij* – Russian diplomatic service. M. Drevlekhranilishche. 2002. Vol. 8. 652 p.
8. Antonov A. V., Krom M. M. *Spiski russkih plennyh v Litve pervoj voloviny XVI veka* [Lists of Russian prisoners of war in Lithuania of the first voloviny of the XVI century] // *Arhiv russoj istorii* – Russian history archive. Vol. 7. M. Drevlekhranilishche. Pp. 149–196.
9. Baranov K. V. *Zapisnaya kniga Polockogo pohoda 1562/63 goda* [Notebook of the Polotsk campaign 1562/63 year] // *Russkij diplomatarij* – Russian diplomatarium. Vol. 10. M. Drevlekhranilishche. 2004. Pp. 119–154.
10. Belokurov S. A. *Razryadnye zapisi za Smutnoe vremya* [Rank records for the time of Troubles]. M. 1907. 311 p.
11. *Boyarskij "podlinnyj" spisok 7152 (1643/44) goda* – Boyar "authentic" list 7152 (1643/44) years // *Arhiv russoj istorii* – Archive of Russian history. Vol. 8. M. Drevlekhranilishche. 2007. Pp. 382–483.
12. *Boyarskij spisok 1606–1607 gg* – Boyar list of years 1606–1607 // *Narodnoe dvizhenie v Rossii v epohu Smuty nachala XVII veka* – The people's movement in Russia in the era of the Troubles beginning of the XVII century. M. Nauka. 2003. Pp. 132–156.
13. *Boyarskij spisok 1621–1622 g.* – Boyar list of years 1621–1622 // *Materialy po istorii russkogo dvoryanstva* – Materials on history of Russian nobility / V. N. Storozhev. Vol. 2. M. 1909. Pp. 104–142.
14. *Veselovskij S. B. D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv.* [Deacons and subdeacons of the XV–XVII centuries]. M. 1975. 607 p.
15. *Vkladnaya kniga Troice-Sergieva monastyrya* – Contribution book of the Trinity-Sergius monastery. M. Nauka. 1987. 439 p.
16. *Dvorcovye Razryady* – Palace Ranks. 1612–1628. Vol. 1. SPb. 1850. 673 p.
17. *Dvorcovye Razryady* – Palace Ranks. 1628–1645. Vol. 2. SPb. 1851. 515 p.
18. *Dvorcovye Razryady* – Palace Ranks. 1645–1676. Vol. 3. SPb. 1852. 1113 p.
19. Demidova N. F. *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovanii absolyutizma* [Serving bureaucracy in Russia of the XVII century and its role in the formation of absolutism]. M. Nauka. 1987. 225 p.
20. *Dokumenty Pechatnogo prikaza* – Documents of the Printed order. M. Nauka. 1994. 477 p.
21. *Drevnyaya rossijskaya vivliofika* – Ancient Russian vivliofika (library). Pt. 14. M. 1790. 501 p.
22. *Drevnyaya rossijskaya vivliofika* – Ancient Russian vivliofika (library). Pt. 20. M. 1791. 444 p.
23. *Zapisnye votchinnye knigi Pomestnogo prikaza 1626–1657 gg.* – Patrimonial notebooks of the local order of 1626–1657. M. Drevlekhranilishche. 2010. 1658 p.
24. Zimin A. A. *O sostave dvorcovyh uchrezhdenij Russkogo gosudarstva konca XVI i XVII vv.* [On the composition of the Palace institutions of the Russian state in the XVI and XVII centuries] // *Istoricheskie zapiski* – Historical notes. Vol. 63. M. Nauka, 1958. Pp. 180–205.
25. *Knigi razryadnye, po official'nym onyh spiskam, izdannye II Otdeleniem sobstvennoj e. i. v. kancelyarii* – Rank books of these official lists published by the II Department of his Majesty's own chancellery. Vol. I. SPb. 1853. 710 p.

26. *Knigi razryadnye, po official'nym onyh spiskam, izdannye II Otdeleniem sobstvennoj e. i. v. kancelyarii* – Rank books of these official lists published by the II Department of his Majesty's own chancellery. Vol. II. SPb. 1855. 711 p.
27. *Lisejcev D. V. Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epohu Smuty* [Prikaznaya system of the Moscow state in the era of Troubles]. M. Institute of Russian history of RAS ; Tula. Grif & Co. 2009. 788 p.
28. *Lisejcev D. V., Rogozhin N. M., Eskin Yu. M. Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.* [Orders of the Moscow state of the XVI–XVII centuries]. SPb. Center for humanitarian initiatives. 2015, 301 p.
29. "Nalichnyj" boyarskij spisok 1624 goda – "Available" boyar list of 1624 // *Rossijskaya genealogiya : nauchnyj al'manah* – Russian genealogy : scientific almanac. Vol. 3. M. Staraya Basmannaya. 2018. Pp. 71–102.
30. *Pavlov A. P. "Sysknoj" spisok tverskih dvoryan i detej boyarskih 1613 goda* ["Detective" list of Tver nobles and knights of year 1613] // *Russkij diplomatarij* – Russian diplomatarium. Vol. 10. M. Archives. 2004. Pp. 203–222.
31. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij drevnej Rossii s derzhavami inostrannymi* – Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers. Vol. 1. SPb. 1851. 839 p.
32. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij drevnej Rossii s derzhavami inostrannymi* – Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers. Vol. 2. SPb. 1852. 475 p.
33. *Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya* – Monuments of the history of the Russian service class. M. Drevlekhranilishche. 2011. 554 p.
34. *Pisovye knigi Moskovskogo gosudarstva* – Scribal books of the Moscow state. Part 1. Dep. 1. SPb. 1872. 931 p.
35. *Pisovye knigi Novgorodskoj zemli* – Scribal books of the Novgorod land. Vol. 3. M. Drevlekhranilishche. 2001. 303 p.
36. *Pisovye materialy Tverskogo uezda XVI veka* – Scribal materials of the Tver district of the XVI century. M. Drevlekhranilishche, 2005. 758 p.
37. "Podlinnye" boyarskie spiski 1626–1633 godov – "Authentic" boyar lists of 1626–1633. M. Drevlekhranilishche. 2015. 735 p.
38. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* – Complete collection of Russian Chronicles, Vol. 43. M. Languages of Slavic culture. 368 p.
39. *Razryadnaya kniga 1475–1598* – Rank book of 1475–1598. M. Nauka. 1966. 615 p.
40. *Razryadnaya kniga 1475–1605* – Rank book of 1475–1605. Vol. II. Pt. I. M. Nauka. 1981. 219 p.
41. *Razryadnaya kniga 1475–1605* – Rank book of 1475–1605. Vol. II. Pt. II. M. Nauka. 1982. 224 p.
42. *Razryadnaya kniga 1475–1605* – Rank book of 1475–1605. Vol. II. Pt. III. M. Nauka. 1982. 226 p.
43. *Razryadnaya kniga 1475–1605* – Rank book of 1475–1605. Vol. III. Pt. I. M. Nauka. 1984. 232 p.
44. *Razryadnaya kniga 1475–1605* – Rank book. 1475–1605. Vol. III. Pt. III. M. Nauka. 1989. 226 p.
45. *Razryadnaya kniga 1475–1605* – Rank book of 1475–1605. Vol. IV. Pt. I. M. Nauka. 1994. 138 p.
46. *Razryadnaya kniga. 1559–1605* – Rank book of 1559–1605. M. Nauka. 1974. 432 p.
47. *Razryadnaya kniga. 1598–1638* – Rank book of 1598–1638. M. Nauka. 1974. 398 p.
48. *Rodoslovnaya kniga knyazej i dvoryan rossijskikh i vyezhhih, soderzhashchaya v sebe rodoslovnuyu knigu, sobrannuyu i sochinennuyu v Rozryade pri care Feodore Alekseeviche i po vremenam dopolnyaemuyu i kotoraya izvestna pod nazvaniem Barhatnoj knigi* – The genealogical book of the Russian and foreign princes and nobility, containing the genealogical book, collected and composed while Tsar Theodore Alekseevich and at times complemented, and which is known under the name of the Velvet book. Part 1. M. 1787. 392 p.
49. *Rodoslovnnye rospisi tverskoj aristokratii konca XVII veka* – Genealogy paintings of Tver aristocracy of the late XVII century // *Rossijskaya genealogiya* – Russian genealogy. Vol. 2. M. Staraya Basmannaya. 2017. Pp. 176–247.
50. *Ruzskij uezd po pisovoj knige 1567–1569 godov* – Ruzsky uyezd on the scribal book of 1567–1569. M. Monuments of historical thought, 1997. 294 p.
51. *Rybalko N. V. Rossijskaya prikaznaya byurokratiya v Smutnoe vremya nachala XVII stoletiya* [Russian ordered bureaucracy in the time of Troubles at the beginning of the XVII century]. M. Quadriga. 2011. 655 p.
52. *Savosichev A. Yu. "Novye verniki" groznogo carya. K voprosu o proiskhozhdenii i social'nyh svyazyah d'yakov Ivana Groznogo: Opyt prosopograficheskogo analiza* ["New verniki" of the terrible king. On the question of the origin and social relations of Ivan the Terrible's clerks: the experience of prosopographic analysis]. M. OSU. Orel. 2015. 478 p.
53. *Savosichev A. Yu. D'yaki Zhelyabuzhskie: k voprosu o social'nom proiskhozhdenii prikaznoj byurokratii v Rossii konca XVI – nachala XVII vekov* [Zhelyabuzh deacons: on the social origins mandative bureaucracy in Russia in the late XVI – early XVII centuries] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* – Herald of the Moscow State Linguistic University. Series: Social Sciences. 2019. No. 2 (835). Pp. 140–161.
54. *Savosichev A. Yu. D'yaki i pod'yachie XIV – pervoj treti XVI vv.: proiskhozhdenie i social'nye svyazi. Opyt prosopograficheskogo issledovaniya* [Deacons and subdeacons of the XIV – first third of the XVI centuries: origin and social relations. Prosopographic research experience]. Orel. OSU. 2013. 519 p.
55. *Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov, hranyashchihysya v Gosudarstvennoj kollegii inostrannyh del* – Collection of state documents and agreements stored in the State Board of Foreign Affairs. Part 2. M. 1819. 689 p.

56. *Spisok s dozornoj knigi goroda i ego posada i pomestnyh i votchinnyh zemel' v stanah Kraishenskom i Goveinskom, pis'ma i dozora Ivana Fedorovicha Ergol'skogo i pod'yachego Mihaila Ivanova. 7122 (1614) g.* – A list with the patrol books of the city and its suburbs, the local and patrimonial lands in Kraishensk and Goveinsk camps, writings and watches of Ivan Urgalskiy and subclerk Mikhail Ivanov. 7122 (1614) year] // *Novosil'sko-Odoevskoe knyazhestvo – Novosil'sko-Odoevsk Principality* / N. V. Sychev. M. 2016. Pp. 223–303.
57. *Stanislavskij A. L. Trudy po istorii Gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov* [Works on the history of the Sovereign's court in Russia of the XVI–XVII centuries]. M. RSUH. 2004. 505 p.
58. *Suhotin L. M. Chetvertchiki Smutnogo vremeni* [Quarters of the Trouble Time]. M. 1912. 399 p.
59. *Tsyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-h godov XVI v.* – Thousandth book of 1550 and Yard notebook of 50-ies of the XVI century. M. Academy of Sciences of the USSR. 1950. 456 p.
60. *Shumakov S. A. Obzor "Gramot Kollegii ekonomii"* [Review of the "Letters of The College of economy"]. M. 1899. Is. 1. 144 p.

УДК 94(47)"18"

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.031

Восприятие молодежью социально-экономической политики советской власти в 1937–1940 гг.

К. А. Якимов

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет. Россия, г. Тамбов. E-mail: gnom-gnom123@mail.ru

Аннотация. Обращение к проблеме изучения особенностей общественного сознания молодого поколения в довоенный период актуальна, поскольку, несмотря на наличие фундаментальных исследований советского общества 1930-х гг., большая их часть носит обобщенный характер, отдельные аспекты темы по-прежнему остаются малоизученными. В то же время региональная локализация способствует более углубленному изучению заявленной темы. В статье на основании архивных документов и материалов периодической печати Тамбовской области раскрываются общественные настроения и ментальные установки молодежи. Изучение особенностей общественного сознания в исследуемый период позволит расширить представления об источниках энтузиазма и трудового героизма юношей и девушек. Полученные в ходе исследования факты свидетельствуют о неоднородности сознания молодых людей. Доказано, что повышению авторитета советской власти во многом способствовали ставшие общедоступными социальные лифты, содействующие более успешной социализации и карьерному росту, причем как по гражданской, так и по военной службе. В сознании значительной части молодежи, адаптировавшейся к социально-экономическим переменам, закреплялось представление о равенстве возможностей, что обеспечивало рост авторитета советской власти. Автор приходит к выводу о том, что политика государственного патернализма порождала среди подрастающего поколения оптимизм и убежденность в правильности выбранного политического курса. Вера в возможность достижения идеалов коммунизма во многом поддерживалась успехами индустриализации первых пятилеток. Культивируемый пропагандистскими структурами аскетизм позволял подрастающему поколению мириться и не замечать многие трудности повседневной жизни, вследствие чего вырабатывалась привычка довольствоваться малым. Вместе с тем в ходе исследования отмечается, что высокий уровень вертикальной мобильности приводил к возрастанию социально-экономических запросов молодых людей.

Кроме того, в статье показаны различия в общественных настроениях между городской и сельской молодежью. Автор отмечает: колхозная молодежь обладала сравнительно меньшими возможностями для социального роста, что стимулировало рост критических и протестных настроений в молодежной среде. При этом недовольство колхозным строем не носило организованный характер, поскольку сложившийся политический режим репрессивными мерами пресекал любую попытку открытого проявления инакомыслия и разногласия с партийной линией.

Ключевые слова: молодежь, комсомол, общественное сознание, социальные лифты, социализация.

Несмотря на различные подходы к изучению феномена сознания молодежи 1930-х гг. большая часть отечественных и зарубежных историков (В. К. Криворученко, А. А. Слезин, Ш. Фицпатрик, О. В. Хлевнюк, Л. С. Цветлюк) солидарны во мнении о том, что молодежь отнюдь не была монолитной социальной группой [15; 23; 35–37]. Однако в процессе социализации, осложненной усилившейся урбанизацией, подрастающее поколение по-разному адаптировалось к реалиям советской жизни. В связи с чем необходимо понять: как партийные установки преломлялись в сознании молодых людей, почему молодежь неоднозначно воспринимала и оценивала явления советской действительности, какую роль оказывала социальная среда на процесс становления личности. Для реализации поставленных задач необходимо понять внутренний мир молодежи, проникнуть за «ширму» всеобщего одобрения политики партии, понять источники идеологической убежденности молодых людей.

С момента прихода большевиков к власти одной из ключевых задач, стоявших перед советским руководством, было формирование «нового человека», носителя коммунистической идеологии, исповедавшего социалистические ценности. Значимость поставленной задачи во многом объяснялась осознанием советским руководством особого положения молодежи в социальном пространстве советского общества. Как верно заметил В. К. Криворученко, молодежь могла очень непредсказуемо отнестись к проводимой в стране политике, поэтому руководство страны старалось подчинить эту силу, взять ее под контроль [15, с. 8].

Выросшее к середине 1930-х гг. поколение молодых людей не имело опыта сознательной жизни в условиях прежнего политического режима, процесс их социального становления осуществлялся при советской власти. Кроме того, в силу психолого-возрастных особенностей молодежь как отдельная социальная группа обладала высокой степенью лабильности сознания, что создавало благоприятную почву для манипулирования. По логике советского руководства, именно молодежь со свойственным ей романтизмом и восприимчивостью должна была стать основным носителем коммунистических ценностей. В то же время форсированные темпы индустриализации требовали использования социальной энергии и творческого потенциала (инициативность, креативность, предприимчивость) молодых людей. Таким образом, от степени лояльности молодежи и ее отношения к советской власти во многом зависела результативность социалистического строительства. Советское руководство осознавало это и потому придавало особое значение молодежной политике.

Несомненно, особо важную роль в работе с молодым поколением играл комсомол, который к середине 1930-х гг. окончательно утратил свою самостоятельность и, по сути, являлся проводником партийной линии в молодежной среде. При этом характер идеологической и воспитательной работы с молодыми людьми эволюционировал по мере трансформации самой политической системы. К концу 1930-х гг. комсомол превратился в массовую молодежную организацию, выполнявшую роль социального лифта, благоприятствовавшего успешной социализации молодого человека. Без комсомольского билета было гораздо сложнее получить желаемую квалификацию или устроиться на подходящую работу. В связи с чем уже к июню 1938 г. 80,3 % всей молодежи Тамбовской области были комсомольцами [8, л. 3]. Вступая в ряды ВЛКСМ, от молодых строителей «нового общества» требовали изучать труды основоположников марксизма, а после выхода «Краткого курса ВКП(б)» и «Сталинской энциклопедии» также быть передовыми на производстве [7, л. 267]. В период массовых политических репрессий к этому требованию добавилась установка быть решительным в борьбе с «врагами народа», которыми якобы кишело советское общество.

Ужесточение политического режима в годы «Большого террора», его трансформация из авторитарного в тоталитарную модель, находило свое выражение в стремлении поставить под контроль жизнь общества и каждого индивида в отдельности. Несмотря на то что Сталинская Конституция давала перечень широких социально-экономических прав, молодежь не обладала частной жизнью в привычном понимании этого выражения. К началу массовых политических репрессий в соотношении государство-общество-личность потребности отдельной личности отождествлялись с интересами советской власти. Партии и комсомолу нужно было знать все о «новом человеке»: его политические взгляды и идеалы, результаты трудовой деятельности, увлечения, быт и досуг. В связи с чем комсомольские организации тщательно следили за настроениями молодежи, пытаясь добиться всеобщего энтузиазма и одобрения политического курса, пресекая проявления антисоветских настроений.

В условиях реализации пятилетних планов развития народного хозяйства все чаще звучали призывы жертвовать личным во благо будущей счастливой и зажиточной жизни. В реальности большая часть молодежи верила в то, что золотое время не за горами, а успехи индустриализации, о которых постоянно писали в газетах, только усиливали подобные настроения. В частности, комсомолка Фирсова, добившись определенной финансовой обеспеченности своей семьи, утверждала: «Наш ребенок, как и все дети советской страны, будет расти, ни в чем не нуждаясь» [17, с. 3]. Общественная атмосфера всеобщего энтузиазма и воодушевленности, связанная с успехами индустриализации страны, а также возросшими возможностями социального роста и мобильности, порождала у многих юношей и девушек чувство личной сопричастности тем переменам, которые происходили в обществе. К примеру, юные активистки Самохвалова и Туева еще с детской поры мечтали работать за станком, аргументируя это желанием своим трудом способствовать социалистическому строительству [12, л. 121]. Причем подобные заявления, как правило, подкреплялись самоотверженным энтузиазмом и трудовым подвигом.

Большая часть молодежи была оптимистична, а коммунистический идеал представлялся вполне достижимым, пускай и в отдаленном будущем. Многие трудности массовым подрастающим поколением воспринимались как временные и неизбежные явления на пути социалистического строительства. При этом сознание молодежи было весьма аскетично: вырабатывалась привычка довольствоваться малым, отдавая последние силы и средства ради «вечных вещей». В частности, комсомолка Денисова, узнав о выпуске нового государственного займа,

заявляла: «Я одобряю партию и правительство по выпуску займа третьей пятилетки, и поэтому я подписалась на полную зарплату» [9, л. 28]. Машинист молодежно-комсомольского паровоза Лосев подписался на 800 р. при среднем заработке в 600 р. [19, с. 2]. Не менее показательны настроения молодого курсанта Богданова: «Я первым подписался на заем и напишу домой родителям, чтобы они тоже подписались» [11, л. 55об.]. Как видим, молодежь была жертвенна, и этот образ встречал одобрение со стороны власти, поэтому нередко подобные примеры с легкостью можно было встретить на страницах периодической печати.

Одним из значимых факторов роста авторитета советской власти среди молодежи был доступ к большому количеству эффективно работающих социальных лифтов, которые способствовали ускорению вертикальной социальной мобильности юношей и девушек. В это время многие молодые ребята, родившиеся в период становления советской власти в совершенно обычных рабочих и крестьянских семьях, получили большие возможности для социального роста и изменения своего социального статуса. К примеру, юная комсомолка Милушева заявляла: «Я верю, что при материнской заботе о нас партии, правительства и любимого отца всех советских детей тов. Сталина я стану доктором» [16, с. 3]. Отныне, используя различные каналы социализации, молодые ребята могли претендовать даже на управленческие должности, в то время как осознание личной значимости укрепляло веру в правильность выбранного политического курса.

Важнейшим из советских социальных лифтов 1930-х гг., способствовавших формированию ореола «непогрешимости» и справедливости политики правящей партии и ее лидеров, было общедоступное образование, в том числе и в различных адаптивных формах (заочное, вечернее, рабфаки). Например, юный инженер Журин следующим образом объяснял причину трепетного отношения к советской власти: «Я вырос и воспитывался при советской власти, она дала мне образование. И вот сейчас в свои 26 лет я достиг заветной цели моей жизни. У меня законченное среднее техническое образование и в настоящее время я руковожу ответственным участком строительства жилого дома СК-5. Несказанно благодарен я советской власти, так много сделавшей для меня хорошего» [27, с. 3]. Молодой активист Рыбин, поставленный комсомол на должность пропагандиста, говорил: «Право на образование еще раз подтверждает исключительную заботу нашей коммунистической партии и правительства о нашей советской молодежи» [6, л. 2]. Еще более иллюстративны настроения студента Яковлева: «Советская власть дала мне счастливую и радостную жизнь, она широко открыла предо мной двери в науку» [34, с. 3]. Аналогичные примеры достаточно часто встречались в различных районах Тамбовской области.

При этом карьерное продвижение поощрялось государством в самых различных формах: чествованием на собраниях, материальным поощрением, размещением портретов активистов на Досках почета, льготным предоставлением жилплощади. Под влиянием этих факторов в молодежной среде складывалась своего рода мода на трудовые подвиги, что, несомненно, усиливало энтузиазм молодых людей. К примеру, учащийся ремесленного училища при заводе «Комсомолец» Комаров утверждал: «Радостно трудиться, зная, что труд у нас – дело чести, славы, доблести и геройства, зная, что труд обеспечивается Сталинской Конституцией» [Там же]. В реальности подобные настроения были присущи многим активистам и стахановцам 1930-х гг.

Несмотря на явное приукрашивание негативных сторон царского режима, следует признать, что в Советском Союзе в 1930-е гг. было существенно больше возможностей для социального роста (личностного, карьерного) вне зависимости от национальности, имущественного положения и социального происхождения. Безусловно, многие молодые люди лично ощущали произошедшие перемены, а потому искренне дорожили завоеваниями социализма. Обратимся к рассуждениям комсомольца Первомайского района: «До революции наша семья в количестве 5 человек работала на помещика за мизерную зарплату, работа была тяжелая, мне в это время было пять лет. Ходили разуты, раздеты, об учебе и не вспоминали, потому что не было лишних возможностей учиться. В настоящий момент у меня два брата имеют среднее образование, сам я являюсь стахановцем в совхозе и учусь в средней школе без отрыва от производства» [6, л. 2–2об.]. В качестве другого наглядного примера рассмотрим заявление комсомолки Киселевой: «Если бы я, крестьянская девушка, жила в старое время, то была бы неграмотной, и считали бы меня лишним ртом. А сейчас я окончила на “отлично” семилетку и меня, как отличницу, отправили на курсы комбайнеров. Теперь я не лишняя рот в семье, а хорошая поддержка, и мои родители гордятся мной» [14, с. 3]. Как видим, советский миф

о тяжком бремени молодежи в условиях «царизма» весьма доверчиво воспринимался молодежью, не обладавшей сознательным опытом жизни в условиях альтернативного политического режима.

Значительная часть молодежи расценивала получение образования как возможность вырваться в город, который манил сравнительно большими перспективами, чем довольно однообразная жизнь в деревне. Получив образование, молодые люди рассчитывали на более уважаемую и престижную работу (соответствующую их квалификации), желательно в городе, а потому нередко уклонялись от колхозных работ. К примеру, комсомолец Кривошейн с ропотом заявлял: «Я учился не для того, чтобы работать в колхозе» [2, л. 139]. Не менее наглядно поведение комсомольцев Волчкова, Кукляева, Лыгина, Крючкова, категорически отказывавшихся работать в колхозе после семилетнего образования [4, л. 8]. Как видим, получение образования, существенно раскрывавшего горизонты личностного роста, возрастали социально-экономические запросы подрастающего поколения. В то же время в глазах молодежи городская жизнь становилась все более привлекательной, и потому юноши и девушки всеми силами старались вырваться из деревни. Городская жизнь привлекала молодежь доступным кинематографом, театром, чистыми учреждениями, в то время как досуг и быт на селе был весьма скучен и однообразен. Это обстоятельство стимулировало процесс урбанизации, что было вполне свойственно и даже необходимо для страны, осуществлявшей форсированную индустриализацию.

Однако не все усилия идеологической и пропагандистской работы с молодежью, направленные на формирование таких важных для системы качеств человека, как трудовая дисциплина, ответственность, патриотизм, бескорыстное трудолюбие, реализовывались на практике должным образом. Осознание различий в социальном положении между городской и сельской молодежью стимулировало рост критических настроений в адрес советской власти. Нередко объектом критики становилось содержание нового основного закона. Например, учащийся техникума Дмитриев во время проведения занятий критиковал текст нового основного закона, аргументируя это различием в правовом положении рабочих и колхозников [20, л. 116]. Не менее радикально был настроен комсомолец Трунев, утверждая, что «положения колхозников во много раз хуже рабочих, а Конституция – одна философия» [21, л. 171]. Судьбы смельчаков, допуская столь неосторожные рассуждения, как правило, были трагичны.

Тем не менее недовольство советской властью и протестные настроения в основном были присущи сельской молодежи, которая в большей степени испытывала тяготы колхозной жизни и неудовлетворенность материальным положением. К примеру, комсомольцы Лукковцев и Муравьев утверждали: «Раньше при капиталистическом строе лучше жилось, кулак давал хлеба крестьянину, а колхозы не дают хлеба крестьянам, и они умирают» [5, л. 16]. Молодой колхозник Севастьянов говорил: «Разве это власть? Она нас угробила! Жить стало невозможно» [3, л. 219]. Комсомолец Рубанов заявлял: «Мы изучаем политэкономия, а сами сидим без товаров, ходим без сапог [20, л. 116]. Еще более наглядно поведение комсомольца Короваева, который заявлял, что денег нет и получать от колхоза нечего, подтверждая это, он указывал на свои рваные ботинки [10, л. 100]. В реальности недоедание и голод были частыми спутниками подрастающего поколения, что обуславливало рост антиправительственных настроений, однако говорить о своем недовольстве в годы «Большого террора» было небезопасно, поэтому нередко молодые люди не выражали публично свои истинные взгляды. В то же время для большинства молодых людей ожидание неперемного «чуда» в будущем позволяло мириться со многими трудностями повседневной жизни.

Существенную роль в процессе формирования положительного образа советской власти играла социальная политика большевистского руководства. Широкий перечень социально-экономических прав (право на труд, отдых, образование, пенсионное обеспечение и др.), закрепленных сталинской Конституцией, повышал в глазах молодежи авторитет советской власти, что содействовало становлению культового сознания в молодежной среде. В качестве наглядного примера обратимся к рассмотрению письма ученицы 8 класса Мордовской средней школы: «Моя мать ежегодно получает пособие по многодетности. Это пособие оказало большую пользу. Мы построили себе хороший дом, все учимся и работаем. Старшая сестра заведует библиотекой в Мордовском районе, младший брат учится в советской партийной школе, старший работает ветеринарным врачом в г. Армавире. Сестра Анна, брат Виктор и я учимся в средней школе. Лишь ничем не занят младший брат Владимир, на которого выдается пособие. Таких семей, как наша, в Советском Союзе десятки тысяч... Спасибо партии,

правительству и тов. Сталину за заботу о матерях и детях» [31, с. 4]. Политика государственного патернализма создавала иллюзию отеческой заботы самого «вождя народов» о молодом поколении. В этом отношении весьма иллюстративны настроения комсомольца Иванова: «Передо мной широкое будущее. Я окончил неполную среднюю школу. Сейчас учусь на третьем курсе фельдшерско-акушерской школы... Я пойду на избирательный участок с чувством горячей преданности партии, советскому правительству и великому Сталину, который дал нам счастливую жизнь, который отечески заботится о нас» [32, с. 3]. Как видим, особенно высоко оценивала советскую власть та часть молодежи, которая смогла улучшить свое материальное положение, добиться определенного статуса в обществе.

Не менее важной чертой сознания молодежи был высокий уровень патриотизма, основанного на любви к Родине, партии и «вождям народа». К примеру, курсант военного училища Никитин, называя Конституцию своей радостью, обращался к Родине со следующими словами: «Родина! Радость мою береги, меня же пошли на границу» [30, с. 4]. Показателен отрывок из письма молодого красноармейца Азырбаева: «Родина. В это слово я вкладываю всю свою жизнь – счастливую, радостную, полнокровную» [18, с. 3]. Нередко патриотические настроения находили свое выражение в различных формах молодежного фольклора. Весьма показателен отрывок из стихотворения юного патриота Дорошина «Праздничная Родина моя»:

«За одно родное имя – Ленин
Я готов подняться на врага.
Сколько бы убийц, врагов ни стало,
Никогда не повернуть нас вспять.
Назови одно лишь слово – Сталин –
Встану, защищая крепче стали
Каждую отеческую пядь» [29, с. 3].

Многие молодые люди зачитывались рассказами о боевых заслугах и ратных подвигах солдат Красной Армии в годы Гражданской войны, а потому еще с юношеской поры мечтали об армейской службе. Победы над квантунской армией у о. Хасан и р. Халхин-Гол только закрепляли образ непобедимости Красной Армии, стимулируя желание молодых патриотов ратно послужить своей Родине. Весьма показательны в этом отношении настроения призывника Подъяпольского: «Наконец-то я дождался самого счастливого дня в своей жизни – дня призыва в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии» [33, с. 3]. Кроме того, среди подрастающего поколения наблюдалась сильная тяга в военные училища, обусловленная перспективами профессионального и карьерного роста, которые давала военная специальность. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления, направленные юношами в военкомат. Для наглядности рассмотрим характерный отрывок из письма комсомольца Токарева: «Прошу принять меня в бронетанковое училище, так как я хочу жизнь посвятить нашей доблестной Красной Армии» [28, с. 4]. Не менее примечательно высказывался комсомолец Шпагин: «Если примут меня в кавалерийское училище – я буду счастлив до конца своей жизни. Если надо будет – я отдам всю свою жизнь за Родину» [Там же]. Военная служба открывала возможности социального роста и потому многие юноши (особенно сельской местности) мечтали ею воспользоваться и таким образом избежать рутинной жизни в колхозе, не сулившей серьезными перспективами.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о неоднородности сознания подрастающего поколения. С одной стороны в молодежной среде небезосновательно возрастал авторитет советской власти. Появление новых общедоступных социальных лифтов содействовало успешной социализации молодых людей. В сознании значительной части молодежи возможность получения образования и различных социальных льгот связывалась с заслугами советского руководства, что, в свою очередь, способствовало формированию культового сознания и патриотизма, сочетавшего в себе любовь к Родине и преданность «вождю народа». Успехи индустриализации укрепляли веру в правильность выбранного курса и возможность достижения, пускай и в отдаленном будущем, беззаботного и счастливого будущего. В то же время расширение каналов вертикальной социальной мобильности способствовало повышению социально-экономических запросов молодежи, предпочитавшей работу, соответствующую уровню их образования и квалификации.

Невероятный оптимизм и аскетизм подрастающего поколения помогал мириться со многими трудностями жизни. В то же время проблемы материальной обеспеченности молодежи, особенно сельской местности, нередко порождали критические настроения. Распро-

страненным явлением среди провинциальной молодежи было недовольство колхозным строем. Тем не менее большинство молодых ребят, недовольных низким уровнем материальной обеспеченности, осознанно или неосознанно предпочитали не утруждать себя размышлениями о нестыковках заявлений официальной идеологии и тяготами повседневности. При этом сам политический режим, используя механизм политических чисток, подавлял любую попытку проявления «нездоровых» настроений в молодежной среде.

Список литературы

1. Билим Н. Н. Молодежное движение и государственная молодежная политика на Советском Дальнем Востоке (ноябрь 1922 – июнь 1941) / Н. Н. Билим. Хабаровск : Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2013. 212 с.
2. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 600.
3. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО) Ф. П-735. Оп. 1. Д. 473.
4. ГАСПИТО Ф. П-1102. Оп. 1. Д. 72.
5. ГАСПИТО Ф. П-1156. Оп. 1. Д. 33.
6. ГАСПИТО Ф. П-1156. Оп. 1. Д. 48.
7. ГАСПИТО Ф. П-1180. Оп. 1. Д. 53.
8. ГАСПИТО Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 141.
9. ГАСПИТО Ф. П-1194. Оп. 1. Д. 158.
10. ГАСПИТО Ф. П-1221. Оп. 1. Д. 136.
11. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО) Ф. Р-1499. Оп. 1. Д. 900.
12. ГАТО Ф. Р-1499. Оп. 1. Д. 1207.
13. Ипполитов В. А. Общественно-политические настроения комсомольцев в середине 1930-х гг. / В. А. Ипполитов // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 36–48.
14. Коммуна. 1937. 8 марта.
15. Криворученко В. К. Молодежь, комсомол, общество 30-х годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодежной среде / В. К. Криворученко. М. : Московский гуманитарный институт, 2011. 166 с.
16. Молодой сталинец. 1938. 1 мая.
17. Молодой сталинец. 1938. 3 октября.
18. Молодой сталинец. 1939. 23 февраля.
19. Молодой сталинец. 1940. 2 июля.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1234.
21. РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1238.
22. Сафонов Д. А. Стенгазеты как элемент советской действительности 1920–1930-х годов / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. 2015. № 1. С. 136–155.
23. Слезин А. А. Молодежь и власть / А. А. Слезин. Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2002. 220 с.
24. Слезин А. А., Якимов К. А. Развенчание вождей в конце 1930-х годов: реакция советской молодежи / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 102–106.
25. Соколов В. И. Кровь и пот строителей социализма в СССР: 30-е годы XX века. Историко-популярный очерк / В. И. Соколов, Д. В. Соколов. Рязань : Ряз. обл. тип., 2007. 336 с.
26. Стецура Ю. А. Молодежь в постреволюционной модернизации России / Ю. А. Стецура. Армавир : АГПА, 2013. 240 с.
27. Тамбовская правда. 1937. 6 сентября.
28. Тамбовская правда. 1938. 22 апреля.
29. Тамбовская правда. 1938. 1 мая.
30. Тамбовская правда. 1938. 12 декабря.
31. Тамбовская правда. 1939. 22 июня.
32. Тамбовская правда. 1939. 24 декабря.
33. Тамбовская правда. 1940. 3 сентября.
34. Тамбовская правда. 1940. 5 декабря.
35. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 366 с.
36. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. М. : РОССПЭН, 2010. 479 с.
37. Цветлюк Л. С. Молодежь в преобразовании страны на коммунистических началах: методология, историография, исторические уроки 1917–1941 / Л. С. Цветлюк. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 393 с.

38. Якимов К. А. Общественные настроения молодежи в годы массовых политических репрессий конца 1930-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2016. 3. С. 234–251. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.3.18907. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_18907.html.

Youth perception of the socio-economic policy of the Soviet government in 1937–1940

K. A. Yakimov

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of history and philosophy,
Tambov State Technical University, Russia, Tambov. E-mail: gnom-gnom123@mail.ru

Abstract. Addressing the problem of studying the peculiarities of the public consciousness of the younger generation in the pre-war period is relevant, since, despite the availability of fundamental research on Soviet society in the 1930s, most of them are generalized, and certain aspects of the topic are still poorly studied. At the same time, regional localization contributes to a more in-depth study of the declared topic. On the basis of archival documents and materials from periodicals of the Tambov region, the article reveals the public sentiments and mental attitudes of youth. The study of the characteristics of public consciousness in the period under study makes it possible to expand the understanding of the sources of enthusiasm and labor heroism of young men and women. The facts obtained in the course of the study indicate the heterogeneity of the consciousness of youth. It has been proved that the increase in the authority of the Soviet government in the eyes of young men and women was largely facilitated by the social elevators that have become generally available, contributing to more successful socialization and career growth. The policy of state paternalism gave rise to optimism and conviction among youth in the correctness of the chosen political course. Belief in the possibility of achieving the ideals of communism, fueled by the success of the industrialization of the first five-year plans, made it possible to put up and not notice many difficulties of everyday life. A high level of patriotism and the habit of being content with little were the most important components of the consciousness of the younger generation.

In addition, the article shows the differences in public attitudes of urban youth from rural youth. The author notes that the collective farm youth had relatively fewer opportunities for social growth, which stimulated the growth of critical and protest sentiments among the youth.

Keywords: youth, Komsomol, public consciousness, social elevators, socialization.

References

1. Bilim N. N. *Molodezhnoe dvizhenie i gosudarstvennaya molodezhnaya politika na Sovetskom Dal'nem Vostoke (noyabr' 1922 – iyun' 1941)* [Youth movement and state youth policy in the Soviet Far East (November 1922 – June 1941)] / N. N. Bilim. Habarovsk. Habarovsk border Institute of the FSB of Russia. 2013. 212 p.
2. State archive of socio-political history of the Voronezh region (SASPHVR). F. 8. Inv. 1. File 600.
3. State archive of socio-political history of Tambov region (SASPHTR) F. P-735. Inv. 1. File 473.
4. SASPHTR F. П-1102. Inv. 1. File 72.
5. SASPHTR F. П-1156. Inv. 1. File 33.
6. SASPHTR F. П-1156. Inv. 1. File 48.
7. SASPHTR F. П-1180. Inv. 1. File 53.
8. SASPHTR F. П-1184. Inv. 1. File 141.
9. SASPHTR F. П-1194. Inv. 1. File 158.
10. SASPHTR F. П-1221. Inv. 1. File 136.
11. State archive of the Tambov area (SATR) F. P-1499. Inv. 1. File 900.
12. SATR F. P-1499. Inv. 1. File 1207.
13. Ippolitov V. A. *Obshchestvenno-politicheskie nastroyeniya komsomol'cev v seredine 1930-h gg.* [Social and political attitudes of members of the Komsomol in the mid-1930s] / V. A. Ippolitov // *Genesis: istoricheskie issledovaniya* – Genesis: historical research. 2016. No. 6. Pp. 36–48.
14. *Kommuna* – Commune. 1937. March 8.
15. Krivoruchenko V. K. *Molodezh', komsomol, obshchestvo 30-h godov XX stoletiya: k probleme repressij v molodezhnoj srede* [Youth, Komsomol, society of the 30s of the XX century: on the problem of repression in the youth environment] / V. K. Krivoruchenko. M. Moscow Humanitarian Institute. 2011. 166 p.
16. *Molodoj stalinec* – Young Stalinist. 1938. May 1.
17. *Molodoj stalinec* – Young Stalinist. 1938. October 3.
18. *Molodoj stalinec* – Young Stalinist. 1939. February 23.
19. *Molodoj stalinec* – Young Stalinist. 1940. July 2.
20. Russian state archive of socio-political history (RSASPH) F. M-1. Inv. 23. File 1234.
21. RSASPH F. M-1. Inv. 23. File 1238.

22. Safonov D. A. *Stengazety kak element sovetskoj dejstvitel'nosti 1920–1930-h godov* [Wall newspapers as an element of Soviet reality in the 1920s–1930s] / D. A. Safonov // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta : elektronnyj nauchnyj zhurnal* – Herald of the Orenburg State Pedagogical University : electronic scientific journal. 2015. No. 1. Pp. 136–155.
23. Slezin A. A. *Molodezh' i vlast'* [Youth and power] / A. A. Slezin. Tambov. TSTU. 2002. 220 p.
24. Slezin A. A., Yakimov K. A. *Razvenchanie vozhdjev v konce 1930-h godov: reakciya sovetskoj molodezhi* [Debunking the leaders in the late 1930s: the reaction of Soviet youth] / A. A. Slezin, K. A. Yakimov // *Voprosy istorii* – Question of history. 2019. No. 2. Pp. 102–106.
25. Sokolov V. I. *Krov' i pot stroitelej socializma v SSSR: 30-e gody XX veka. Istoriko-populyarnyj ocherk* [Blood and sweat of the builders of socialism in the USSR: the 30s of the twentieth century. Historical and popular essay] / V. I. Sokolov, D. V. Sokolov. Ryazan. Ryazan region typ. 2007. 336 p.
26. Stecura Yu. A. *Molodezh' v postrevolyucionnoj modernizacii Rossii* [Youth in post-revolutionary modernization of Russia] / Y. A. Stecura. Armavir. ASPA. 2013. 240 p.
27. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1937. September 6.
28. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1938. April 22.
29. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1938. May 1.
30. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1938. December 12.
31. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1939. June 22.
32. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1939. December 24.
33. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1940. September 3.
34. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1940. December 5.
35. Fitzpatrick Sh. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city] / Sh. Fitzpatrick. 2nd ed. M. Russian political encyclopedia (ROSSPEN) ; Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin. 2008. 366 p.
36. Hlevnyuk O. V. *Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [Host. Stalin and the approval of the Stalinist dictatorship] / O. V. Hlevnyuk. M. ROSSPEN. 2010. 479 p.
37. Cvetlyuk L. S. *Molodezh' v preobrazovanii strany na kommunisticheskikh nachalah: metodologiya, istoriografiya, istoricheskie uroki 1917–1941* [Youth in the transformation of the country on Communist principles: methodology, historiography, historical lessons 1917–1941] / L. S. Cvetlyuk. M. Moscow. Humanit. University. 2006. 393 p.
38. Yakimov K. A. *Obshchestvennye nastroyeniya molodezhi v gody massovyh politicheskikh repressij konca 1930-h gg.* [Public attitudes of youth in the years of mass political repressions of the late 1930s] // *Genesis: istoricheskie issledovaniya* – Genesis: historical research. 2016. 3. Pp. 234–251. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.3.18907. Available at: http://www.e-notabene.ru/hr/article_18907.html.

УДК 94(470.342)"1941/1945"

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.032

Помощь ВЛКСМ фронту и населению в деле сохранения здоровья в 1941–1945 гг. (на материалах Кировской области)

М. Н. Свинцова

кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-9402-0816. E-mail: MarinaMamzel@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена деятельности Кировской организации Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи в годы Великой Отечественной войны в сфере сохранения здоровья населения Кировской области и воинов Красной армии.

В годы войны ввиду регулярных мобилизаций специалистов на фронт, большого притока раненых в эвакогоспитали тыла, эвакуации взрослого населения и детей из западных областей СССР на восток, кадрового дефицита, в том числе медицинского персонала, требовался ресурс для обеспечения непрерывной работы предприятий, учреждений, систем и сохранения здоровья населения. К началу войны в Кировской области в комсомоле состояло более 70 тысяч молодых людей, которые активно участвовали в решении этих задач. Кировский комсомол развернул большую работу и оказывал помощь военно-медицинской службе в восстановлении здоровья личного состава Красной армии в госпиталях, органам здравоохранения, советским и партийным органам управления в организации лечения и сохранения здоровья и эпидемического благополучия местного и эвакуированного населения. Комсомольцы заботились о детях-сиротах, больных и раненых, семьях фронтовиков, осуществляли сбор средств и предметов обихода для госпиталей и детских домов и интернатов, а также массовую работу по повышению санитарной грамотности населения. Целью настоящего исследования является анализ деятельности Кировского комсомола в годы Великой Отечественной войны, оценка вклада молодых людей в функционирование службы здоровья Кировской области и достижение Победы. Анализ деятельности ВЛКСМ в Кировской области проведен на основе изучения опубликованных и неопубликованных документов центральных и региональных государственных архивов Российской Федерации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Кировская область, комсомол, эвакогоспитали, детские дома, Кировская организация Красного Креста.

Тема участия молодых людей в системе медицинской помощи в годы Великой Отечественной войны актуальна по нескольким причинам. Во-первых, в 2020 г. цивилизованные страны мира празднуют 75-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной войн, опыт которых еще изучен не до конца. Во-вторых, сегодня проблема сохранения здоровья и жизни населения стала глобальной ввиду реальной возможности распространения эпидемий и других угроз, преодоление которых требует задействовать большой человеческий ресурс. Кроме того, часть ответственности за их преодоление ложится на регионы, поэтому важно изучать региональный исторический опыт в условиях чрезвычайной ситуации (войны, эпидемии). В-третьих, в настоящее время создается множество государственных программ, направленных на поддержку инициативной молодежи, создание молодежных организаций, большое внимание уделяется волонтерскому движению, роль которого сегодня возрастает, особенно в сфере сохранения здоровья людей.

Целью данной работы стал анализ вклада кировского комсомола в дело сохранения здоровья населения в годы Великой Отечественной войны.

Создание 29 октября 1918 г. Российского коммунистического союза молодежи (с 1926 г. – Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи – ВЛКСМ) преобразовало деятельность инициативной советской молодежи в систему и позволило реализовать стремления молодых людей трудиться на благо Родины. ВЛКСМ стал помощником и инструментом коммунистической партии, а также способом воспитания советской молодежи.

В период строительства Советского государства и в довоенные годы на плечи комсомола легла работа по восстановлению и развитию народного хозяйства, функционированию всеобщей, распространению грамотности и науки среди рабочей молодежи. ВЛКСМ стал флагманом стахановского движения в стране, популяризация которого во многом обязана

энтузиазму молодых людей. В Кировской области всеобщее и стахановское движение были основными направлениями работы комсомола в предвоенный период [16, с. 38–42].

В ВЛКСМ могли вступать молодые люди с 14 (до 1912 г. – с 15 лет) до 26 лет [14, с. 6]. По данным исследователя Г. А. Гончарова, в начале 1941 г. в рядах кировского комсомола состояло 73 350 человек (3 % от всего населения области) [5, с. 56]. В годы войны должности секретарей обкома ВЛКСМ занимали Н. Н. Дураков, А. Ф. Кокорина, И. В. Щепин, А. А. Винокуров, В. М. Юрковский.

Война потребовала перестройки жизни общества на военные рельсы. Комсомольцы области немедленно откликнулись на требования военного времени. К примеру, в Нагорском и Котельничском районах комсомольские собрания прошли уже к 25 июня 1941 г. [10, с. 25–27, 33–34]. Нужно отметить, что встречались панические настроения, случаи агитации пораженчества и даже факты саботажа [10, с. 35], с чем боролись партия и комсомол. При этом подавляющее большинство молодых людей было настроено патриотически, осознанно готово всеми силами помочь в борьбе с врагом. В июне 1941 г. поменялся вектор работы комсомола, перед ВЛКСМ были поставлены новые задачи.

Важной задачей комсомола стало укрепление Красной армии посредством добровольного ухода на фронт. К 28 июня 1941 г. 2000 комсомольцев Кировской области подали заявления о добровольном уходе на фронт [10, с. 30]. Военный отдел областного комитета ВЛКСМ, райкомы комсомола в сотрудничестве с облвоенкоматом и райвоенкоматами стали пунктами мобилизации комсомольцев в ряды действующей армии. На службу отбирали организованных, политически устойчивых, физически крепких молодых людей. Параллельно происходило обучение и зачисление в ряды народного ополчения.

По данным отчета Кировского обкома о работе областной организации ВЛКСМ за годы войны, из области на фронт было направлено 55 301 комсомолец (воздушно-десантные войска, гвардейские минометные части, лыжные отряды, Краснознаменный Балтийский флот, части МПВО по защите г. Москвы, оборона Сталинграда) [9, с. 141]. Многие комсомольцы уходили в партизанские отряды.

Кировскими комсомольцами создавались различные фонды для помощи фронту. К примеру, по инициативе комсомольцев меховой фабрики «Белка» был создан фонд для строительства танковой колонны «Кировский комсомолец», в сборе средств в который кроме комсомольцев принимали участие школьники, тимуровские команды [10, с. 139, 146] (тимуровское движение возникло в 1941 г. [13, с. 127]). За военный период были собраны средства для трех таких колонн. Обком и райкомы ВЛКСМ одобрили инициативу и обеспечили руководство проведением кампаний по сбору средств [10, с. 139]. Регулярно проводились воскресники [10, с. 122–124], средства от которых (материальные и денежные сборы, трудовые и зарплата) передавались в пользу «Фонда обороны» (создан 1 августа 1941 г.). Развернулось движение комсомольцев по экономии горючего и сбору металлолома.

Велась активная агитационная и политико-просветительская работа среди населения (к 28 июня 1941 г. 1000 комсомольцев отправлена в деревни Кировской области «для разъяснения задач, стоящих сейчас перед страной» [10, с. 30]).

Задачей комсомола стало повышение производительности труда в промышленности и в сельском хозяйстве. Если в довоенный период перевыполнение плана (стахановское движение, движение многостаночников) само по себе было целью, то теперь героизм на производстве стал пониматься по-иному, как средство служения Родине и борьбы с врагом. Июньские информационные о перестройке работы комсомольцев содержат примеры трудового героизма: «...в г. Котельнич в машинно-тракторной мастерской все комсомольцы 14 чел. нормы выработки выполняют на 300 %. В монтажном цехе комсомольцы: бригадир Чашин, Смертин, Баруткин, Зырин, Ураков на ремонте автомашин работают трое суток почти без перерыва, выполняя нормы выработки на 600-800 %... Комсомольцы колхоза «Мелиоратор» Котельничского сельсовета создали молодежно-комсомольскую бригаду из 24 человек. На дорожном и мелиоративном строительстве задание, которое предлагалось выполнить в 7-8 дней, выполняют в полтора дня» [10, с. 30].

Проводилось массовое военное обучение с целью помощи фронту и возможности адекватной замены работников различных специальностей в тылу после регулярных мобилизаций. Для замены ушедших на фронт мужчин готовились, в основном, девушки, осваивавшие профессии трактористов, комбайнеров, водителей машин. В июне 1941 г., по неполным данным, уже осваивали новые рабочие специальности 9 тыс. комсомольцев, а часть уже трудилась

в новом качестве [10, с. 31]. На сельскохозяйственные работы привлекались подростки, пионеры (прополка, окучивание овощей, работа на полях).

Шла подготовка комсомольцев и молодежи для спецподразделений с целью пополнения воинских частей военными специалистами (за 1941–1945 гг. мужчин – 32 143, женщин – 6 133 [9, с. 146–147]): истребителей танков, минометчиков, ручных пулеметчиков, автоматчиков, станковых пулеметчиков, снайперов, бойцов, саперов-подрывников, бойцов местных стрелковых войск, регулировщиков, караульщиков, телеграфистов, телефонистов, радистов. Райкомам ВКП(б) и обкомам ВЛКСМ предписывалось развернуть массово-политическую работу на военно-учебных пунктах молодежи для укрепления патриотического настроения обучающихся, назначив комсомольских организаторов для привлечения молодежи в ряды ВЛКСМ [8, с. 39]. Также ВЛКСМ готовил военных специалистов по оборонным специальностям совместно с ОСОАвиаХимом и Российским обществом Красного Креста (РОКК) по тому же принципу через спецподразделения и систему курсов. В учебных группах совместно с обкомом физкультуры и спорта (секретарь обкома Выборнова) и обкомом РОКК (секретарь обкома М. И. Зверева) организовывался прием норм ГТО и ГСО [8, с. 39].

Комсомольские организации области с большим патриотическим подъемом откликнулись на призывы ЦК партии и помогали фронтовым районам страны в восстановлении после боев и немецкой оккупации (Донбасс, Сталинград).

Комсомольцы оказывали содействие милиции и пожарной охране (в июне 1941 г. создано 13 дружин с охватом 150 человек) [10, с. 31].

Важной задачей комсомола стала максимальная помощь медицинской службе в деле восстановления здоровья бойцов и командиров Красной армии, сохранения здоровья и эпидемического благополучия населения и организация участия со стороны жителей Кировской области.

В военный период в Кировской области одновременно действовало более 100 эвакуационных госпиталей. Общественная помощь со стороны комсомола заметно ускорила процесс развертывания военно-медицинских учреждений и подготовки помещений к приему раненых в условиях военного дефицита снабжения, медицинских кадров и рабочих рук.

С первых дней войны комсомольцы начали работу в госпиталях. При каждом госпитале из персонала формировалась своя комсомольская организация. К палатам комсомольские организации или санитарные дружины были прикреплены в качестве шефов, привлекались также комсомольцы из числа выздоравливавших бойцов. Первым примером стала комсомольская организация ЭГ № 355, оформившаяся к 8 июля 1941 г. В других госпиталях комсомольские организации формировались по мере готовности к приему раненых. Оформлением комсомольских организаций в госпиталях руководил отдел политпропаганды облвоенкомата [10, с. 147].

Проблемы недостаточного оснащения госпиталей решались обкомом ВКП(б) (секретарь В. В. Лукьянов) путем привлечения парторганизаций, профсоюзов и комсомола, которые организовывали для эвакуационных госпиталей сбор необходимых предметов быта у населения, усиления шефской работы по подготовке зданий госпиталей к приему раненых [8, с. 66].

Работа по обустройству помещений (палат, красных уголков, коридоров, столовых, пищеблоков и других) и наведению санитарного порядка, выполняемая комсомольцами и пионерами, была несложной, но важной (мытьё полов, сбор предметов обихода, посуды, книг и журналов, вышивка салфеток и шитьё занавесок для создания уюта в палатах, украшение палат картинами и цветами, побелка стен, борьба с клопами и мухами, стирка и починка белья и др.) [8, с. 73]. Шефство над госпиталями длилось на протяжении всей войны. С осени 1941 г. стал традиционным сбор подарков комсомольскими организациями для бойцов на фронте и в госпиталях к праздникам (Новый год, годовщина создания Красной армии). При комсомольских организациях были открыты пункты сбора посылок [10, с. 144].

Комсомольцы взяли на себя агитационную, политико-просветительскую и культурно-массовую работу с медперсоналом (в том числе беспартийными), ранеными и больными бойцами в госпиталях. К агитационной работе привлекались и находившиеся на лечении бойцы, к примеру, в госпитале № 3155 в палатах выбирался из числа раненых комсомольцев «беседчик», который разъяснял материалы советских газет, информацию Совинформбюро и т. д. [10, с. 152–156]. Информационная работа зачастую проводилась дифференцированно, с учетом сложности контингента групп раненых [10, с. 156]. Создавались комсомольские концертные группы, которые организовывали выступления самодеятельности для раненых и боль-

ных бойцов, проводились лекции, публичные читки газет и художественной литературы, доклады. Комсомольцы помогали раненым в написании и отправке писем на родину, инвалидам в оформлении пособий и пенсий, оказывали помощь семьям [10, с. 157]. Многие из них получили благодарности от руководства госпиталей и лечившихся бойцов.

Над госпитальными палатами шефствовали и пионеры. За 1944–1945 учебный год они провели 130 выходов в госпитали с концертами, приносили патефоны, собрали для бойцов на лечении 600 книг. По неполным данным, за годы войны кировские пионеры отправили на фронт около 500 посылок (платков и кисетов, большое количество портсигаров, мундштуков, шахмат, шашек, свыше 13 тысяч книг).

Работа комсомольских организаций в госпиталях для военнопленных отличалась (таких за время войны в Кировской области было 11). Как такового шефства над ними не велось, а политико-просветительская работа шла только среди медицинского и обслуживающего персонала. К примеру, в госпитале для военнопленных № 3947 в марте 1944 г. сделан доклад среди врачей и медсестер «Новые победы наших войск на Украине». Среди всего личного состава сделаны доклады: «О международном военном положении», «Об историческом значении Парижской коммуны», «О революционной деятельности Михаила Ивановича Калинина». С комсомольцами регулярно проводились теоретические собеседования и конференции по истории ВКП(б), политзанятия [8, с. 63].

Важной была работа комсомольцев, пионеров, воспитанников детских домов и оздоровительных лагерей, тимуровских команд по сбору лекарственного и пищевого сырья (лекарственных растений, грибов и ягод), проходившая под руководством областной комиссии, в состав которой входили представители заготовительных организаций. По сбору было развернуто социальное соревнование, планы по Кировской области регулярно перевыполнялись. Многие из них на жизненном опыте, бывая в госпиталях, знали о пользе лекарственных растений для восстановления бойцов и командиров Красной армии. Центральный комитет комсомола за хорошую работу награждал их ценными подарками и значками (Лиза Чименева, Алла Пилюшонок, Ага Черепанова, сестры Таня и Нина Лимоновы и другие) [9, с. 152].

Кроме госпиталей комсомольцы и пионеры брали шефство над санитарными поездами. Ученики Женской школы № 1 г. Кирова четыре года шефствовали над военно-санитарным поездом: встречали раненых, обеспечивали литературой и газетами, готовили подарки для бойцов. Медицинский персонал санитарного поезда помог организовать санитарную работу в школе: уголок Красного Креста, сдачу норм ГСО 1 и 2 очереди, девушки-учащиеся получили звания сандружинниц. За заботу о санитарном поезде школьники получили в подарок учебно-письменные принадлежности [11, с. 194].

Нехватка медицинского персонала в госпиталях (с 1942 г. – в т. ч. младшего медперсонала) сделала необходимой помощь шефов по уходу за тяжелобольными, слепыми, тяжелоранеными. С начала войны кадры санитарных инструкторов готовились в окружной школе Уральского Военного округа [10, с. 59–60]. К работе в госпиталях привлекались чаще всего девушки-комсомолки, прошедшие курсы кировского общества Красного Креста, организовавшего систему подготовки младших медицинских кадров.

Партийные органы и комсомольские организации оказывали помощь в проведении наборов на курсы медсестер и организации сандружин. В Кировской области концу июня 1941 г. уже начали обучение около 4000 девушек-комсомолок [10, с. 30]. В числе активистов областного Красного Креста на 1 января 1942 г. 23,4 % являлись членами и кандидатами ВЛКСМ (14 935 комсомольцев из 63 812 активистов [2, л. 107]), а на 1 января 1943 г. – 22,5 % (13 500 из 60 009 человек [1, л. 74]).

На 1 января 1944 г. среди руководящих кадров кировского Красного Креста (председателей райкомов) 36,8 % состояли в ВЛКСМ (всего по области 57, из которых 21 – в комсомоле) [3, л. 249].

Кроме работы в госпиталях и на предприятиях, комсомольские санитарные дружины отправлялись на фронт. В ноябре 1941 г. была сформирована «ударная комсомольская» сандружина из Кирова для работы на передовой [15, с. 4; 7, с. 4].

ВЛКСМ участвовал в работе областной школьной секции Красного Креста, которая занималась подготовкой школьных сандружин. В состав секции от обкома ВКП(б) в 1941 г. вошла инструктор Т. Старостина [3, л. 250об.].

В регулярных областных комсомольских воскресниках решались задачи медицинского характера. Большие санитарные потери Красной армии в первом периоде войны потребовали

увеличения армии доноров. К примеру, на комсомольском воскреснике 18 августа 1941 г. работали слушательницы школы медсестер РОКК и проводили агитационную и разъяснительную работу о значении переливания крови, вовлекая население в ряды доноров. К концу 1942 г. в Кировской области было 3 404 донора [4, л. 3], к концу 1943 г. – 11 000 доноров [1, л. 72об.]. В области в годы войны общее количество доноров – 11 500, из которых 8 860 человек было привлечено участниками кировского Красного Креста [9, с. 123].

Архивные документы и газеты того времени хранят имена регулярных доноров (Поплавская, Овчинникова, Перминова, Пестрикова, Пахомова, Привалова) [1, л. 72об.; 3, л. 250 об.; 9, с. 123]. В тексте радиопередачи «Последние известия» 1941 г. сообщалось, что на Кировской текстильной фабрике «Красный труд» врач фабрики Пярых и члены партийного бюро провели беседу, после которой 35 работниц фабрики пожелали записаться в доноры. «С радостью поделюсь своей кровью с бойцами родной Красной армии. Счастлива буду, если помогу этим восстановить здоровье и силы наших героев», – говорила инженер-технолог завода Е. И. Шарова, записываясь в доноры [12, с. 4].

Комсомольцы госпиталей готовили медикаменты и чинили медицинский инвентарь для медицинских учреждений передовой. Например, в 1943 г. комсомольцы кировского госпиталя оборудовали отделение на 50 коек для отправки в Сталинград [6, с. 4].

Забота о здоровье красноармейцев не ограничивалась работой в госпиталях. Традицией военных лет стал сбор комсомольцами денег и вещей для различных нужд фронта. В тексте радиопередачи «Последние известия» от 7 января 1944 г. сообщалось о том, что комсомольцы первичной организации при Кировском отделении Государственного банка собрали 4,5 тыс. рублей на приобретение теплых вещей для бойцов и командиров, нужд подшефного детдома – 5 тыс. рублей, для заводов по производству оружия и боеприпасов – 10 тонн металлолома, подшефного госпиталя – 100 пар носков, 100 книг для библиотеки, шашки, домино, шахматы [8, с. 47].

Комсомольские организации привлекались для помощи обкому ВКП(б), облвоенкомату (начальник Г. В. Зубчанинов) и райвоенкоматам в поиске или находившихся на лечении в госпиталях участников обороны Ленинграда, Сталинграда, Одессы, Севастополя, Москвы, Северного Кавказа и других боевых операций, награжденных орденами и медалями Советского Союза, но не получивших своих наград, а также семей погибших при обороне городов и местностей фронтовиков, для вручения им соответствующих медалей [8, с. 35].

ВЛКСМ в годы войны проявлял заботу о здоровье детей, попавших в годы войны в сложную жизненную ситуацию и оставшихся сиротами в военное время, и детей фронтовиков. С ноября 1941 г. областной совет женщин-общественниц организовал регулярную помощь детским домам.

В 1942 г. кировчанин, капитан Тихоокеанского флота Петр Безносиков взял на воспитание девочку-сироту Надю. Поступок вызвал отклик у комсомольцев и послужил для многих примером: в Омутнинском районе 25 человек усыновили детей, комсомолка Игнатьева взяла в семью новорожденного мальчика, председатель колхоза «Красный свет» Норицын взял на воспитание второго мальчика, комсомолка Наговицына – девочку. За годы войны в Кировской области было взято на воспитание свыше 400 детей-сирот или потерявших связь с родителями [9, с. 158].

Весной 1942 г. на средства комсомольцев г. Кирова был открыт первый в области комсомольский детский дом на 100 детей. Для сбора средств 8 марта 1942 г. был проведен воскресник, в котором участвовало 70 тыс. человек, собрано общими силами 500 тыс. рублей, изготовлено и собрано 33 тыс. вещей (одежды, обуви и продуктов питания). По примеру кировских комсомольцев такие детские дома были открыты в Верховинском, Советском, а затем в других районах области. Комсомол вел подсобные хозяйства, обеспечивая питание детей, привлекал для помощи общественные организации. По инициативе ВЛКСМ в районах Кировской области открывались колхозные интернаты в помощь многодетным семьям и детям фронтовиков. Интернат на 12 детей в колхозе им. Ленина (Слободской район) стал первым, затем интернаты появились в Верховинском, Даровском, Советском, Молотовском и других районах. На государственное финансирование комсомольские детские учреждения были переданы только в 1945 г.

В годы войны в Кировскую область из прифронтовых и временно оккупированных районов было эвакуировано 70 тыс. детей, более 30 тыс. из которых – организовано с детскими домами и интернатами. Количество детдомов в области в первый военный год выросло

с 23 детских домов (2 350 детей) до 86 и 155 эвакуированных детских интернатов. На 1 мая 1944 года в Кировской области действовал 101 детский дом на 12 550 детей (54 местных, 47 эвакуированных, в т. ч. 6 спецназначения) и 126 эвакуированных интернатов (11 058 детей) [8, с. 105].

Состояние здоровья воспитанников в детских учреждениях области в военное время было удовлетворительным, но случались отдельные вспышки инфекционных заболеваний. К примеру, в 1944 г. 9 детей заболело сыпным тифом в Верхошижемском детдоме, зарегистрировано 6 случаев брюшного тифа в Уржумском детдоме, 4 случая смерти от туберкулеза по области. В конце 1943–1944 гг. в детдомах № 1 Кировского района, № 49, № 89 Зуевского района, детдомах и интернатах Слободского района, № 63 Верхошижемского района были часты случаи фурункулезов, авитаминозов, туберкулеза, дистрофий [8, с. 105]. Чаще всего причиной болезни было недостаточное питание. Подсобные хозяйства редко давали хороший урожай (картофель, овощи и др.), там, где он удавался, проблем с дефицитом не было (Шабалинский, Халтуринский, Верховинский районы).

Из централизованных фондов в детские учреждения часто не поступали необходимые продукты или были низкого качества (масло, сыр, животное масло, кондитерские изделия, сахар, рыба). В начале 1944 г. с дефицитом столкнулись 14 районов (например, детскими учреждениями Шестаковского района не получено 400 кг сыра, 325 кг кондитерских изделий, 150 кг животного масла, 800 кг рыбы; детскими учреждениями Макарьевского района не получено 460 кг крупы, 1100 штук яиц, 34 кг растительного масла, 126 кг животного масла, 175 кг кондитерских изделий, 105 кг сахара, 559 кг рыбы) [8, с. 106]. Часто не доставало картофеля и корнеплодов для посадки на приусадебных участках, семян огородных культур, как правило, хватало [8, с. 117–118].

Пагубно на здоровье детей сказывался дефицит верхней одежды, к примеру, в 1944 г., в результате проведенного областным отделом народного образования учета установлено, что в среднем воспитанник детдома обеспечен пальто на 70 %, валенками – на 60 %. Не хватало постельных принадлежностей и одежды: простыней – 1,9 штуки, верхнее платье – 1,3 штуки на одного ребенка [8, с. 105–108].

Летом 1943 г. на пленуме обкома ВЛКСМ обсуждался вопрос «О работе с детьми, оставшимися без родителей», было принято решение уделить больше внимания заботе о детях и семьях фронтовиков. Кировский обком комсомола открыл специальный счет, куда поступило 2 миллиона рублей от желающих помочь детям [9, с. 160].

Комсомольские организации колхозов организовывали питание, помывку в банях, обеспечивали детские дома мебелью и инвентарем, постельным бельем, дровами в районах области (детдома д. Мышкинцы Шестаковского района, д. Гостево Котельничского района, д. Чернопены, колхозов «Застрельщик», «Большевик», «Коммунизм» Высоковского сельсовета Арбажского района и другие) [9, с. 158].

Комсомольцы участвовали в создании продовольственных, вещевых и денежных фондов, организовав сбор хлеба, картофеля, круп, гороха, масла [8, с. 85–86], вязаных и трикотажных изделий для детей (чулки, варежки, валенки), сырья для изготовления теплой одежды, чинили и шили белье, стирали, гладили. При обкоме ВЛКСМ была создана областная комиссия по сбору теплых вещей. Архивы хранят свидетельства фактов, когда комсомольские организации предприятий и учреждений электрифицировали детские дома, собирали радиоприемники, инструмент для слесарной мастерской, игрушки, обувь, одежду, занавески, поясные ремни, тетради, блокноты, расчески, репродукторы, комплекты посуды, носки, рукавицы, предметы обихода (бачки, кружки и т. д.), оборудовали зубоврачебные кабинеты, организовали дополнительное питание, мастерили табуретки, тумбочки, стульчики, столы и много других вещей (комсомольцы завода им. Ленина г. Кирова, артелей «Спартак», «Мебель», им. Стасова, комбината «Коминтерн», завода № 32, шубно-овчинного завода, завода Физприбор № 2 г. Кирова, фабрики «Красный курсант», Медянского и Пижанского райкомов, Пасеговского сельсовета, колхоза «Свободный путь», колхозов «16 лет Октября» и «Первомайский» Ижевского сельсовета, системы облместпрома райпромкомбината, кордной фабрики, машстройзавода и других [8, с. 58–60, 120; 9, с. 136–163]). Движение было подхвачено по всей области, горком и райкомы ВЛКСМ оказывали практическую помощь в организации сбора первичными организациями комсомола на местах.

Комсомольскими организациями формировались и раздавались индивидуальные подарки для детей-сирот. В 1944 г. в газете «Кировская правда» был освещено формирование

комсомольскими организациями Унинского райкома комсомола (секретарь Е. Новоселова) подарков для детей фронтовиков (40 комплектов костюмов, 43 комплекта белья, 22 пары кожаной обуви, 17 пар валенок, 15 шапок-ушанок, 35 шерстяных шарфов и 15 тыс. руб.), а также пример Сардыжской территориальной комсомольской организации (секретарь т. Ключкин) – 10 000 рублей, мед, масло и другие продукты, и Кротовской организации (секретарь тов. Емшанова) – 7 500 рублей. Всего собрано по району около 41 тыс. рублей [8, с. 94].

В Кировской области при обкоме, горкоме и райкомах комсомола на протяжении всей войны организовывались денежные, материальные и продовольственные фонды для помощи детям, средства которых расходовались на обеспечение детских учреждений (г. Киров, Тужинский, Слободской, Вятскополянский, Лебяжский и другие районы). Основной формой сбора денег была организация платных концертов райкомами комсомола, комитетами комсомола учреждений и предприятий (комсомольцы заводов №№ 32, 38, 537, комбината «Искож» и других). По материалам к пленуму горкома ВЛКСМ за 1944 г., денежный фонд помощи детям фронтовиков в 1944 г. составлял 208 550 рублей [8, с. 93].

Создавались мастерские для изготовления валенок, организовывались летние интернаты для детей-сирот (в 1944 г. в Лебяжском районе 8 интернатов для 780 детей [8, с. 86]), проводились проверки материально-бытовых условий жизни, контроль качества продуктов и режима горячего питания, принимались меры по устранению обнаруженных недостатков, велся учет детей-беспризорников, обрабатывались пришкольные участки. Комсомольцы помогали подросткам продолжить обучение, устроиться на работу, организовать досуг (концерты при Доме культуры, киносеансы, вечера художественной самодеятельности, встречи с участниками войны, литературные вечера) [8, с. 85–86]. В качестве воспитателей и няней часто работали девушки, 70 % из них состояли в комсомоле. Госпитали укомплектовали и передали детям 6 аптек: 4 – для детского дома и 2 аптечки для городского детского пропускника. Комсомольцами и молодежью доставлены дрова 67 семьям фронтовиков [8, с. 93–94].

В годы войны в школах области насчитывалось около 500 тимуровских команд (команды Паши Муратова в Омутнинском районе, Белых и Вихаревой в Унинском районе, Тимуровцы средней школы № 1 г. Халтурина, Марионовской начальной школы, г. Слободского и другие) [9, с. 155], которые заботились о семьях фронтовиков, о детях-сиротах, о малышах, которые остаются дома одни, помогли на приусадебных участках, тимуровцы средней школы № 8 г. Кирова шефствовали над трахоматозным санаторием, отправляли детям посылки с книгами и учебными пособиями, писали письма, пилили дрова, мыли полы, носили воду, организовали сбор денег, овощей, игрушек, металлолома, устраивали встречи с мастерами парашютного дела, артистами, приводили в порядок двор школы, посадили яблони, вишни, ягодные кустарники.

Одним из проявлений заботы комсомольцев о здоровье детей во время войны стала организация летних детских оздоровительных лагерей. Кроме лета 1941 г. (дети в связи с мобилизацией взрослых были направлены на сельскохозяйственные работы) такая практика осуществлялась каждый военный год.

С 1942 г. комсомольские организации фактически руководили работой оздоровительных лагерей: готовили помещения, формировали личный состав, контролировали снабжение и питание лагерей, организовывали воспитательную и культурно-массовую работу. При организации возникали трудности с материальным обеспечением, оборудованием лагерей и количеством детей, нуждавшихся в летнем отдыхе. Комсомольцы, прибегнув к помощи населения области, справились с данными проблемами, за период с 1942 по 1944 гг. в оздоровительных лагерях по дополнительным бесплатным путевкам провело лето на 16 тысяч детей больше, чем по государственному плану [9, с. 161–163].

Кроме воспитательной и педагогической работы в лагерях организовывалось трудовое воспитание, физкультура, чтение художественной литературы, самодеятельность, культурно-массовые мероприятия (детские киносеансы, тематические кинофестивали патриотического содержания, утренники, прогулки в парках, походы, экскурсии, оздоровительная работа). Все школьные детские дома переводились летом на лагерный режим жизни. В учреждениях для ослабленных детей создавались особые санаторные группы, а некоторые дома целиком перешли на санаторное питание. Режим, специальное врачебное наблюдение и усиленное питание помогали восстанавливать здоровье детей и нормализовать их вес. В отдельных районах (Халтуринском, Котельничском, Молотовском) при участии комсомольцев создавались специальные санатории для лечения и отдыха воспитанников детдомов и интернатов.

Активную деятельность комсомола в годы Великой Отечественной войны, вклад его в общее дело сохранения здоровья населения и бойцов Красной армии трудно переоценить. Во-первых, была выполнена большая работа, которая позволила разгрузить в эвакуогоспиталях профессиональные медицинские кадры от механической работы, заменить ушедших на фронт и частично восполнить дефицит младшего медицинского персонала, ускорив процесс лечения бойцов Красной армии. Во-вторых, комсомол проявил заботу о здоровье детей фронтовиков, оставшихся без попечения родителей, а также эвакуированных в область детских учреждений. В-третьих, масштаб движения, его массовость говорит об активности советской молодежи и ее стремлении трудиться на благо Родины и своего народа.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9501. Оп. 2. Д. 658.
2. ГАРФ. Ф. Р-9501. Оп. 9. Д. 38.
3. ГАРФ. Ф. Р-9501. Оп. 9. Д. 40.
4. ГАРФ. Ф. Р-9501. Оп. 9. Д. 44.
5. Гончаров Г. А. Комсомол в системе управления тыловым регионом в годы Великой Отечественной Войны (1941–1945 гг.): на материалах Кировской области // Российская государственность в XXI веке: модели и перспективы социально-политического развития : материалы научно-практической конференции. 2017. С. 55–58.
6. Готовим медицинский инвентарь и медикаменты // Кировская Правда. 13 марта 1943 г. № 58 (2376). С. 4.
7. Готовятся кадры медсестер запаса // Кировская Правда. 14 ноября 1941. № 271 (1970). С. 4.
8. Испытание войной. 1944 год : сборник документов из фондов КОГКУ «ГАСПИ КО». Киров, 2014. 320 с.
9. Испытание войной. 1945 год. Итоги : сборник документов из фондов КОГКУ «ГАСПИ КО». Киров : ВЕСИ, 2014. 183 с.
10. Испытание войной : сборник документов из фондов КОГКУ «ГАСПИ КО» о начале Великой Отечественной войны в Кировской области. Киров, 2014. 372 с.
11. Колчанова Е. И. Комсомол города в годы испытаний // Город, ковавший Победу: Киров в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 кн. / Администрация г. Кирова ; Золотой фонд Вятки. Киров, 2012. Кн. I. С. 189–203.
12. Коротаева Е. Доноры // Кировская Правда. 24 августа 1941 г. № 201 (1900). С. 4.
13. Кудинов В. А. История детского и юношеского движения в России // Учебное пособие. Сер.: Воспитание в России: история и современность / В. А. Кудинов. Кострома, 2017. 289 с.
14. Месяц С. А. История высших органов комсомола 1918–1991 / С. А. Месяц. Красноярск, 2018. 207 с.
15. Письмо девушек-комсомольцев «На защиту своей счастливой молодости» // Кировская Правда. 14 ноября 1941. № 271 (1970). С. 4.
16. Чемоданов П. А. Роль комсомольских организаций в развертывании стахановского движения в Кировском крае (Кировской области) в 1935–1941 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 10. С. 38–42.

Assistance of the Komsomol to the front and population in health preservation in 1941–1945 (based on the materials of the Kirov region)

M. N. Svincova

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of Humanitarian Sciences,
Finance University under the Government of the Russian Federation.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-9402-0816. E-mail: MarinaMamzel@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the activities of the Kirov organization of the all-Union Leninist Communist youth Union during the great Patriotic war in the field of preserving the health of the region's population and soldiers of the red army.

During the war, due to regular mobilizations of specialists to the front, a large influx of wounded in the rear evacuation hospitals, the evacuation of adults and children from the Western regions of the USSR to the East, a shortage of personnel, including medical personnel, a resource was required to ensure the continuous operation of enterprises, institutions, systems and the preservation of public health. At the beginning of the war in the Kirov region the Komsomol consisted of more than 70 thousand young people, who helped in solving these problems. The Kirov Komsomol deployed a lot of work and provided assistance to the military medical

service in restoring the health of red army personnel in hospitals, health authorities, Soviet and party governing bodies in the organization of treatment and preservation of health and epidemic well-being of local and evacuated populations. Komsomol members took care of orphaned children, the sick and wounded, and families of front-line soldiers. Komsomol members took care of orphans, the sick and wounded peoples, families of front-line soldiers, collected funds and household items for hospitals and orphanages and boarding schools, as well as mass work to improve the health literacy of the population. The purpose of this research is to analyze the activities of the Kirov Komsomol during the great Patriotic war, to assess the contribution of young people to the functioning of the health service of the Kirov region and to achieve Victory. The analysis of the activities of the Kirov Komsomol is based on the study of published and unpublished documents of the Central and regional state archives of the Russian Federation.

Keywords: Great Patriotic War, Kirov region, Komsomol, evacuation hospitals, orphanages, Kirov Red Cross organization.

References

1. State Archives of the Russian Federation. F. P-9501. Inv. 2. File 658.
2. State Archives of the Russian Federation. F. P-9501. Inv. 9. File 38.
3. State Archives of the Russian Federation. F. P-9501. Inv. 9. File 40.
4. State Archives of the Russian Federation. F. P-9501. Inv. 9. File 44.
5. *Goncharov G. A. Komsomol v sisteme upravleniya tylovyim regionom v gody Velikoj Otechestvennoj Vojny (1941–1945 gg.): na materialah Kirovskoj oblasti* [Komsomol in the management system of the rear region during the Great Patriotic War (1941–1945): on the materials of the Kirov region] // *Rossijskaya gosudarstvennost' v XXI veke: modeli i perspektivy social'no-politicheskogo razvitiya : materialy nauchno-prakticheskoy konferencii* Russian statehood in the XXI century: models and prospects of socio-political development : materials of the scientific and practical conference. 2017. Pp. 55–58.
6. *Gotovim medicinskij inventar' i medikamenty* [We prepare medical equipment and medicines] // *Kirovskaya Pravda* – Kirov Truth. 13th March 1943. No. 58.
7. *Gotovyatsya kadry medsester zapasa* [Reserve nurses are being trained] // *Kirovskaya Pravda* – Kirov Truth. 14th November 1941. No. 271.
8. *Ispytanie vojnoj. 1945 god. Itogi : sbornik dokumentov iz fondov KOGKU "GASPI KO"*. [Test of war. 1944 : collection of documents from the funds of the State archive of the socio-political history of the Kirov region]. Kirov. 2014. 320 p.
9. *Ispytanie vojnoj. 1945 god. Itogi : sbornik dokumentov iz fondov KOGKU "GASPI KO"*. [Test of war. 1945. Results : collection of documents from the funds of the State archive of the socio-political history of the Kirov region]. Kirov. VESI. 2014. 183 p.
10. *Ispytanie vojnoj : sbornik dokumentov iz fondov KOGKU "GASPI KO" o nachale Velikoj Otechestvennoj vojny v Kirovskoj oblasti* [Test of war : collection of documents from the funds of the State archive of the socio-political history of the Kirov region about the beginning of the great Patriotic war in the Kirov region]. Kirov. 2014. 372 p.
11. *Kolchanova E. I. Komsomol goroda v gody ispytanij* [Komsomol of the city in the years of tests] // *Gorod, kovavshij Pobedu: Kirov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. : v 2 kn.* The city that forged the Victory: Kirov during the Great Patriotic War of 1941–1945 : in 2 books / Administration of Kirov ; Golden Fund of Vyatka. Kirov. 2012. Book I. Pp. 189–203.
12. *Korotaeva E. Donory* [Donors] // *Kirovskaya Pravda* – Kirov Truth. 24th August 1941. No. 201.
13. *Kudinov V. A. Istoriya detskogo i yunosheskogo dvizheniya v Rossii* [History of children and youth movement in Russia] / *Uchebnoe posobie. Ser.: Vospitanie v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Textbook. Ser. "Education in Russia: history and modernity"]. Kostroma. 2017. 289 p.
14. *Mesyac S. A. Istoriya vysshih organov komsomola 1918–1991* [History of the Supreme bodies of the Komsomol 1918–1991] / S. A. Mesyac. Krasnoyarsk. 2018. 207 p.
15. *Pis'mo devushek-komsomol'cev "Na zashchitu svoej schastlivoj molodosti"* [Letter of Komsomol girls "to protect their happy youth"] // *Kirov Truth*. 14th November. 1941. No. 271.
16. *Chemodanov P. A. Rol' komsomol'skih organizacij v razvertyvanii stahanovskogo dvizheniya v Kirovskom krae (Kirovskoj oblasti) v 1935–1941 gg.* [The role of Komsomol organizations in the deployment of the Stakhanov movement in the Kirov region in 1935–1941] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of the Vyatka State University for the Humanities. 2015. No. 10. Pp. 38–42.

Актуализация культурного наследия в контексте историко-патриотической пропаганды: публикации В. В. Данилевского периода Великой Отечественной войны*

А. В. Шаманаев

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0001-8955-8884. E-mail: shamanaev@mail.ru

Аннотация. Важным направлением современных практик сохранения культурного наследия является его актуализация в обществе. Обращение к историческому опыту выступает необходимым условием создания эффективных стратегий интеграции культурного наследия в жизнь социума. В статье рассматриваются примеры актуализации историко-культурного наследия в пропагандистских публикациях периода Великой Отечественной войны. В центре внимания автора – популярные, историко-публицистические и научные работы историка В. В. Данилевского. Все они были написаны и опубликованы в 1941–1945 гг. Представления о ценности объектов культурного наследия были органично вписаны в тексты историко-патриотического характера. Публикации В. В. Данилевского транслируют типичные идеологические установки военного времени. Их специфика проявляется в творческом использовании широкого круга исторических источников (в том числе неопубликованных архивных материалов). Анализ работ В. В. Данилевского показал, что ученый последовательно обосновывал ценность материальных свидетельств прошлого (документов, артефактов) для разоблачения идеологии национал-социализма и формирования уверенности в неизбежном разгроме агрессора. Особый акцент В. В. Данилевский делал на разъяснении необходимости сохранения исторического наследия Великой Отечественной войны для передачи будущим поколениям. Таким образом, В. В. Данилевский конструировал представления об историко-культурном наследии как ценном ресурсе, актуальном для победы в Великой Отечественной войне. Распространению культурно-просветительских и историко-патриотических идей ученого способствовали большие тиражи брошюр, газет, сборников, доходившие до сотен тысяч экземпляров. В настоящее время опыт В. В. Данилевского может быть использован при разработке программ патриотического воспитания, подготовке популярных публикаций, реализации проектов охраны культурного наследия.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, охрана культурного наследия, патриотическое воспитание, В. В. Данилевский.

В условиях масштабных военных потрясений обращение к историческому опыту побед над внешним врагом становится важной частью агитационно-пропагандистской работы. Деятель советской науки и культуры в годы Великой Отечественной войны широко использовали исторические примеры для сплочения граждан СССР, укрепления веры в неизбежный разгром врага, разоблачения фашистской пропаганды. Анализ практик формирования патриотизма и уважительного отношения к национальному историческому наследию приобретает особую актуальность в современных условиях, когда остро стоит вопрос о сохранении национальной идентичности на фоне процессов глобализации, в том числе в сфере науки и культуры.

Историографическая традиция изучения советской пропаганды периода Великой Отечественной войны была сформирована еще историками СССР [37, с. 33–34]. В последние годы эта тема регулярно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. При этом современный подход к проблеме характеризуется не только свободой от идеологических ограничений периода СССР, но и существенным расширением исследовательского поля, обращениями к разнообразным аспектам агитационно-пропагандистской работы военного времени. Так, специфическим направлением научных изысканий стал анализ практик использования в пропагандистских материалах сюжетов российской истории [26]. Нужно отметить, что в обширной историографии вопроса практически нет работ, рассматривающих связь историко-патриотического направления пропаганды военных лет с развитием практик актуализации историко-культурного наследия.

© Шаманаев А. В., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00106 (Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00106).

Традиционно история охраны культурного наследия в период Великой Отечественной войны связана с изучением вопросов физического сохранения памятников (недвижимых объектов) и культурных ценностей (движимого имущества музеев, библиотек, архивов и др.) в зонах боевых действий, на оккупированных территориях, в тылу [3; 23; 32]. Другие направления охраны памятников истории и культуры изучены существенно хуже. Так, вопросы актуализации объектов культурного наследия традиционно рассматриваются применительно к материалам, документирующим историю Великой Отечественной войны и связанной с деятельностью музеев, исследовательских учреждений и архивов [4, с. 50–130; 22; 27].

В настоящей статье анализируется опыт актуализации культурного наследия России в историко-патриотической публицистике (имеющей выраженное пропагандистское содержание) профессора, доктора технических наук, историка В. В. Данилевского (1898–1960).

Понятие «актуализация культурного наследия» в данной статье используется в широком смысле, подразумевающем практики «активизации его социокультурной роли» в обществе [31, с. 337].

Активное использование в советской пропаганде военного времени сюжетов и образов из отечественной истории, во многом, было обусловлено изменениями и в государственном идеологическом курсе 1930-х гг. Как отмечают исследователи, русский национально-исторический компонент приобретал все большее значение в идеологии и культуре СССР, вытесняя прежние интернационалистские установки [26, с. 213–216, 222].

Существенное влияние на развитие этой тенденции оказали изменения в системе исторического образования и просвещения, определенные постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г. [8].

После начала Великой Отечественной войны историко-патриотический компонент стал играть важную роль в советской пропаганде при поддержке на самом высоком уровне. Историческую обусловленность победы над гитлеровской Германией отметил И. В. Сталин в радиовыступлении 3 июля 1941 г., а на параде 7 ноября 1941 г. он назвал русских полководцев прошлого примерами героического сопротивления внешним врагам [33; 34, с. 10].

На Общем собрании АН СССР в Свердловске (3–8 мая 1942 г.) начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров (1908–1961) назвал приоритетные направления исторических исследований и указал их главную цель: «Долг наших историков – своими работами воспитывать чувство советского патриотизма, глубокое уважение к героическому прошлому народов СССР, к нашим славным предкам, защищавшим родную землю от иноземных поработителей» (доклад 4 мая) [1, с. 34].

Таким образом, уже к началу Великой Отечественной войны отечественная история досоветского периода оказалась прочно связанной с общим идеологическим курсом и была интегрирована в систему пропаганды. Существенно иное положение сложилось в сфере охраны памятников истории и культуры. На 1930-е гг. пришлось серия разрушительных ударов по системе сохранения историко-культурного наследия: разгром краеведческого движения, сокращение числа музеев, децентрализация управления охранной деятельностью, снижение уровня юридической защиты памятников старины [31, с. 196–206, 276–282]. Нигилистическое отношение к дореволюционному историко-культурному наследию, укрепившиеся среди советских чиновников и широкой общественности, нужно рассматривать как фактор, способствовавший значительным утратам культурных ценностей в первые месяцы Великой Отечественной войны. Бесспорно, для вывоза в тыл коллекций музеев Москвы и Ленинграда были предприняты меры беспрецедентные по масштабам и экстренности [23, с. 41–59]. В это же время подавляющее большинство региональных музеев столкнулись с огромными трудностями в организации эвакуации: слабая административная поддержка, проблемы с транспортом, упаковочными материалами, дефицит рабочей силы и др. Так, из 25 музейных учреждений Крымской АССР только двум музеям (Херсонесскому историко-археологическому и Севастопольской картинной галерее) удалось отправить в тыл основную часть фондов. Коллекции других музеев погибли и были разграблены оккупантами [2, с. 171–173; 25, с. 2; 28].

В условиях военного времени, когда риски утраты культурного наследия многократно усилились, возникла потребность формирования в обществе понимания значения памятников истории культуры, необходимости их сохранения. Конечно, в советской идеологической работе это направление не было и не могло в тот момент быть самостоятельным. Идеи сохранения историко-культурного наследия продвигались в контексте агитационно-пропагандистских материалов более глобальной направленности. Такой подход выражено проявляется в пропагандистских публикациях советского историка В. В. Данилевского.

В. В. Данилевский – профессор (1931), доктор технических наук (1938), действительный член ГАИМК (1931) и АН УССР (1948), родился в 1898 г. в г. Лодзь, в 1916 г. окончил Полтавскую мужскую гимназию и продолжил образование в Харьковском технологическом институте (1916–1923). Во второй половине 1920-х гг. он возглавлял Украинский технический музей при Харьковском историческом музее. В 1928–1932 гг. В. В. Данилевский преподавал в различных высших учебных заведениях Харькова. После переезда в Ленинград он сотрудничал с Институтом истории материальной культуры, а с 1933 г. был связан с Ленинградским политехническим институтом, где в 1936 г. возглавил кафедру истории техники (до 1960 г.). В. В. Данилевский опубликовал более 500 работ, дважды был удостоен Сталинской премии (1942, 1948) [5, с. 48–51; 6, с. 112–114; 35, с. 132–133]. В 1941 г. В. В. Данилевский оказался в эвакуации в Свердловске, где находился до 1944 г. [6, с. 116]. На Урале В. В. Данилевский стал одним из организаторов и самых активных сотрудников Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны [40, с. 326–327].

В военные годы В. В. Данилевский создал серию работ с выраженным агитационно-пропагандистским содержанием в разных жанрах: газетные публикации (2), историко-биографические очерки (4), историко-публицистические эссе (5), научная статья (1). Эти тексты объединяет идеологическая направленность, историко-патриотические идеи, широкое привлечение исторических источников. При этом они существенно отличаются по стилю и манере подачи материала.

Обе газетные публикации вышли 1942 г. в печатном органе Свердловского областного и городского комитетов ВКП(б), Свердловского областного совета трудящихся «Уральский рабочий». Тираж выпусков достигал почти 70 тыс. экз. В июле 1942 г. газета напечатала интервью В. В. Данилевского об участии уральцев в событиях Смутного времени, Отечественной (1812 г.) и Гражданской войнах, а также о значении архивных материалов для изучения вклада населения Урала в победы в этих конфликтах [36].

Статья, вышедшая в сентябре 1942 г., рассказывает о создании и деятельности Уральского филиала Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны. В ней содержится призыв к сохранению исторического наследия, разъясняется ценность документальных свидетельств военных лет [16]. Ценным дополнением к газетной статье является ее рукопись. При подготовке текста к печати ряд фрагментов был исключен. Однако в них содержатся представления В. В. Данилевского об актуальности исторических источников [38, л. 114–115об.].

Историко-биографические очерки публиковались как брошюры различного формата (чаще всего – карманного). Тираж некоторых изданий, вышедших в разных городах СССР, доходил до 250 тыс. экз. Их героями стали: Александр Невский (переиздан 12 раз в 1942–1945 гг.), Дмитрий Донской (9, 1942–1945), Кузьма Минин (9, 1942–1945), Дмитрий Пожарский (7, 1942–1944). В отличие от научных публикаций В. В. Данилевского, написанных в строго академической манере, для очерков характерен своеобразный стиль, построенный на сочетании упрощенных языковых форм и анахронизмов. Такой прием позволил сделать тексты легкими для восприятия и одновременно придать им выраженную эпическую патетику.

В 1941 г. было опубликовано эссе В. В. Данилевского «Фашизм – заклятый враг науки и культуры» в формате 30-страничной брошюры (3 издания), позже вошедшей в книгу «Лицо врага» отдельной главой [15; 19; 20]. Оба произведения в яркой публицистической форме разоблачают немецкие пропагандистские фальсификации в сфере науки, в том числе исторической, рассказывают о положении ученых и деятелей культуры в нацистской Германии. В 1942 г. была опубликована брошюра «Древней счет», рассматривающая историю борьбы славянских и прибалтийских народов против немецкой агрессии в Средние века [12]. Эссе «Древняя слава Урала» вышло в литературно-художественном сборнике «Говорит Урал» в 1942 г. По структуре и содержанию оно представляет собой расширенную версию интервью В. В. Данилевского из газеты «Уральский рабочий» от 26 июля 1942 г. [13]. Публикация «Урал в борьбе за Родину», напечатанная в сборнике, посвященном 25-летию Октябрьской революции, отличается от предыдущей дополнениями по истории уральских заводов в XVIII–XIX вв. и материалами о военных конфликтах 1930-х гг. [17].

Во время пребывания в Свердловске В. В. Данилевский много работал в местных архивах. Одним из результатов его трудов стал сборник документов, характеризующих участие уральцев в Отечественной войне 1812 г. Издание предваряет вступительная статья, в которой В. В. Данилевский показал важное значение архивных материалов для изучения отечественной истории и дал оценку вклада Урала в победу над наполеоновской Францией [18].

Все публикации В. В. Данилевского демонстрируют, в большей или меньшей степени, основные идеологические установки, характерные для историко-патриотического направления советской пропаганды военного времени [26, с. 218–219].

Во-первых, исторические образы и примеры используются для доказательства неизбежности победы над нацистской Германией. В. В. Данилевский последовательно продвигал идею неизбежности разгрома агрессора «всем предшествующим ходом истории», воплощением которого на современном этапе является героическая борьба советского народа [12, с. 69]. Кроме того, ученый писал об особой исторической миссии славянских народов: «Славяне больше, чем какой-либо другой народ, били немцев. Славяне не поддаются онемечиванию. Славяне по самой своей природе не могут быть рабами немцев» [15, с. 98]. Также он обосновывал тезис о высоком героизме русского народа в борьбе с иноземными захватчиками. Например, в очерке «Александр Невский» указана главная ошибка шведов, которые «забыли о том, что русские люди... будут защищать родную землю так, как умеет оборонять отчизну только русский народ» [9, с. 8].

Во-вторых, В. В. Данилевский широко использовал сюжеты, демонстрирующие противостояние внешнему врагу и подчеркивающие роль национального единства в такой борьбе. Ученый постоянно делал акцент на том, что разгром иноземных захватчиков был обеспечен усилиями всего населения страны. «Под знаменами Невского сошлись простые русские люди, начавшие сознавать свое национальное единство» [9, с. 29]. «Еще никогда не собиралась на Русской земле такая сила, какую поднял против Мамаю князь Димитрий» [10, с. 13]. В XVII в. «со всех концов Русской земли поднимались борцы за народное дело» [14, с. 8]. О событиях 1812 г.: «Русские люди встали на смертный бой... Свою долю в общее русское дело внес тогда и Урал» [18, с. 8].

В-третьих, В. В. Данилевский транслировал образ И. В. Сталина как носителя и защитника не только национальных, но и общемировых ценностей. Автор прямо указывал на роль И. В. Сталина в борьбе с немецкими захватчиками, цитировал вождя, прибегал к историческим параллелям. Так, в очерке о Дмитрии Пожарском, создав прозрачную аллюзию, В. В. Данилевский назвал князя «мудрым полководцем», который «понимает лучше других, что действовать надо быстро и решительно» [11, с. 15]. В этой же работе провозглашается: «Под знаменем великого Сталина доблестный советский воин громит и истребляет врага» [11, с. 26]. В «Древнем счете» И. В. Сталин фигурирует как один из лидеров объединения славянских народов [12, с. 13].

В-четвертых, в работах В. В. Данилевского присутствует тема героизации труда тех, кто обеспечивает военные победы. Рассказывая о подготовке Дмитрия Донского к походу против Мамаю, ученый писал: «Много выпало труда на долю русских оружейников, готовивших оружие и доспехи» [10, с. 10]. При характеристике вклада уральцев в разгром внешних врагов в начале XVII в. В. В. Данилевский отметил: «Рудознатцы совершили на Урале тогда немало славных дел, подготавливая освоение его богатств» [13, с. 311]. В другой работе ученый подчеркнул, что сведения о простых тружениках Урала сохранились именно в исторических документах [17, с. 22–23].

Нужно отметить, что в контекст типичных образов и сюжетов историко-патриотической пропаганды военного времени В. В. Данилевский органично вписал идеи, ориентированные на формирование представлений об актуальности историко-культурного наследия. Он подчеркивал значимость не только исторической информации, но и материализованных свидетельств прошлого.

Так, В. В. Данилевский постоянно указывал на значение документов как основы и доказательной базы конструирования истории. Биографические очерки о русских полководцах изобилуют цитатами из источников (летописей, актов, записок современников и др.). В разных формулировках ученый проводил мысль, четко сформулированную в брошюре о Кузме Минине: именно документы «повествуют о том, как в час тяжких испытаний со всех концов Русской земли поднимались борцы за народное дело» [14, с. 8]. Акцент на значение архивных документов для изучения исторического опыта противостояния врагу В. В. Данилевский делал в публикациях, посвященных уральскому региону. В интервью, напечатанном в газете «Уральский рабочий», ученый отметил: «В архивах центра и Урала удалось найти много новых документов о производстве вооружений на уральских заводах... показывающих значительно большую, чем обычно считалось роль Урала в прошлом, как кузнице оружия» [36]. По словам В. В. Данилевского, именно архивные документы позволили изучить вклад уральцев в разгром

агрессора в начале XIX в.: «О борьбе за Родину сынов Урала в 1812 году до настоящего времени ничего не сказано... Наше обращение к архивным фондам показало, что сохранились тысячи документов, повествующих о том, как русские люди на Урале, плечом к плечу со всем русским народом выковали в 1812 году победу и повергли в прах мирового завоевателя» [18, с. 8].

В. В. Данилевский, работая в составе Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, хорошо понимал необходимость широкой разъяснительной работы для привлечения общественности к сохранению историко-культурного наследия военного периода. В своих выступлениях, в том числе печатных, он стремился обосновать актуальность материальных свидетельств фронтового и тылового героизма советских людей. При этом ученый ориентировал потенциальных помощников на необходимость сохранять те объекты историко-культурного наследия, которые не попадают в государственные хранилища: «всевозможные письма с фронта и на фронт, переписка с бойцами в госпиталях, переписка воинских частей и предприятий, дневники бойцов и командиров, политработников и труженников тыла, материала художественного творчества, песни, частушки, поговорки, фотографии» [16]. Такой подход соответствовал представлениям о принципах деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны И. И. Минца (1896–1991), который инициировал ее создание [4, с. 9–14].

Актуальность наследия военного времени и необходимость его сохранения В. В. Данилевский объяснял его значением для текущего времени и будущих поколений. По его утверждению, материальные свидетельства участников военных событий нужны для изучения и обобщения «опыта прошедших дней войны», что позволит «еще крепче бить врага, еще производительнее работать» [16]. С другой стороны, «дела людей, их подвиги и мысли, их воля к борьбе и борьба», овеянные в исторических источниках, являются носителями памяти, поэтому их надо сберечь для будущих поколений [16].

В пропагандистских работах В. В. Данилевского раскрывается особое свойство историко-культурного наследия как вневременной и внациональной основы интеллектуального противостояния антигуманистической сущности нацистской идеологии. Ученый, используя множество примеров, разоблачает исторические фальсификации гитлеровской пропаганды, нацеленные на оправдание захватнической политики Германии [15, с. 65–90]. Для достижения этой цели «скудоумные убийцы миллионов могли лишь попытаться совершить еще одно преступление – убить историю как науку» [15, с. 66]. Уничтожение объектов культуры В. В. Данилевский рассматривает как проявление человеконенавистнической сущности немецкого национал-социализма, пытающегося «убить самую мысль и разум», для чего «новоявленные варвары» «громят музеи, архивы, библиотеки» [16].

Таким образом, актуальность историко-культурного наследия проявляется в возможности его применения для борьбы на идеологическом фронте. Объекты наследия становятся ресурсом для разоблачения идеи о существовании мнимых прав Третьего рейха на территориальные захваты: документы на «пергаменте, древние бумажные свитки-столбцы, грамоты и акты, летописи и сказания, рукописные и печатные книги... опровергают все лживые фашистские измышления о каких-то нелепых “исторических правах” на земли славян и великого советского народа» [12, с. 4].

Более того, любые объекты историко-культурного наследия позиционировались как ресурс, доказывающий всемирно-историческую бесперспективность германского национал-социализма: «миллиарды сохранившихся от разных эпох орудий труда, предметов быта, культуры – истребить которые не дано никаким гитлеровским головорезам, – вещественные свидетельства неизбежной гибели фашизма» [15, с. 66]. В другом случае В. В. Данилевский писал о значении историко-культурного наследия для понимания опасности немецкого национал-социализма для мировой цивилизации: «Тексты Древнего Востока на скалах Армении и на обожженных глиняных табличках из Ниневии, папирусы Египта и пергаменты средневековья, свитки летописей и столбцы древних хранилищ – в один голос говорят: нет и не было за всю историю событий более угрожавших самому существованию человечества, чем те, которые происходят в наши дни» [38, л. 114].

Таким образом, в историко-патриотических работах В. В. Данилевского периода Великой Отечественной войны присутствует выраженная тенденция к разъяснению актуальности объектов культурного наследия. Эта тема, как правило, затрагивалась в аналогичных агитационно-пропагандистских материалах. Так, многочисленные очерки о жизни и свершениях российских полководцев представляют собой исторические биографии, изложенные в беллетристической

манере [21; 24; 29]. В. В. Данилевский делал акцент на значении, прежде всего, документов, как материальных носителей важной общественно-политической информации, фундаменты историко-патриотических знаний и ценного ресурса идеологической борьбы с гитлеровской Германией.

При этом идеи В. В. Данилевского об актуальности культурных ценностей (движимого культурного наследия), интегрированные в пропагандистские публикации историко-патриотического характера, получили широкое распространение в обществе благодаря огромным тиражам (десятки и сотни тысяч экземпляров) и популярной форме изложения материала.

Нужно отметить, что официальная советская пропаганда с конца 1941 – начала 1942 г. стала использовать факты уничтожения памятников истории и культуры, разграбления культурных ценностей для разоблачения преступлений немецких захватчиков [7; 30; 39]. На этом информационном фоне суждения В. В. Данилевского об актуальности историко-культурного наследия как одного из ресурсов противостояния агрессору выглядели убедительными и современными. В перспективе они способствовали изменению отношения общества к объектам наследия и осознанию необходимости их сохранения.

Список литературы

1. Александров Г. Ф. Отечественная война советского народа и задачи общественных наук // Вестник АН СССР. 1942. № 5/6. С. 22–37.
2. Андросов С. А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма. 2004. № 6–7. С. 171–179.
3. Бакуменко М. Н. Сокровища в огне войны. Минск: Беларусь, 1990. 231 с.
4. Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 383 с.
5. Гвоздецкий В. Л. Историк техники В. В. Данилевский: творчество в контексты эпохи // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. М. : Эдиториал УРСС, 1999. С. 48–60.
6. Гвоздецкий В. Л. Ученый и время (к 100-летию со дня рождения В. В. Данилевского) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 112–125.
7. Гитлеровским вандалам-громилам не удастся скрыть своих преступлений в Ясной Поляне // Правда. 1942. 13 января. № 13 (8784).
8. Гришаев О. В. Об изменениях в преподавании отечественной истории середины – второй половины 1930-х годов // Приволжский научный вестник. 2014. № 2 (30). С. 74–81.
9. Данилевский В. В. Александр Невский. Свердловск : Госполитиздат, 1942. 31 с.
10. Данилевский В. В. Дмитрий Донской. М. : Госполитиздат, 1943. 23 с.
11. Данилевский В. В. Дмитрий Пожарский. М. : Госполитиздат, 1943. 26 с.
12. Данилевский В. В. Древний счет. 1242–1942. Свердловск : Госполитиздат, 1942. 72 с.
13. Данилевский В. В. Древняя слава Урала // Говорит Урал. Свердловск : ОГИЗ, 1942. С. 298–318.
14. Данилевский В. В. Кузьма Минин. М. : Госполитиздат, 1943. 23 с.
15. Данилевский В. В. Лицо врага. Свердловск : Свердловское областное издательство, 1941. 125 с.
16. Данилевский В. В. Сбереечь и изучить опыт Великой Отечественной войны // Уральский рабочий. 1942. 9 сентября. № 213 (8135).
17. Данилевский В. В. Урал в борьбе за Родину // Сталинский Урал. XXV лет Октября. М. ; [Свердловск] : ОГИЗ-Госполитиздат, 1942. С. 13–51.
18. Данилевский В. В. Урал в Отечественной войне 1812 года // Урал в Отечественной войне 1812 года. Свердловск : ОГИЗ, 1945. С. 5–29.
19. Данилевский В. В. Фашизм – заклятый враг науки и культуры. Л. : Госполитиздат, 1941. 30 с.
20. Данилевский В. В. Фашизм – заклятый враг науки и культуры. Л. ; М. : Госполитиздат, 1941 30 с.
21. Зонин А. И. Федор Федорович Ушаков. М. : Молодая гвардия, 1944. 88 с.
22. Кантор Ю. З. Отражение событий Великой Отечественной войны в музеях РСФСР в 1941–1945 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 17. № 3 (142). С. 8–22.
23. Кантор Ю. З. Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М. : РОССПЭН, 2017. 334 с.
24. Коробков Н. М. Кутузов. М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1945. 45 с.
25. Краснолицкий Н. И. 90 лет героической истории создания и сохранения коллекции Севастопольского художественного музея им. М. П. Крошицкого. История и современность // Материалы Третьего международного профессионального форума «Книга. Культура. Образование. Инновации» («Крым – 2017»), 3–11 июня 2017 г., Судак, Республика Крым, Россия. М. : ГПНТБ России ; Ассоциация ЭБНИТ, 2017. С. 1–3.
26. Ларионов А. Э., Дворковая М. В. Образы русской истории в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны (часть 1) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 213–223.

27. Левыкин К. Г. Перестройка работы исторических и историко-краеведческих музеев в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1985. № 4. С. 148–151.
28. Мохов А. С., Шаманаев А. В., Капсалькова К. Р. Прибыли в полной сохранности: эвакуация коллекций Херсонесского музея в Свердловск // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 2. С. 639–651.
29. Муравина Ф. Е. Багратион. М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1943. 35 с.
30. Нота народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова о повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях // Правда. 1942. 7 января. № 7 (8778).
31. Полякова М. А. Культурное наследие России: История охраны и современное состояние. М. : РГГУ, 2015. 388 с.
32. Разгон А. М. Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны // Слово о соратнике и друге (К 80-летию А. М. Разгона). М. : ГИМ, 1999. С. 122–133.
33. Речь председателя Государственного Комитета обороны и народного комиссара обороны тов. И. В. Сталина на Красной площади в день XXIV годовщины Великий Октябрьской социалистической революции // Правда. 1941. 8 ноября. № 310 (8718).
34. Сталин И. В. Выступление по радио 3 июля 1941 года // И. Сталин о Великой Отечественной войне Советского Союза. М. : Воениздат, 1948. С. 9–17.
35. Українські історики ХХ століття: Біобібліографічний довідник. Київ: Інститут історії України, 2003. Вип. 2. Ч. 2. 382 с.
36. Уральцы в борьбе за Родину // Уральский рабочий. 1942. 26 июля. № 175 (8097).
37. Уткин Б. П. Идеологическая работа в период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1985. № 4. С. 33–34.
38. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 520. Оп. 1. Д. 2.
39. Чудовищный приказ немецкого командования // Правда. 1942. 15 января. № 15 (8786).
40. Шаманаев А. В., Мохов А. С. «Самый интереснейший основной источник – это сам человек»: совещание музейных работников в Свердловске 9–11 октября 1942 г. // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Екатеринбург : [б. и.], 2020. Ч. 2. С. 325–330.

Cultural heritage actualization in the context of patriotic propaganda: V. V. Danilevsky's publications during the Great Patriotic War

A. V. Shamanaev

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of archeology and ethnology,
Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin.
Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0001-8955-8884. E-mail: shamanaev@mail.ru

Abstract. The actualization cultural heritage is an important direction of modern practices its survival. The historical experience analysis is a necessary condition for creating effective strategies for integrating cultural heritage into the life of society. The article examines the examples of historical and cultural heritage actualization in Soviet propaganda publications during the Great Patriotic War. The author focuses on the popular, historical, journalistic and scientific works by the historian V. V. Danilevsky. All of them were created and published in 1941–1945. Ideas about the value of cultural heritage objects were organically incorporated into the texts of a historical and patriotic nature. V. V. Danilevsky's publications contain typical wartime ideological guidelines. Nevertheless, their specificity is manifested in the creative use of a wide range of historical sources (including unpublished archival materials). The analysis showed V. V. Danilevsky's publications consistently substantiated the value of material evidence of the past (documents, artifacts) for exposing the ideology of National Socialism and forming confidence in the inevitable defeat of the aggressor. V. V. Danilevsky made a special emphasis on explaining the need to preserve the historical heritage of the Great Patriotic War for transmission to future generations. Thus, V. V. Danilevsky constructed ideas about the historical and cultural heritage as a valuable resource that is relevant for victory in the Great Patriotic War. The dissemination of the scientist's cultural-educational and historical-patriotic ideas was facilitated by the large circulation of brochures, newspapers, collections, reaching hundreds of thousands of copies. Currently, V. V. Danilevsky's experience can be used in the development of programs for patriotic education, the popular publications, and the implementation of projects for the cultural heritage protection.

Keywords: Great Patriotic War, cultural heritage survival, patriotic education, V. V. Danilevsky.

References

1. Aleksandrov G. F. *Otechestvennaja vojna sovetskogo naroda i zadachi obshchestvennyh nauk* [Patriotic war of the Soviet people and the tasks of social sciences] // Vestnik AN SSSR – Herald of the USSR Academy of Sciences. 1942. No. 5/6. Pp. 22–37.

2. Androsov S. A. *Muzei Kryma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Crimea museums during the Great Patriotic War] // *Istoricheskoe nasledie Kryma – Crimea historical heritage*. 2004. No. 6–7. Pp. 171–179.
3. Bakumenko M. N. *Sokrovishha v ognе vojny* [Treasures on fire of war]. Minsk. Belarus'. 1990. 231 p.
4. *Vklad uchenyh-istorikov v sohranenie istoricheskoy pamjati o vojne. Na materialah Komissii po istorii Velikoj Otechestvennoj vojny AN SSSR, 1941–1945 gg.* [The contribution of historians to the preservation of the historical memory of the war. On materials of the Commission on the History of the Great Patriotic War of the Academy of Sciences of the USSR, 1941–1945.]. M. ; Spb. Centr gumanitarnyh iniciativ. 2015. 383 p.
5. Gvozdeckij V. L. *Istorik tehniki V. V. Danilevskij: tvorcestvo v konteksty jepohi* [Historian of technic V. V. Danilevsky: creativity in the contexts of the era] // *Institut istorii estestvoznaniya i tehniki im. S. I. Vavilova. Godichnaja nauchnaja konferencija – Institute of the History of Natural Science and Technology n. a. S. I. Vavilov. Annual scientific conference*. M. Editorial URSS. 1999. Pp. 48–60.
6. Gvozdeckij V. L. *Uchenyj i vremja (k 100-letiju so dnja rozhdenija V. V. Danilevskogo)* [Scientist and Time (to the 100th anniversary of the birth of V. V. Danilevsky)] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki – Problems of history of natural science and technology*. 2000. No. 1. Pp. 112–125.
7. *Gitlerovskim vandalam-gromilam ne udastsja skryt' svoih prestuplenij v Jasnoj Poljane* [Hitler's vandal thugs will not be able to hide their crimes in Yasnaya Polyana] // *Pravda – True*. 1942. January 13. No. 13 (8784).
8. Grishaev O. V. *Ob izmenenijah v prepodavanii otechestvennoj istorii serediny – vtoroj poloviny 1930-h godov* [Changes in the teaching of Russian history in the mid – second half of the 1930s] // *Privolzhskij nauchnyj vestnik – Privolzhsky scientific bulletin*. 2014. No. 2 (30). Pp. 74–81.
9. *Danilevskij V. V. Lico vraga* [Enemy face]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe izdatel'stvo. 1941. 125 p.
10. *Danilevskij V. V. Fashizm – zakljatyj vrug nauki i kul'tury* [Fascism is the sworn enemy of science and culture]. Leningrad. Gospolitizdat. 1941. 30 p.
11. *Danilevskij V. V. Fashizm – zakljatyj vrug nauki i kul'tury* [Fascism is the sworn enemy of science and culture]. Leningrad ; M. Gospolitizdat. 1941 30 p.
12. *Danilevskij V. V. Aleksandr Nevskij* [Alexander Nevskiy]. Sverdlovsk. Gospolitizdat. 1942. 31 p.
13. *Danilevskij V. V. Sberech' i izuchit' opyt Velikoj Otechestvennoj vojny* [Save and study the experience of the Great Patriotic War] // *Ural'skij rabochij – Ural worker*. 1942. September 9. No. 213 (8135).
14. *Danilevskij V. V. Drevnij schet. 1242–1942* [Ancient account. 1242–1942]. Sverdlovsk. Gospolitizdat. 1942. 72 p.
15. *Danilevskij V. V. Drevnjaja slava Urala* [Ancient glory of the Urals] // *Govorit Ural – Ural speaking*. Sverdlovsk. OGIZ. 1942. Pp. 298–318.
16. *Danilevskij V. V. Ural v bor'be za Rodinu* [Ural in the struggle for the Motherland] // *Stalinskij Ural. XXV let Oktjabrja – Stalin's Ural. 25 years of October*. Moscow (Sverdlovsk). OGIZ-Gospolitizdat. 1942. Pp. 13–51.
17. *Danilevskij V. V. Dmitrij Donskoj* [Dmitry Donskoy]. M. Gospolitizdat. 1943. 23 p.
18. *Danilevskij V. V. Dmitrij Pozharskij* [Dmitry Pozharsky]. M. Gospolitizdat. 1943. 26 p.
19. *Danilevskij V. V. Kuz'ma Minin* [Kuzma Minin]. M. Gospolitizdat. 1943. 23 p.
20. *Danilevskij V. V. Ural v Otechestvennoj vojne 1812 goda* [Ural in the Patriotic War of 1812] // *Ural v Otechestvennoj vojne 1812 goda – Ural in the Patriotic War of 1812*. Sverdlovsk. OGIZ. 1945. Pp. 5–29.
21. *Zonin A. I. Fedor Fedorovich Ushakov* [Fyodor Fyodorovich Ushakov]. M. Molodaja gvardija. 1944. 88 p.
22. *Kantor Ju. Z. Otrazhenie sobytij Velikoj Otechestvennoj vojny v muzejah RSFSR v 1941–1945 gg.* [Great Patriotic War events reflection in the museums of the RSFSUR in 1941–1945] // *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki – News of the Ural Federal University. Series 2. Humanities*. 2015. Vol. 17. No. 3 (142). Pp. 8–22.
23. *Kantor Ju. Z. Nevidimyj front. Muzei Rossii v 1941–1945 gg.* [Invisible front. Museums of Russia in 1941–1945]. M. ROSSPEN. 2017. 334 p.
24. *Korobkov N. M. Kutuzov* [M. Kutuzov]. M. OGIZ. Gospolitizdat. 1945. 45 p.
25. *Krasnolickij N. I. 90 let geroicheskoj istorii sozdaniya i sohraneniya kollekcii Sevastopol'skogo hudozhestvennogo muzeja im. M. P. Kroshickogo. Istorija i sovremennost'* [90 years of the heroic history of the creation and preservation of the collection of the Sevastopol Art Museum. M. P. Kroshitsky. History and modernity] // *Materialy Tret'ego mezhdunarodnogo professional'nogo foruma "Kniga. Kul'tura. Obrazovanie. Innovacii" ("Krym-2017"), 3–11 ijunja 2017 g., Sudak, Respublika Krym, Rossija – Materials of the Third International Professional Forum "Book. Culture. Education. Innovations" ("Crimea-2017"), 3–11 June 2017, Sudak, Republic of Crimea, Russia*. M. GPNTB Rossii ; Associacija EBNIT. 2017. Pp. 1–3.
26. *Larionov A. Je., Dvorkovaja M. V. Obrazy russkoj istorii v sovetskoj propagande perioda Velikoj Otechestvennoj vojny (chast' 1)* [Images of Russian history in Soviet propaganda during the Great Patriotic War (part 1)] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki – Herald of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*. 2019. No. 4. Pp. 213–223.
27. *Levykin K. G. Perestrojka raboty istoricheskikh i istoriko-kraevedcheskikh muzeev v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Reconstruction of the work of historical and local history museums during the Great Patriotic War] // *Voprosy istorii – Issues of history*. 1985. No. 4. Pp. 148–151.
28. *Mohov A. S., Shamanaev A. V., Kapsalykova K. R. Pribyli v polnoj sohrannosti: jevakuacija kollekcij Heresonesskogo muzeja v Sverdlovsk* [Arrived completely intact: evacuation of the collections of the Chersonesos Museum to Sverdlovsk] // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. No. 2. Pp. 639–651.

29. Muravina F. E. *Bagration* [Bagration]. M. OGIZ. Gospolitizdat. 1943. 35 p.
30. *Nota narodnogo komissara inostrannyh del V. M. Molotova o povsemestnyh grabezhah, razorenii naselenija i chudovishnyh zverstvah germanskih vlastej na zahvachennyh imi sovetskih territorijah* [Note by People's Commissar for Foreign Affairs V. M. Molotov on widespread robberies, devastation of the population and monstrous atrocities of the German authorities in the Soviet territories they seized] // *Pravda* – True. 1942. January 7. No. 7 (8778).
31. Poljakova M. A. *Kul'turnoe nasledie Rossii: Istorija ohrany i sovremennoe sostojanie* [Cultural Heritage of Russia: History of protection and current state]. M. RSGU. 2015. 388 p.
32. Razgon A. M. *Jevakuacija muzeev i muzejnyh kolekcij v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Evacuation of museums and museum collections during the Great Patriotic War] // *Slovo o soratnike i druge (K 80-letiju A. M. Razgona)* – A word about a colleague and friend (To the 80th anniversary of A. M. Razgon). M. GIM. 1999. Pp. 122–133.
33. *Rech' predsedatelja Gosudarstvennogo Komiteta oborony i narodnogo komissara oborony tov. I. V. Stalina na Krasnoj ploskhadi v den' XXIV godovshhiny Velikij Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii* [Speech by the Chairman of the State Defense Committee and People's Commissar of Defense Comrade I. V. Stalin on Red Square on the day of the 24th anniversary of the Great October Socialist Revolution] // *Pravda* – True. 1941. November 8. No. 310 (8718).
34. *Stalin I. V. Vystuplenie po radio 3 ijulja 1941 goda* [Radio speech on July 3, 1941] // *I. Stalin o Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza* – I. Stalin on the Great Patriotic War of the Soviet Union. M. Voenizdat. 1948. Pp. 9–17.
35. *Ukraïns'ki istoriki XX stolittja: Biobibliografichnij dovidnik* [Ukrainian historians of the 20th century: Biobibliographic reference book]. Kyiv. Institut istorii Ukraïni. 2003. Vol. 2. Pt. 2. 382 p.
36. *Ural'cy v bor'be za Rodinu* [Urals in the struggle for the Motherland] // *Ural'skij rabochij* – Ural worker. 1942. July 26. No. 175 (8097).
37. *Utkin B. P. Ideologicheskaja rabota v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ideological work during the Great Patriotic War] // *Voprosy istorii* – Issues of history. 1985. No. 4. Pp. 33–34.
38. Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDPOS). F. 520. Inv. 1. File 2.
39. *Chudovishhnyj prikaz nemeckogo komandovanija* [The monstrous order of the German command] // *Pravda* – True. 1942. January 15. No. 15 (8786).
40. *Shamanaev A. V., Mohov A. S. "Samyj interesnejshij osnovnoj istochnik – jeto sam chelovek": soveshhanie muzejnyh rabotnikov v Sverdlovsk 9–11 oktjabrja 1942 g.* ["The most interesting main source is the man himself": a meeting of museum workers in Sverdlovsk on October 9–11, 1942] // *Velikij podvig naroda po zashhite Otechestva: vehi istorii* – Great feat of the people to defend the Fatherland: milestones in history. Ekaterinburg, 2020. Part 2. Pp. 325–330.

Деятельность присяжных поверенных в Министерстве юстиции Временного правительства

А. А. Шереметьев

аспирант Отдела истории революций и общественного движения России,
Санкт-Петербургский институт истории РАН. Россия, г. Санкт-Петербург.
E-mail: anton.sheremetev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Министерства юстиции Временного правительства, одной из основных задач которого была юридическая поддержка действий новой власти и легитимация принимаемых ею правовых решений. Для этой работы необходимы были сотрудники, которые обладали бы как знаниями в области юриспруденции, так и лояльностью по отношению к новой власти. Такими специалистами стали присяжные поверенные, приглашенные в первые дни марта 1917 г. своим коллегой А. Ф. Керенским к работе в ведомстве, которое он возглавил. В дальнейшем количество адвокатов в структурах министерства юстиции постоянно увеличивалось, они появились также и в прокуратуре. Несколько адвокатов получили должности сенаторов. Наряду с этим присяжные поверенные привлекались к работе в различных консультационных комиссиях, деятельность которых в целом была направлена на либерализацию законодательства и контроль за соблюдением прав заключенных. В задачи этих комиссий также входило консультирование правительства по вопросам права и его применения, что было особенно актуально в стране, пережившей крупное революционное потрясение и смену правительства. Наиболее активную деятельность адвокаты развернули во главе Министерства юстиции. Четыре из пяти министров юстиции Временного правительства являлись авторитетными представителями корпорации судебных защитников, поочередно этот пост занимали: А. Ф. Керенский, П. Н. Переверзев, А. С. Зарудный и П. Н. Малянтович. Каждый из них рассматривал эту должность как возможность демократизировать правовую систему страны, чего не удавалось сделать в прошлом. Адвокаты не смогли осуществить задуманное, им было отведено слишком мало времени для организации масштабных изменений в государстве. Несмотря на это можно констатировать, что Министерство юстиции находилось «под контролем» российских адвокатов и представляло их взгляд на попытку создания в России правового государства.

Ключевые слова: присяжные поверенные, адвокатура, Министерство юстиции, Временное правительство, Февральская революция 1917 г., А. Ф. Керенский.

Министерство юстиции Временного правительства являлось важным органом новой власти, одной из основных задач которого стала легитимация принимаемых ею правовых решений. Активное участие в работе вышеуказанного ведомства принимали присяжные поверенные. В статье выделена и рассмотрена деятельность представителей адвокатской корпорации в Министерстве юстиции. Актуальность изучения указанной темы обусловлена как ее малой разработанностью, так и перспективой исследовать степень участия представителей адвокатуры в революционных процессах 1917 г., а также определить их влияние на работу министерства. Министерство юстиции являлось основным «местом притяжения» присяжных поверенных. Это объяснялось тем, что адвокатов, являвшихся по роду своей деятельности профессиональными юристами, интересовало законотворчество. Министерство юстиции, оказавшись в революционных условиях, приобретало особые полномочия, поскольку должно было регулировать с правовой точки зрения работу новой власти и обеспечивать правовую поддержку всем нововведениям и реформам, обусловленным актуальностью их применения в революционное время.

Как советские, так и современные работы по истории адвокатуры практически не акцентируют внимание на данной проблематике. Исключением являются исследования представителей научной школы авторитетного саратовского историка Н. А. Троицкого, которые посвящены знаковым фигурам российской присяжной адвокатуры. В работе ученика Н. А. Троицкого доктора исторических наук Ю. В. Варфоломеева [4] подвергнута анализу деятельность Министерства юстиции Временного правительства. Однако автором отдельно не рассматривается участие в работе ведомства адвокатов. Не учитывается также и тот факт, что адвокаты, являвшиеся в основной своей массе представителями либеральной интеллигенции, практически

не имели доступа к государственной службе до 1917 г., однако, после Февральской революции активно окунулись в работу.

Временное правительство, пришедшее к власти в начале марта 1917 г., вобрало в себя «весь цвет российского либерализма» [11, с. 37]. Оно породило надежду не только на демократизацию российского общества в целом, но и изменение правовой системы государства в частности, что было жизненно необходимо для эффективной деятельности государственного аппарата.

Новой власти требовались лояльные сотрудники, которые после отставки или ухода царских служащих могли занять вакантные должности. Ю. В. Варфоломеев отмечал, что российская адвокатура стала «кадровой базой Министерства юстиции» [4, с. 678].

Присяжные поверенные не остались в стороне от революционных событий, что позволило констатировать авторитетному адвокату А. А. Голденвейзеру «значительный интерес» [5], который корпорация проявила к работе нового правительства. Кроме того, заинтересованность адвокатуры в участии в политической жизни обуславливалась назначением их коллеги на высокий правительственный пост. Петроградский адвокат А. Ф. Керенский при формировании первого состава Временного правительства получил портфель министра юстиции. Сразу же после вступления в должность он отправил в столичный совет присяжных поверенных телеграмму, в которой просил адвокатов принять участие в «установлении истинного правосудия в нашей Родине» [8, с. 73]. Кроме того, министр провел телефонные переговоры с председателем Петроградского совета присяжных поверенных Н. П. Карабчевским, в ходе которых просил последнего в качестве одного из лидеров адвокатского сообщества оказать посильную помощь со стороны сословия его работе на посту главы ведомства [19, л. 3]. Наряду со звонком и телеграммой, Керенский выразил еще один акт уважения к деятельности бывших коллег. 3 марта 1917 г. он посетил заседание петроградского Совета присяжных поверенных. На самом деле этот визит имел практический интерес – новый министр, никогда ранее не работавший в органах исполнительной власти, нуждался в формировании своей управленческой команды. Подобное намерение объяснялось тем, что, с одной стороны, он лично знал многих адвокатов и мог выбрать лояльных себе людей, а с другой стороны, показывал, что намерен привлечь представителей сословия присяжных поверенных к работе в новых органах власти, доверяя их знаниям законодательства, а также надеясь на поддержку своих действий.

Историк С. В. Тютюкин поясняет, что в ходе собрания «Керенский отверг предложения назначить товарищами (заместителями) министра известных адвокатов кадета Н. В. Тесленко и члена ЦК партии энесов масона М. В. Беренштама, отдав предпочтение участнику встречи, более бесцветному и послушному энесу А. А. Демьянову» [24, с. 130]. Кроме него были выбраны еще два заместителя министра, также адвокаты: А. С. Зарудный и Г. Д. Скарятин, которые были назначены на должности 10 марта [8, с. 61]. Отметим, что Демьянов, Зарудный и Скарятин к этому времени являлись достаточно известными адвокатами, участвовавшими во многих политических процессах. Кроме того, они были лично знакомы с Керенским, чем и было обусловлено отданное им предпочтение.

Адвокатское сообщество с большим интересом восприняло смену власти. Большое количество присяжных поверенных с целью обсуждения сложившейся в стране ситуации собралось 5 марта в Литейном театре на крупнейшее корпоративное совещание. Присутствовало свыше двух тысяч человек [8, с. 462], председателем был избран бывший эсер, присяжный поверенный М. Е. Феодосьев. По итогам было решено «принять самое деятельное участие в местных комиссариатах» [8, с. 462]. Кроме того, было постановлено «принять все меры к установлению правильного контроля арестов» [8, с. 462]. Наряду с этим, председателю совета присяжных поверенных Петрограда Н. П. Карабчевскому было предложено организовать совместную работу с Министерством юстиции. Указанные общекорпоративные действия адвокатов, проявившиеся в итоговых решениях совещания и направленные на оказание содействия новой власти, позволяют говорить о поддержке столичной адвокатурой Временного правительства. В этой связи участие адвокатов в структурах нового правительства представляется вполне естественным.

В марте – мае прошли основные назначения присяжных поверенных в органы власти Временного правительства. Адвокаты получили следующие должности:

– 11 марта Н. К. Муравьев назначен председателем Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц;

– 8 апреля С. С. Старынкевич был назначен прокурором Иркутской судебной палаты, а Н. И. Миролубов – прокурором Казанской судебной палаты;

– 11 апреля М. М. Винавер, Л. Н. Андроников, О. О. Грузенберг, Н. Д. Соколов, А. А. Леонтьев, Н. Н. Шнитников, С. А. Левицкий, А. С. Чумаевский, И. Б. Гуревич, П. С. Ширский, Н. Д. Соколов получили должности сенаторов;

– 15 мая М. В. Беренштам назначен директором второго департамента Министерства юстиции; Н. С. Каринский получил пост прокурора Петроградской судебной палаты. Кроме того, в этом же месяце А. Я. Гальперн был назначен на должность управляющего делами Временного правительства.

В то же время подобная практика назначения судебных защитников на высокие должности в аппарате государственной власти не всегда оправдывала себя. Так, по замечанию Ю. В. Варфоломеева, «новые руководители подчас не соответствовали занимаемым должностям, особенно в органах прокурорского надзора» [4, с. 677]. Схожего мнения придерживался и Н. П. Карабчевский, который отмечал, что адвокаты «абсолютно не пригодны для предстоящей определенно-быстрой, не терпящей отлагательства работы» [12].

Массовые назначения адвокатов в органы власти, по замечанию исследователя, позволили «острословам из Минюста с усмешкой говорить об установленной Керенским “диктатуре адвокатуры”. И пусть эта молодежь – как и он сам – не всегда имела необходимые юридические знания и опыт в “технике” министерской работы, но это во многом искупалось ее молодым задором и искренним демократизмом» [24, с. 132]. Мнение историка свидетельствует о неподготовленности адвокатов в деле государственной службы, поскольку участвовать в работе органов управления государством, руководствуясь «задором и искренним демократизмом», невозможно.

Временное правительство позиционировало себя в качестве органа, ставящего в качестве приоритетных задач своей деятельности соблюдение правовых норм, в результате чего на одно из первых мест по значимости и ответственности выдвигалось Министерство юстиции. Деятельность корпорации присяжных поверенных, которая к маю 1917 г. фактически “контролировала” область юстиции, с профессиональной точки зрения отразилась на функционировании самого ведомства. При этом сама чиновничья машина министерства, по оценке историка Б. И. Колоницкого, действовала «слаженно и эффективно» [14, с. 147]. Отметим, что новая власть продолжала использовать старое законодательство, вводя постепенно новые нормы.

С целью разработки актуальных нормативно-правовых актов Министерством юстиции были созданы комиссии, в задачи которых входила консультация правительства в вопросах права и его применения. К работе в данных органах также были приглашены присяжные поверенные.

В начале марта 1917 г. для закрепления свободы личности была создана специальная комиссия под руководством петроградского присяжного поверенного М. Л. Гольдштейна. По замыслу ее учредителей комиссия «имела бы председателем Присяжного поверенного и двух его товарищей Судью и товарища прокурора, назначенных министром юстиции» [7, л. 2]. Целью ее работы являлась установка фактов участия представителей правоохранительных органов в преступлениях при старой власти. По оценке С. В. Завадского, бывшего прокурора Петербургской палаты, М. Л. Гольдштейн «прилагал все усилия к освобождению жертв расхитившихся революционных волн» [9, л. 190]. В качестве причины успеха деятельности структуры М. Л. Гольдштейна бывший прокурор видел его адвокатское прошлое [9, л. 190]. Задачами этой комиссии являлся разбор и выяснение законности задержания представителей правоохранительных органов, служивших старой власти. В первую очередь это относилось к сотрудникам полиции и жандармам.

25 марта 1917 г. указом Временного правительства при Министерстве юстиции была учреждена «Комиссия для восстановления основных положений Судебных Уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве». Председателем комиссии являлся А. Ф. Керенский, а его заместителем – А. С. Зарудный. Последний фактически и руководил работой комиссии. В рамках указанного органа были созданы три подкомиссии: по уголовному судопроизводству, гражданскому судопроизводству и по судоустройству. Помимо этого, существовала подкомиссия, занимавшаяся «пересмотром положений об адвокатуре» [4, с. 681]. Ее задачей являлось восстановление деятельности адвокатуры в соответствии с Судебными уставами 1864 г., а руководителем был назначен московский адвокат Н. К. Муравьев. Для приведения в порядок законодательства в соответствии с революционными реалиями

в начале апреля 1917 г. была организована Особая комиссия при Совете присяжных поверенных, задачей которой была помощь Министерству юстиции «в деле реформирования ведомства и создания правильного правосудия» [16, с. 462].

Правовой инициативе присяжных поверенных дали широкое поле для деятельности, а учреждение 8 марта Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданского, так и военного и морского ведомств (ЧСК), стало «одним из приоритетных по времени и значимости распоряжений Временного правительства» [2, с. 62]. Одной из важнейших целей данного органа являлось, по словам члена комиссии Р. Р. Раупаха, «расследование действий министров и высших должностных лиц царского правительства» [18, с. 83]. По мнению А. Ф. Керенского, «председателем комиссии должен быть присяжный поверенный» [9, с. 181]. Руководителем структуры с санкции министра юстиции был назначен опытный адвокат Н. К. Муравьев, принимавший ранее участие во многих политических процессах.

Создание ЧСК стало важным событием. Всего в работе комиссии принимало участие «94 сотрудника, из которых 26 человек, по нашим подсчетам, были присяжные поверенные» [2, с. 12]. По окончании следственных действий планировался обвинительный акт против служащих павшего режима. По воспоминаниям Н. П. Карабчевского, касающимся деятельности ЧСК, в работе комиссии приняли участие «многие безработные, по случаю истребления пожаром судебных делопроизводств, адвокаты, товарищи прокуроров и следователи» [12]. Деятельность комиссии из-за свержения Временного правительства так и не увенчалась ни одним значительным судебным процессом о «злодеяниях царских чиновников» высокого ранга, кроме суда над бывшим военным министром В. А. Сухомлиновым и его женой, прошедшем в августе – сентябре 1917 г. в Петрограде.

Новое правительство изначально выступало в качестве властного органа, чтящего прежде всего правовые нормы. В этой связи пост министра юстиции был особенно важен. Именно через министерство юстиции «проходили многие популярные решения Временного правительства» [14, с. 145]. Четыре из пяти министров юстиции принадлежали к корпорации присяжных поверенных: А. Ф. Керенский, П. Н. Переверзев, А. С. Зарудный и П. Н. Малянтович¹.

Из числа приведенных выше адвокатов-министров наибольший политический авторитет имел А. Ф. Керенский. За время, проведенное в кресле министра юстиции, он отмечал, что успел многого добиться, в первую очередь – установить независимость судов и судей, а также отменить «все религиозные этнические и сословные ограничения» [13, с. 156]. Политические амбиции А. Ф. Керенского повели его дальше по карьерной лестнице, и в начале мая по итогам правительственного кризиса ему на смену пришел П. Н. Переверзев. С Переверзевым, выступавшим, как и Керенский, в качестве судебного защитника на политических процессах, последний был хорошо знаком по петроградской адвокатуре.

После назначения на пост министра юстиции П. Н. Переверзев, как и его предшественник, посетил Петроградский совет присяжных поверенных. Это свидетельствует о том, что и для нового министра была важна поддержка бывших коллег по сословию, на которых он мог опереться в своей деятельности. В ходе встречи Переверзев заявил о том, что «правительству часто приходится прибегать к явно незаконным действиям» [10, с. 273].

Вступив в должность, он произвел назначения на важные государственные посты новой группы присяжных поверенных: в мае – июне 1917 года прокурором Харьковской Судебной Палаты стал присяжный поверенный П. Шидловский, Петроградской – присяжный поверенный Н. Каринский, а Омской – адвокат В. Колосов. Обер-прокурором 1-го департамента Правительствующего Сената был назначен присяжный поверенный Г. Старицкий. Один из департаментов возглавил присяжный поверенный М. Беренштам, а харьковский адвокат Б. Вальц стал товарищем министра. При П. Н. Переверзеве в Министерстве юстиции активно велась законотворческая деятельность, был подготовлен ряд важных законопроектов: «О дополнении действующих штатов судебных установлений», «О некоторых изменениях в учреждении Правительствующего Сената», «О судах по административным делам», «О допущении женщин к ведению чужих дел в судебных установлениях».

---

¹ И. Н. Ефремов являлся министром юстиции Временного правительства с 10 июля 1917 г. по 24 июля 1917 г., но в корпорации присяжных поверенных никогда не состоял и какого-либо отношения к юриспруденции практически не имел.

Отставка П. Н. Переверзева была такой же стремительной, как и его путь от присяжного поверенного до министра юстиции. В первых числах июля 1917 г. он принял участие в публикации в Петрограде компрометирующих материалов, свидетельствующих о связях партии большевиков с германскими спецслужбами. Несмотря на то что это было сделано с санкции А. Ф. Керенского, ответственность в понимании многих деятелей правительства нес П. Н. Переверзев. Историк Г. Л. Соболев отмечал, что А. Ф. Керенский стремился ускорить публикацию материалов о большевиках, однако в результате негативного отношения к этому процессу ряда других министров «Переверзеву все же пришлось подать в отставку» [22, с. 152]. По замечанию большевика Ф. Ф. Раскольникова, основной причиной отставки бывшего присяжного поверенного с высокого поста являлось то, что П. Н. Переверзев «чересчур зарвался и оскандалился» [17, с. 184] в ходе расследования дела большевиков.

На смену «большому фантазеру» [6, с. 95], как характеризовал П. Н. Переверзева современник, пришел бывший депутат Государственной думы И. Н. Ефремов. Адвокатом он никогда не был, юридического образования не имел и от мира юриспруденции был достаточно далек, несмотря на то что в свое время занимал должности в мировом суде. Ефремов продержался в кресле министра недолго и вместо него был назначен бывший адвокат А. С. Зарудный, возглавлявший ведомство в период с 25 июля по 3 сентября 1917 г.

А. С. Зарудный являлся блестящим адвокатом и, по мнению современника, был «добросовестнейшим поверенным» [6, с. 97].

Примерно так же оценивал Зарудного и другой его коллега, А. М. Александров: «В 1917 году грянула революция и пал старый режим, а вместе с тем исчезли и политические процессы. Историческая роль политических защитников была сыграна, и Зарудного призвали на должность товарища министра юстиции. Но видно было, что эта роль не по нему и он чувствовал себя не на своем месте» [15, л. 2].

Политическая карьера адвоката началась в марте 1917 г., когда он получил пост товарища министра юстиции, а также вступил в Народно-социалистическую партию. В партии он пробыл недолго, и весной 1918 г. вышел из нее. В своей автобиографии он объяснил это решение тем, что не мог «оставаться в партии, не признающей установленную народом Советскую власть». Отметим, что автобиография была написана в 20-е годы проживающим в Москве бывшим присяжным поверенным.

После назначения на должность министра юстиции Зарудный энергично принялся за работу: созвал министерское совещание и выступил с речью, в которой своеобразной программной установкой стала «его вера в то, что самоотверженным, одухотворенным трудом всех – от рядового чиновника до министра – можно добиться спасения Отечества и устройства в новой России правового порядка» [1, с. 100].

Скандал с публикацией материалов о работе большевиков на зарубежные разведывательные структуры затронул также и А. С. Зарудного.

Предположение о том, что большевики работают в интересах немецких спецслужб, было озвучено прокурором Петроградской судебной палаты Н. С. Каринским (также бывшим адвокатом) по итогам расследования их июльского выступления. Однако, как отмечал биограф Зарудного, именно министр юстиции «добился освобождения из-под стражи видных большевиков» [3, с. 53]. На этой почве у него случился конфликт с Н. С. Каринским, в результате которого последний был уволен.

За время работы А. С. Зарудного в правительстве ему не удалось добиться конкретных результатов, в частности, в области либерализации правовой системы государства, в связи с чем можно говорить о том, что его деятельность в должности министра юстиции была малоэффективна. Возможно, для этого ему было отведено слишком мало времени. Зарудного-министра современники характеризовали не лучшим образом: «Как политический деятель Зарудный имеет массу крупнейших недостатков» [6, с. 97].

В начале сентября 1917 г. Зарудный подал в отставку и руководить деятельностью министерства был назначен петроградский адвокат А. А. Демьянов, однако он не был утвержден в ранге министра, а должность его звучала как управляющий делами министерства.

До революции А. А. Демьянов был известным петроградским присяжным поверенным и, как и его предшественники на министерском посту, занимался политическими защитами. Так, в 1915 г. он, наряду с другими адвокатами, участвовал в деле большевистских депутатов Думы, по итогам которого от смертной казни был спасен известный большевик Л. Б. Каменев.

В начале сентября 1917 г. А. А. Демьянов принимал участие в подготовке проекта образования Временного совета Российской республики (Предпарламента) [21, с. 297]. 25 сентября 1917 г. А. А. Демьянов был назначен председателем Малого Совета министров Временного правительства. После прихода к власти большевиков Малый совет в ноябре – декабре проводил заседания у него на квартире [21, с. 297].

Несмотря на активную работу по подготовке Предпарламента, А. А. Демьянов не был утвержден в должности министра юстиции, а вместо него министерский пост получил известный московский присяжный поверенный П. Н. Малянтович, занимавший кресло руководителя ведомства с 25 сентября по 25 октября 1917 г.

Назначение П. Н. Малянтовича вызвало у некоторых сотрудников министерства, лично с ним знакомых, недоумение. Во-первых, он был «тесно связан с видными деятелями социал-демократов». Во-вторых, по характеристике, данной ему бывшим коллегой по сословию, П. Н. Малянтович после Февральской революции стал придерживаться достаточно необычного взгляда на право. Он фактически открыто отрицал силу существующих законов только потому, «что закон этот в данный момент неудобен и что это положение он выставлял в суде как юридический довод» [6, с. 114].

Известность среди обывателей П. Н. Малянтович получил так же, как и его предшественники, – историей с большевиками.

П. Н. Малянтович в начале октября 1917 г. после долгих колебаний подписал приказ на задержание и арест В. И. Ленина. Изданию приказа сопутствовал конфликт между министром и его заместителями Демьяновым и Вальцем, не разделявшими колебания своего начальника. Министру пришлось уступить и разослать в органы власти и прокурорам на местах телеграмму, санкционирующую арест лидера партии большевиков [10, с. 342]. Однако «время было упущено» [4, с. 683].

Подобное указание не было исполнено, поскольку было выпущено слишком поздно, в то же время «ситуация вышла из-под контроля Временного правительства. Государственная власть была фактически парализована, на местах царил анархия, 25 октября 1917 г. Временное правительство было низложено, а все министры арестованы» [4, с. 683]. Сопrotивление министра юстиции в подписании приказа об аресте лидера большевиков опиралось на его мнение о том, что «большевизм есть политическое учение и как таковое не подлежит, как и всякое другое учение, какому бы то ни было преследованию со стороны власти» [6, с. 115]. Такая недалёковидность в последующем погубила не только министра, но и Временное правительство. Кроме того, медлительность П. Н. Малянтовича и практически откровенное нежелание обратить внимание на готовящийся большевиками переворот позволили современнице описываемых событий сделать вывод о «сентиментальности или трусости» [23, с. 211] бывшего присяжного поверенного.

В ночь с 25 на 26 октября последний министр юстиции, наряду с прочими деятелями Временного правительства, был захвачен в Зимнем дворце большевиками. П. П. Малянтович стал последним министром юстиции Временного правительства. В ноябре 1917 г. «Декретом о суде», изданным большевиками, адвокатура была упразднена.

В 1917 г. работа Министерства юстиции – одного из ключевых ведомств Временного правительства – проходила в условиях сложнейшей внутривластной обстановки в стране. По мнению Ю. В. Варфоломеева, министерство в ходе своей работы пыталось «сохранить и развить все то лучшее, что было накоплено в отечественной юстиции с момента принятия Судебных Уставов» [4, с. 683]. Однако постоянные смены министров приводили лишь к дезорганизации работы ведомства. Вместе с тем адвокаты-министры в ходе своей деятельности придерживались либеральных взглядов. Как показала практика, все министры стремились обновить законодательную базу страны, что их сильно выделяло по сравнению со своими предшественниками периода царизма. В то же время политическая ситуация в стране не содействовала подобным инициативам.

Вышеуказанные адвокаты-министры являлись одними из наиболее успешных с точки зрения политической карьеры представителями корпорации присяжных поверенных, которые после Февральской революции 1917 г. активно окунулись в работу Временного правительства. Нельзя не упомянуть и тот факт, что адвокаты также участвовали в деятельности Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Однако в этом органе, в отличие от Временного правительства и его структур, судебных защитников было немного. Присяжные поверенные не играли ведущей роли в Петроградском совете как по причине своей малочисленности, так и

в связи с тем, что большая масса адвокатов поддержала Временное правительство – легитимный высший исполнительный орган государственной власти. Адвокаты, в силу занимаемых ими постов, имели возможность влиять на политику государства. Их работа на поприще государственной службы была оценена современником как «диктатура адвокатуры».

Особую роль в привлечении адвокатов к работе в правительстве сыграл А. Ф. Керенский. Именно он путем обращения к председателю Совета присяжных поверенных Петрограда Н. П. Карабчевскому пригласил судебных защитников участвовать в работе новых органов власти. В дальнейшем при непосредственном посредничестве Александра Федоровича были проведены первые назначения адвокатов на должности государственных служащих.

Такая позиция А. Ф. Керенского, предположительно, была вызвана его желанием создать свою команду во власти путем приглашения адвокатов, способности которых он знал. Кроме того, ему была важна лояльность к себе, а бывшие коллеги прекрасно для этого подходили.

Тяжелая политическая обстановка, сложившаяся в России после Февральской революции, не содействовала продуктивной деятельности Министерства юстиции, несмотря на желание многих его представителей либерализовать своей работой жизнь в стране. Кроме того, адвокаты, не имевшие опыта работы чиновника, плохо понимали специфику функционирования органов государственной власти.

По верному замечанию петроградского присяжного поверенного Рымовича, высказанному им в ноябре 1917 г., «путь политической борьбы должен быть чужд адвокатуре как целому. Задачи политики различны и преходящи, задачи адвокатуры вечны: это служение справедливости, которая неизменна и едина» [20, л. 1]. В революционное время в 1917 г. представители российской адвокатуры приняли активное участие в политической жизни страны, получив высокие посты в Министерстве юстиции. Оценивая их деятельность в данном ведомстве, следует подчеркнуть, что, как показала история, адвокаты, несмотря на свою правовую подготовку, оказались дилетантами в деле государственной политики, а их попытки проведения либерализации ни к чему в итоге не привели.

Список литературы

1. Варфоломеев Ю. В. А. С. Зарудный: юрист и общественный деятель. Саратов : Научная книга, 2002. 119 с.
2. Варфоломеев Ю. В. Адвокаты во власти: присяжные поверенные сотрудники Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Адвокат. 2011. № 6. С. 62–72.
3. Варфоломеев Ю. В. Александр Сергеевич Зарудный // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 39–60.
4. Варфоломеев Ю. В. Министерство юстиции Временного правительства: соотношение преемственности и инноваций в переходную эпоху // Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 677–684.
5. Голденвейзер А. А. В защиту права. Статьи и речи. URL: http://modernlib.ru/books/goldenweyzer_a/v_zaschitu_prava_statii_rechi/read (дата обращения: 01.10.2013).
6. Демьянов А. А. Архив русской революции : в 12 т. Т. 4. Берлин, 1922. С. 55–121.
7. Докладная записка присяжного поверенного М. Л. Гольдштейна об образовании особой следовательской комиссии // РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1569. Л. 2.
8. Журнал Министерства юстиции. Пг. : Сенатская типография, 1917. 470 с.
9. Завадский С. В. На пути к революции. М. : Кучково поле, 2017. 304 с.
10. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры, 1906–1917. М. : РОССПЭН, 1996. 432.
11. Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М. : Наука, 1995. 238 с.
12. Карабчевский Н. П. «Что глаза мои видели»: Революция и Россия. Т. 2. URL: <http://www.ldn-knigi.narod.ru/RUSPROS/Rusknig.htm> (дата обращения: 01.10.2013).
13. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М. : Республика, 1993. 384 с.
14. Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимоноархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М. : Новое литературное обозрение, 2017. 520 с.
15. Письма А. М. Александрова – Муравьеву об аресте его за пропаганду фашизма и об исключении из состава коллегии защитников, о смерти адвоката А. С. Зарудного // ГАРФ. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.
16. Право. 1917 г. № 8. С. 462.
17. Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. М. : Политиздат, 1990. 319 с.
18. Раупах Р. Р. Facies Nirprosatica (Лик умирающего). Воспоминания члена Чрезвычайной следственной комиссии 1917 года. СПб. : Алетей, 2007. 416 с.
19. Речь Н. П. Карабчевского от 16 мая 1917 года // РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1565. Л. 3.
20. Речь присяжного поверенного Рымовича, произнесенная в заседании Петроградского Совета присяжных поверенных // РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1566. Л. 1.

21. Серков А. И. Русское масонство 1731–2000 гг. : энциклопедический словарь. М. : РОССПЭН, 2001. 1224 с.
22. Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». СПб. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 480 с.
23. Тыркова А. В. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой : дневники, письма. М. : РОССПЭН, 2012. 1110 с.
24. Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М. : РОССПЭН, 2012. 309 с.

Activities of jurors in the Ministry of justice of the Provisional government

A. A. Sheremetev

postgraduate student of the Department of history of revolutions and social movement of Russia,
Saint Petersburg Institute of history of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Saint Petersburg. E-mail: anton.sheremetev@mail.ru

Abstract. The article examines the activities of the Ministry of justice of the Provisional government, one of the main tasks of which was to provide legal support for the actions of the new government and legitimize its legal decisions. This work required employees who had both knowledge of law and loyalty to the new government. Such specialists were sworn attorneys who were invited in the first days of March 1917 by their colleague A. F. Kerensky to work in the Department that he headed. In the future, the number of lawyers in the structures of the Ministry of justice constantly increased, and they also appeared in the Prosecutor's office. Several lawyers were appointed senators. At the same time, jurors were involved in various Advisory commissions, whose activities were generally aimed at liberalizing legislation and monitoring the observance of prisoners' rights. These commissions were also responsible for advising the government on the law and its application, which was particularly relevant in a country that had experienced a major revolutionary upheaval and a change of government. The most active activity of lawyers was launched at the head of the Ministry of justice. Four of the five Ministers of justice of the Provisional government were authoritative representatives of the Corporation of judicial defenders, and this post was held alternately by A. F. Kerensky, P. N. Pereverzev, A. S. Zarudny, and P. N. Malyantovich. Each of them saw the position as an opportunity to democratize the country's legal system, something they had failed to do in the past. The lawyers were not able to implement their plans, they were given too little time to organize large-scale changes in the state. Despite this, it can be stated that the Ministry of justice was "under the control" of Russian lawyers and represented their view of the attempt to create a legal state in Russia.

Keywords: jurors, lawyers, Ministry of justice, Provisional government, February revolution of 1917, A. F. Kerensky.

References

1. Varfolomeev Yu. V. A. S. Zarudnyj: *yurist i obshchestvennyj deyatel'* [A. S. Zarudny: lawyer and public figure]. Saratov. Scientific book. 2002. 119 p.
2. Varfolomeev Yu. V. *Advokaty vo vlasti: prisyazhnye poverennye sotrudniki Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva* [Lawyers in power: sworn attorneys employees of the Emergency investigative commission of the Provisional government] // *Advokat – Lawyer*. 2011. No. 6. Pp. 62–72.
3. Varfolomeev Yu. V. *Aleksandr Sergeevich Zarudnyj* [Alexander Sergeevich Zarudny] // *Varfolomeev Yu. V. Aleksandr Sergeevich Zarudnyj – Question of history*. 2009. No. 6. Pp. 39–60.
4. Varfolomeev Yu. V. *Ministerstvo yusticii Vremennogo pravitel'stva: sootnoshenie preemstvennosti i innovacij v perekhodnuyu epohu* [Ministry of justice of the Provisional government: the ratio of continuity and innovation in the transition era] // *Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya: sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyj 70-letiyu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gor'kogo* – Russia and the world: a panorama of historical development: a collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of the faculty of history of the A. M. Gorky Ural State University. Yekaterinburg. 2008. Pp. 677–684.
5. Goldenweiser A. A. *V zashchitu prava. Stat'i i rechi* [In defense of law. Articles and speeches]. Available at: http://modernlib.ru/books/goldenveyzer_a/v_zaschitu_prava_stat_i_rechi/read (date accessed: 01.10.2013).
6. Dem'yanov A. A. *Arhiv russkoj revolyucii : v 12 t. T. 4* [Archive of the Russian revolution : in 12 vols. Vol. 4]. Berlin. 1922. Pp. 55–121.
7. *Dokladnaya zapiska prisyazhnogo poverennogo M. L. Gol'dshtejna ob obrazovanii oboj sledovatel'skoj komissii* – Report of the sworn attorney M. L. Goldstein on the formation of a special investigative commission // Russian State Historical Archive. F. 857. Inv. 1. File 1569. Sh. 2.
8. *Zhurnal Ministerstva yusticii* – Journal of the Ministry of justice. PG. Senatskaya tipografiya. 1917. 470 p.
9. Zavadskij S. V. *Na puti k revolyucii* [On the way to the revolution]. M. Kuchkovo pole. 2017. 304 p.

10. Zvyaginцев A. G., Orlov Yu. G. *V epohu potryasenij i reform. Rossijskie prokurory, 1906–1917* [In the era of shocks and reforms. Russian prosecutors, 1906–1917]. M. ROSSPEN. 1996. 432 p.
11. Ioffe G. Z. *Semnadcatyj god: Lenin, Kerenskij, Kornilov* [The seventeenth year: Lenin, Kerensky, Kornilov]. M. Nauka. 1995. 238 p.
12. Karabchevskij N. P. *"Chto glaza moi videli": Revolyuciya i Rossiya. T. 2* ["What did my eyes see": Revolution and Russia. Vol. 2]. Available at: <http://www.ldn-knigi.narod.ru/RUSPROS/Rusknig.htm> (date accessed: 01.10.2013).
13. Kerenskij A. F. *Rossiya na istoricheskom povorote* [Russia at a historical turn]. M. Respublika. 1993. 384 p.
14. Kolonickij B. I. *"Tovarisch Kerenskij": antimonarhicheskaya revolyuciya i formirovanie kul'ta "vozhdy naroda" (mart – iyun' 1917 goda)* ["Comrade Kerensky": the anti-monarchical revolution and the formation of the cult of the "leader of the people" (March–June 1917)]. M. New literary review. 2017. 520 p.
15. Pis'ma A. M. Aleksandrova – Murav'evu ob areste ego za propagandu fashizma i ob isklyuchenii iz sostava kollegii zashchitnikov, o smerti advokata A. S. Zarudnogo – Letters to A. M. [Alexandrov–Muravyov about his arrest for propaganda of fascism and about exclusion from the Board of defenders, about the death of lawyer A. S. Zarudny] // State Archive of RF. F. 1652. Inv. 1. File 58. Sh. 2.
16. *Pravo – Right*. 1917. No. 8. P. 462.
17. Raskol'nikov F. F. *Kronshtadt i Piter v 1917 g.* [Kronshtadt and Peter in 1917]. M. Politizdat. 1990. 319 p.
18. Raupach R. R. *Facies Hippocratica (Lik umirayushchego). Vospominaniya chlena Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii 1917 goda* [Facies Hippocratica (The face of the dying). Memoirs of a member of the Extraordinary commission of inquiry in 1917]. SPb. Aleteya. 2007. 416 p.
19. *Rech' N. P. Karabchevskogo ot 16 maya 1917 goda* – Speech of N. P. Karabchevsky from may 16, 1917 // Russian State Historical Archive. F. 857. Inv. 1. File 1565. Sh. 3.
20. *Rech' prisyazhnogo poverennogo Rymovicha, proiznesennaya v zasedanii Petrogradskogo Soveta prisyazhnyh poverennyh* – Speech of the sworn attorney Rymovich, pronounced at the meeting of the Petrograd Council of jurors // Russian State Historical Archive. F. 857. Inv. 1. File 1566. Sh. 1.
21. Serkov A. I. *Russkoe masonstvo 1731–2000 gg. : enciklopedicheskij slovar'* [Russian Freemasonry 1731–2000 : encyclopedic dictionary]. M. ROSSPEN. 2001. 1224 p.
22. Sobolev G. L. *Tajna "nemeckogo zolota"* [Secret of "German gold"]. SPb. OLMA-PRESS. 2002. 480 p.
23. Tyrkova A. V. *Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkovej : dnevniki, pis'ma* [Legacy of Ariadna Vladimirovna Tyrkova : diaries, letters]. M. ROSSPEN. 2012. 1110 p.
24. Tyutyukin S. V. *Aleksandr Kerenskij. Stranicy politicheskoy biografii (1905–1917 gg.)* [Alexander Kerensky. Pages of political biography (1905–1917)]. M. ROSSPEN. 2012. 309 p.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(4)"1939/1945"

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.035

К истории первого побега из концлагеря Аушвиц: случай Тадеуша Вейовского

С. С. Ходячих

кандидат исторических наук. Россия, г. Химки.
ORCID: 0000-0002-8823-886X. E-mail: khodyachikh@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства первого побега в истории концентрационного лагеря Аушвиц, совершенного польским политическим заключенным Тадеушем Вейовским, который прибыл в лагерь 14 июня 1940 г. первым массовым транспортом и получил номер 220. Побег был осуществлен Вейовским 6 июля 1940 г. при помощи пятерых гражданских поляков, работавших электриками в Аушвице по договору с немецкой строительной компанией. Рабочие заранее пронесли на территорию лагеря гражданскую одежду, в которую переоделся Вейовский, и впоследствии беспрепятственно покинул стены Аушвица. После того как обнаружилось отсутствие узника № 220, администрация лагеря устроила для всех заключенных двадцатичасовую переключку на апельплаце, которая стала самой длинной в истории Аушвица. Анализируются нарративные и эпистолярные источники, хранящиеся в архивах Государственного музея Аушвиц-Биркенау и Института национальной памяти в Варшаве, а также автобиография бывшего коменданта Аушвица Рудольфа Хесса. Приводятся обновленные данные побегов из концлагеря Аушвиц, представленные международным центром образования об Аушвице и Холокосте при Государственном музее Аушвиц-Биркенау. Проанализирована дальнейшая судьба Тадеуша Вейовского и пятерых поляков-электриков, помогавших ему в осуществлении побега. Отмечается, что побег Вейовского стал возможен не только вследствие хорошей подготовки и помощи членов подполья, но также благодаря попустительству лагерной охраны и удачному стечению обстоятельств. Несмотря на то что Вейовский не стал символом лагерного сопротивления, его побег сыграл важную психологическую роль: он показал другим заключенным, что ничего невозможного нет, в том числе в условиях аушвицкого ада.

Ключевые слова: концентрационный лагерь Аушвиц, Вторая мировая война, история Польши, история Германии, историческая память.

Польская кампания вермахта, продлившаяся чуть больше месяца – с 1 сентября по 6 октября 1939 г., завершилась полной победой немецкой армии и капитуляцией польского командования. В немецкий плен попали 694 тысячи поляков [31, s. 25], и местные тюрьмы не справлялись с такой серьезной нагрузкой. На оккупированной немцами польской территории было создано несколько сотен концентрационных лагерей, самым крупным из которых стал Аушвицкий лагерный комплекс, насчитывавший более 40 филиалов [23].

В Аушвиц были депортированы по меньшей мере 1,3 миллиона заключенных, из них 1,1 миллиона убиты [10; 18; 26, p. 374; 34, p. 628]. Некоторые узники не хотели мириться с неизбежной участью и предпринимали различные попытки сопротивления, одной из форм которого были побеги. За всю историю существования Аушвица, т. е. с 14 июня 1940 г. по 27 января 1945 г., было совершено менее тысячи побегов заключенных. Согласно обновленной статистике, общее число заключенных, пытавшихся бежать из Аушвицкого лагерного комплекса, составило 928 человек, из них 878 мужчин и 50 женщин. Наиболее многочисленной группой были поляки (439 человек), затем шли граждане СССР (213 человек), евреи (150), немцы и австрийцы (49), цыгане (41), чехи (26), венгры (4), один голландец и одна югославка. Этническая принадлежность шестерых заключенных не идентифицирована [15].

Из 928 бежавших узников удача улыбнулась лишь 196, большая часть из них дожила до окончания Второй мировой войны. 25 заключенных успешно преодолели стены концлагеря,

но позднее были пойманы, как правило, в течение нескольких недель или месяцев и возвращены обратно в лагерь. Побег 433 узников оказались неудачными: они были обнаружены охранниками и убиты при попытке к бегству либо позднее казнены в самом лагере. Судьба 254 узников по-прежнему неизвестна, однако поскольку факт их поимки не был зафиксирован в немецких документах, можно предположить, что для некоторых из них побег завершился успехом. Об остальных заключенных сведения отсутствуют.

Приведенные выше цифры не являются окончательными, так как исследования, связанные с проблематикой лагерного сопротивления, проводятся в Государственном музее Аушвиц-Биркенау на постоянной основе. В эту статистику включены лишь те заключенные, которые были зарегистрированы в концлагере, поэтому при изучении вопроса в более масштабном разрезе – например, включение в общую сводку узников, бежавших во время эвакуации концлагеря в январе 1945 г., или тех, кто решил совершить побег во время восстаний советских военнопленных или членов зондеркоманды, – итоговая цифра, несомненно, увеличится.

В первый год существования Аушвица было совершено лишь два побега, что объясняется не столько эффективностью системы охраны и предельно жестокими наказаниями [1, р. 503], сколько фактом того, что заключенные жили и работали на небольшой и сравнительно легко контролируемой территории, а также были недостаточно хорошо знакомы с местностью. Ситуация изменилась в 1942 г., когда площадь лагеря и число узников значительно увеличились, при этом штат охранников остался прежним либо был незначительно расширен. К тому же с конца 1943 г. мощь нацистской Германии, вызванная сериями крупных поражений немецкой армии, существенно ослабла, что отразилось на послаблении режима содержания заключенных, равно как и падении уровня дисциплины среди некоторых эсэсовцев. Также немаловажную роль в успехах побегов 1943 и 1944 гг. сыграл фактор хорошей подготовки, помощь лагерного подполья, местного населения и сопротивления, действующего за пределами Аушвица [30, с. 235–395].

Одним из тех, кому удалось беспрепятственно покинуть стены Аушвица, стал польский военнопленный Тадеуш Вейовский, вошедший в историю как автор первого аушвицкого побега. Это уникальный случай еще и потому, что на подготовку и реализацию своего плана Вейовскому потребовалось всего три недели, а учитывая психологический шок после прибытия в Аушвиц и адаптацию к новым условиям, и того меньше. Тем удивительнее кажется факт отсутствия специальных исследований, посвященных историческому побегу Вейовского и изучению деталей его биографии.

Информация о Тадеуше Вейовском содержится, в основном, в специализированных трудах по истории Аушвица [1, р. 506; 8, р. 17–19, 26, 31; 11, р. 122–125; 25, р. 11, 107; 28, с. 31; 30, с. 60–61, 331–332, 340, 344, 563; 35, р. 12], концлагерей Третьего Рейха [12, р. 201; 34, р. 492], нацизма или Второй мировой войны в целом [5, р. 145; 13, р. 283; 24, р. 56], при этом историки, главным образом, представители польской историографии, фокусируют свой исследовательский интерес не столько на личности Вейовского, сколько на самом побеге и его последствиях. Несколько страниц побегу Вейовского в своей статье «Избранные примеры побегов из концлагеря Аушвиц» посвятил сотрудник Государственного музея Аушвиц-Биркенау Яцек Лахендро [16, с. 86–88].

Данная статья опирается на комплекс опубликованных и неопубликованных нарративных источников, представленных тремя группами. Прежде всего, это официальные документы Аушвица, которые находятся в архиве Государственного музея Аушвиц-Биркенау (г. Освенцим) [2; 3] и Мемориального музея Холокоста (г. Вашингтон) [7]. Вторую группу источников образует переписка администрации Аушвица с женой Вейовского Катажиной и вышестоящим руководством [21; 22; 32]. Третью группу составляют воспоминания бывших узников Аушвица и их показания на процессах против нацистских преступников [36–39; 41–42], а также автобиография коменданта Аушвица в 1940–1943 гг. Рудольфа Хесса, содержащая важные сведения о лагерной жизни в целом и заключенных в частности [14, с. 87–129].

Личность Тадеуша Вейовского представляет значительный интерес, однако при подробном изучении его биографии возникает ряд объективных трудностей. Прежде всего это связано с тем, что о довоенной жизни Вейовского известно очень немного, а архивные документы не дают полной информации, так как посвящены главным образом обстоятельствам, связанным с побегом, и его последствиям.

Тадеуш Вейовский родился 4 мая 1914 г. в польском городе Колачице, расположенном на юго-востоке страны. До войны он работал сапожником, однако после нападения Германии

на Польшу, по-видимому, вступил в армию и встал на защиту своего отечества. На довоенной фотографии [33] Вейовский запечатлен в форме старшего рядового польской армии, хотя некоторые исследователи отмечают, что он был унтер-офицером запаса [19, p. 243]. Вероятно, в первые месяцы войны Вейовский примкнул к польскому сопротивлению, так как в скором времени был арестован за участие в подпольном движении и заключен в тюрьму города Тарнува.

Вейовский стал одним из первых узников концлагеря Аушвиц, куда прибыл из Тарнува 14 июня 1940 г. на первом массовом транспорте вместе с 727 другими польскими политическими заключенными. В Аушвице ему сделали татуировку с номером 220 и как физически крепкого мужчину определили на тяжелую физическую работу: он занимался сносом и разбором заброшенных домов, которые покинули местные жители после начала войны. Собранные кирпичи и дерево использовались для расширения и перестройки лагеря.

Техническую работу в лагере выполняли польские гражданские рабочие – электрики и сантехники, которых наняла немецкая строительная компания. Они жили в окрестностях концлагеря и были членами подпольной военной организации Союз вооруженной борьбы, ставшей основой польского сопротивления. С первых дней существования Аушвица подпольщики, используя свои связи, обеспечивали заключенных медикаментами, едой и другими необходимыми вещами, а также отправляли их письма на волю [1, p. 505; 17, p. 254–256]. Именно с такими рабочими Вейовскому удалось установить контакт, и они согласились ему помочь. Заговорщики решили вызволить своего соотечественника из концлагеря. При этом они предлагали бежать и другим заключенным, но согласился только Вейовский [16, s. 86]. Вместе они разработали план побега, который был намечен на 6 июля 1940 г.

Днем 6 июля один из электриков, Юзеф Патек, незаметно пронес в лагерь комплект униформы, еду и небольшую сумму денег, предназначенные для Вейовского. Незадолго до конца рабочего дня Вейовский отправился в одну из комнат 15 блока, где рабочие монтировали электрическую установку. Там он переделался в гражданскую одежду, после чего беспрепятственно покинул стены лагеря в сопровождении пяти электриков. На левом рукаве у Вейовского была зеленая повязка, которую обязаны были носить все гражданские работники. Охрана не придавала никакого значения группе выходящих из лагеря поляков и спокойно пропустила их через боковой вход, располагавшийся рядом с крематорием.

Вместе с рабочими Вейовский дошел до железнодорожной станции, где сел на грузовой поезд, направлявшийся в сторону Кракова. Через несколько дней он добрался до родного города, где скрывался на протяжении всего следующего года.

Побег Вейовского оказался возможен не только благодаря помощи подпольщиков и хорошей организации, но и вследствие недостатков системы лагерной охраны. По словам Болеслава Бича, одного из пяти электриков, работавших в Аушвице, в самом начале своего функционирования «лагерь еще не был огорожен и не было достаточного количества охранников», в связи с чем побег казался вполне реальным [36, s. 38]. Впоследствии это подтвердил в своей автобиографии бывший комендант Аушвица Рудольф Хесс, отмечавший, что совершить побег из лагеря было «не очень трудно»: «В Аушвице имелось много возможностей для побега. Необходимые условия легко создавались, а обмануть охрану было нехитрым делом. Немного мужества и чуть-чуть удачи – это все, что требовалось... Многие заключенные, которые пытались бежать, мало заботились о репрессиях, они готовились испытать свою удачу. Если им удавалось уйти за цепь сторожевых постов, дальше на их пути им помогало местное гражданское население. Остальное уже проблемой не было» [14, s. 100]. Со временем количество побегов достигло таких масштабов, что посетивший Аушвиц в июле 1942 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер назвал ситуацию эпидемией: «Число побегов из Аушвица необычайно велико и беспрецедентно. Я одобряю все средства, повторяю, все средства, используемые для предотвращения этих побегов. Эта эпидемия, свирепствующая в Аушвице, должна быть искоренена!» [14, s. 178].

Последствия побега Вейовского ощутили на себе все узники концлагеря. Многие впервые узнали, что такое коллективная ответственность. Отсутствие заключенного номер 220 обнаружилось на вечерней переключке. По приказу заместителя коменданта концлагеря Карла Фрича всех узников Аушвица – а на тот момент их насчитывалось 1311 человек [27] – вывели на аппельплац, где на протяжении двадцати часов удерживали без воды, еды и возможности отлучиться в туалет. Заключенные должны были стоять по стойке смирно или сидеть на корточках, закинув руки на затылок. При этом каждое их движение жестоко наказывалось эсэсовцами и капо, которые применяли дубинки и палки. Во время этого аппеля, самого долгого

в истории Аушвица [29], от изнеможения погиб страдающий туберкулезом 74-летний еврей Давид Воньчевский, прибывший в лагерь 20 июня 1940 г. вторым транспортом [11, р. 122; 27]. Он стал самой первой жертвой Аушвица. Многие заключенные получили солнечные удары и кожные ожоги, у некоторых стали возникать отеки, кто-то терял сознание, почти все были сильно истощены.

Многочасовая переключка надолго запомнилась узникам Аушвица. Бывший заключенный Ян Дзопек вспоминал: «Заключенные были в одних рубашках, потому что уходили на работу, большинство из них было даже без обуви. Стоя, им не разрешалось покидать ряды, садиться, опускаться на колени или менять позу. Они справляли свои телесные потребности в штаны» [38, s. 106]. Еще один узник Аушвица, Тадеуш Балют, отмечал, что был совершенно измучен такими издевательствами: «Я смертельно устал, отправился в блок и забыл, что на божьем свете существует что-то еще» [41, s. 8–9], а Мариан Дыбус, имевший лагерный номер 678, запомнил обезумевших эсэсовцев, которые «все больше и больше приходили в ярость и вымещали свое недовольство на заключенных» [39, s. 161].

Предельно суровые наказания были применены и в отношении соседей Вейовского по бараку. По словам Эдварда Вроны, узника номер 206, «мужчины, спавшие рядом с Вейовским, были крайне жестоко избиты», причем настолько, что «у одного из этих мужчин, который получил 120 ударов плетью по задней части тела, лежа на специальном табурете, была открытая рана размером с кулак» [37, s. 164].

Поняв, что Вейовский совершил побег и найти его по горячим следам не удастся (хотя эсэсовцы и организовали поиск по всему Освенциму и его окрестностям, во время которого обыскали многие дома), администрация концлагеря провела расследование и изучила обстоятельства, которые привели к этому инциденту. Довольно быстро им удалось установить личности пятерых гражданских электриков-поляков, работавших в Аушвице. Ими оказались Юзеф Патек, Болеслав Бич, Юзеф Мускинский, Эмиль Коваловский и Станислав Мржыглюд. Впоследствии Болеслав Бич, единственный выживший член бригады электриков, в подробностях рассказал о своем задержании и назвал фамилии двух узников, «сдавших» его группу. Это были некие Попович и Баран, по-видимому, не выдержавшие многочасовых побоев [36, s. 38–39]. Также в оказании помощи беглецу обвинили одиннадцать заключенных Аушвица, которых вместе с пятью электриками разместили в подвале блока № 13, а затем перевели в штрафной изолятор. Их имена: Георг Олек, Рудольф Грегор, Ежи Урбанский, Владислав Щудлик, Карл Юрек, Павел Збещук, Тадеуш Кукульский, Станислав Баргель, Леопольд Гонья, Эугениуш Хейка и Здзислав Веселек [8, р. 18; 32]. Никто из них не признал связи с Вейовским и не выдал его местоположение.

Предпоследним в списке Рудольфа Хесса из шестнадцати обвиняемых [32] шел поляк Эугениуш Герхард Хейка, заключенный номер 608. 22-летний выпускник кадетского корпуса из города Любава, как и Вейовский, прибыл в Аушвиц первым транспортом, однако в организации побега участия не принимал. Его ошибочно задержали вместе с десятью другими поляками только за то, что написанное его рукой письмо (оно было адресовано его родителям) оказалось у одного из гражданских рабочих, который должен был отправить его на воле. Хейку допросили и поместили в камеру смертников, где он ждал своей участи на протяжении нескольких недель. Случай привлечения «лишнего» заключенного к списку из десяти человек является уникальным для нацистской лагерной системы, так как обычно за побег администрация Аушвица наказывала только десятерых узников [1, р. 504–505; 8, р. 17–18, 33; 11, р. 123; 26, р. 73].

Происшествие было настолько серьезным и исключительным, что руководству концлагеря пришлось доложить о случившемся шефу Гестапо, группенфюреру СС Генриху Мюллеру, который 2 августа 1940 г. получил подробное письмо начальника политического отдела Аушвица с информацией о том, что после побега заключенного Вейовского было проведено расследование в отношении всех шестнадцати пособников беглеца [9, s. 50].

Комендант лагеря Рудольф Хесс потребовал расстрелять сообщников Вейовского, о чем уведомил в письме от 19 июля 1940 г. обергруппенфюрера СС, начальника полиции СС в Бреслау Эриха фон дем Бах-Зелевски, подробно рассказав об обстоятельствах побега [32]. Также Хесс жаловался на помощь, которую фанатичное польское население оказывает узникам концлагеря. По его словам, поляки «готовы к любым действиям против ненавистной лагерной команды СС. Каждый заключенный, которому удастся сбежать, может рассчитывать на любую помощь, как только он доберется до первого польского двора» [2, к. 25]. Однако по личному распоряжению рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера пятерых поляков-электриков

приговорили к 75 ударам плетью – три раза по 25 ударов – в весьма изощренной форме: их били электрическими кабелями, обтянутыми кожей, пока заключенные лежали на лошади, после чего определили наказание в виде пятилетнего пребывания в концлагере. Лагерную плетть выдержали далеко не все. Через несколько недель от ран, полученных во время порки, умер Мржыглод, а Бич пролежал в лагерной больнице без сознания на протяжении двух недель, после чего ему была сделана операция [20, s. 143]. Мускинский, Патек и Коваловский были убиты в 1941 г. в другом концлагере [36, s. 41].

В конечном итоге заговорщиков, помогавших Вейовскому, – пятерых поляков-электриков и одиннадцать заключенных – после четырех с половиной месяцев пыток отправили в другие нацистские лагеря. Согласно приказу руководителя системы нацистских концлагерей, группенфюрера СС Рихарда Глюкса [2, к. 3; 22], «польские гражданские рабочие» оказались в Маутхаузене, остальных узников перевели в Флоссенбург. По воспоминаниям бывшего сотрудника польской государственной железной дороги Рудольфа Ковалевского, который лично присутствовал при отправлении состава в Маутхаузен, «это были уже не люди, а покрытые кровью калеки» [40, s. 67–68]. К счастью, флоссенбургским заключенным повезло больше и они дожили до освобождения концлагеря в апреле 1945 г.

Пока в Аушвице искали виновных в организации побега, Вейовский благополучно добрался до родного городка Колачице, где находился более года. Он установил контакт с родителями, которые помогали ему все это время, племянником Чеславом и невесткой брата Марией Кучмой [16, s. 86]. Неизвестно, связался ли Тадеуш со своей женой Катажиной или не стал ее беспокоить, так как она могла пострадать из-за его побега. В окрестностях Колачице Вейовский скрывался до осени 1941 г., когда немцы арестовали его и заключили в тюрьму города Ясло. Удивительно, но во время допроса его не опознали как бывшего узника Аушвица, совершившего побег в июле 1940 г. В Ясло Вейовский пробыл недолго и вскоре вместе с другими арестованными был предположительно перевезен на полицейском фургоне в тюрьму города Горлице. Правда, до Горлице он так и не добрался, так как был застрелен около одной из бывших нефтяных скважин близ Ясло. Так завершился жизненный путь человека, вошедшего в историю как первый беглец из самого страшного нацистского концлагеря.

По словам невестки брата Вейовского Марии Кучмы, после возвращения домой Тадеуш рассказал ей о том, что, едва покинув стены Аушвица, он отправился в город Ченстохова к матери своего лагерного товарища, с которым собирался бежать. Она уговорила Вейовского вернуться в Аушвиц, чтобы освободить ее сына. Вооружившись пистолетами, Тадеуш вместе с тремя поляками пробрался к воротам Аушвица, однако, несмотря на темное время суток, их заметила лагерная охрана, которая открыла огонь. Вейовский и его товарищи бежали [3, к. 6]. По мнению польского историка Яцека Лакендро, эта история является маловероятной [16, s. 86], хотя и очень похожа на инцидент, рассказанный в письме от 12 июля 1940 г. комендантом Аушвица Рудольфом Хессом главному инспектору концлагерей Рихарду Глюксу. В нем Хесс извещал Глюкса о том, что накануне в лагерь пытались ворваться несколько мужчин с намерением освободить заключенных. Однако их попытка оказалась неудачной [2, к. 20].

Спустя полтора месяца после побега Вейовского администрация Аушвица уведомила его жену Катажину о том, что 7 июля 1940 г. ее супруг погиб в лагере, а также спрашивала, может ли она забрать личные вещи «покойного». Письмо датировано 22 августа [21], однако ответа на него, по-видимому, не было, так как Катажина Вейовская наверняка узнала о том, что ее муж жив, и не хотела искушать судьбу. К тому же поездка в Освенцим была смертельно опасной, поскольку в первые годы существования Аушвица в него насильно привозили семьи беглецов и подвергали жестоким пыткам [1, p. 505; 26, p. 73]. Не было и особой необходимости в том, чтобы забирать немногочисленные вещи бывшего узника.

Тадеуш Вейовский был первым, но далеко не единственным узником Аушвица из первого массового транспорта, кто совершил побег. По меньшей мере еще девятнадцать человек решили повторить поступок Вейовского [29]. К сожалению, большинство побегов закончились неудачей, а бежавшие заключенные были впоследствии убиты. Однако перед ними был яркий пример силы и стойкости духа, человека, который не стал приспосабливаться к обстоятельствам, а сам эти обстоятельства изменил и сделал себя свободным.

С именем Вейовского связан еще один любопытный аспект, лингвистический. Удивительно, но с польского языка фамилию *Вейовский* можно перевести как *беглый* или *беглец*, на что первым обратил внимание ротмистр Войска Польского, будущий организатор движения сопротивления в Аушвице Витольд Пилецкий. В своем отчете, более известном как «Отчет

Пилецкого», он рассказывает о побеге Вейовского, который был совершен «как будто назло лагерным властям» [19, р. 38]. Дело в том, что на польском языке фамилия *Wiejowski* является каламбуром слова *zwiewać* – жаргонного слова для обозначения того, чтобы скрыться или убежать, то есть беглеца. Это довольно интересное наблюдение, так как в ограниченном лагерьном пространстве заключенному было жизненно важно сохранить свою личностную идентичность, свое имя, свое Я, чтобы остаться самим собой, не переняв при этом насильно навязываемые нацистские ценности [6, р. 145–147]. В этом плане антропонимические данные играли большую роль в условиях подавления, полного разрушения личности узников и превращения их в безымянную послушную массу, неспособную ни на индивидуальное, ни на групповое сопротивление [4, р. 109].

Успешный побег Тадеуша Вейовского имел важные психологические последствия для заключенных Аушвица. Вейовский не стал символом лагерного сопротивления, его не считали героем или сверхчеловеком, ведь от его действий пострадали многие узники, однако он сделал главное – обманул жестокую, бесчеловечную и циничную систему нацизма, показав остальным, что ничего невозможного нет, даже в аушвицком аду. Его побег был осуществлен не только вследствие хорошей подготовки и помощи надежных людей, но в том числе благодаря попустительству лагерной охраны и счастливому стечению обстоятельств. Он рискнул и выиграл, получив в награду жизнь, а его бегство стало своеобразной моделью идеального побега, которую позднее использовали и другие заключенные Аушвица.

Тадеуш Вейовский прожил короткую (всего 27 лет), но при этом очень насыщенную жизнь. Он стал свидетелем страшной эпохи, когда на его глазах рушилась польская государственность, а многие соотечественники на личном опыте узнали, что такое концлагерь. При этом судьба Вейовского довольно типична для поляка первой половины XX в., так как десятки тысяч жителей Польши прошли через те же испытания. Однако Вейовскому суждено было сыграть другую историческую роль. Он стал первым заключенным, которому удалось успешный побег из концентрационного лагеря Аушвиц, и именно поэтому его имя навсегда останется в исторической памяти.

Список литературы

1. Anatomy of the Auschwitz Death Camp. Bloomington : Published in Association with the United States Holocaust Memorial Museum ; Washington : D. C. by Indiana University Press, 1994. 638 p.
2. Archiwum Państwowego Muzeum w Oświęcimiu. Sygn. D-Aul-1/13. Acta dotyczące ucieczki Tadeusza Wiejowskiego. K. 1–28.
3. Archiwum Państwowego Muzeum w Oświęcimiu. Zespół Oświadczenia. Relacja Marii Kuczmy. T. 57. K. 1–8.
4. Bettelheim B. The Informed Heart: Autonomy in a Mass Age. Glencoe, Ill. : Free Press, 1960. 309 p.
5. Bruce G. The Nazis. Secaucus, N.J. : Chartwell Books, 1977. 160 p.
6. Cohen E. Human Behavior in the Concentration Camp. New York : W. W. Norton, 1953. 295 p.
7. Correspondence from the command of Auschwitz concerning the escape of prisoner Thadeus Wiejowski, 6 July 1940, and the punishment of 5 Polish workers and 11 prisoners for helping in the escape. Itemized personal papers. July 1940 // Nazi concentration camp records. United States Holocaust Memorial Museum Archives. Accession Number: 1991. A. 0038. RG Number: RG-04.006M. Reel 1 (Auschwitz). 3.
8. Czech D. Auschwitz Chronicle, 1939–1945. New York : H. Holt, 1990. 855 p.
9. Czech D. Kalendarium Der Ereignisse Im Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau 1939–1945. 1. Auflage. ed. Reinbek Bei Hamburg: Rowohlt, 1989. 1056 s.
10. Deportowani wg narodowości // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: <http://auschwitz.org/historia/liczba-ofiar/deportowani-wg-narodowosci>.
11. Długoborski W., Piper F. Auschwitz, 1940–1945: Central Issues in the History of the Camp. Vol. V. Epilogue. Oświęcim : Auschwitz-Birkenau State Museum, 2000. 314 p.
12. Dunin-Wasowicz K. Resistance in the Nazi Concentration Camps, 1933–1945. Warszawa : PWN-Polish Scientific Publishers, 1982. 436 p.
13. Friedrich O. The End of the World: A History. New York : Fromm International Pub. Corp., 1986. 384 p.
14. Höss R. Kommandant in Auschwitz: Autobiographische Aufzeichnungen // Veröffentlichungen Des Instituts Für Zeitgeschichte. Quellen Und Darstellungen Zur Zeitgeschichte, Bd. 5. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1958. 184 S.
15. Lachendro J. Ucieczki więźniów KL Auschwitz // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: http://lekcja.auschwitz.org/pl_15_ucieczki.
16. Lachendro J. Wybrane przykłady ucieczek z KL Auschwitz // Cena odwagi. Miedzy ocaleniem życia a ocaleniem człowieczeństwa / Red. A. Bartuś, P. Trojański. Oświęcim: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie, 2019. S. 85–110.
17. Langbein H. People in Auschwitz. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2004. 549 p.

18. Liczba zamordowanych // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: <http://auschwitz.org/historia/liczba-ofiar/liczba-zamordowanych>.
19. *Pilecki W.* Witold's Report from Auschwitz. Krakow : Apostolicum Publishing House, 2017. 253 p.
20. *Piper F.* Warunki życia i pracy jako środek wyniszczania więźniów // Auschwitz. Nazistowski obóz śmierci. Oświęcim : Wydawnictwo Państwowego Muzeum Oświęcim-Brzezinka, 2008. S. 139–146.
21. Pismo administracji KL Auschwitz do Katarzyny Wiejowskiej z dnia 22 sierpnia 1940 r. powiadami-ające o możliwości przejścia rzeczy osobistych po rzekomo zmarłym w obozie (faktycznie zbiegłym 6 lipca 1940 r.) Tadeusza Wiejowskim // Strzelecka I. Pierwsze deportacje do Auschwitz. Ucieczki. Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: http://lekcja.auschwitz.org/pl_14_transporty.
22. Pismo z 14 października 1940 r. wysłane przez inspektora obozów koncentracyjnych SS-Oberführera Richarda Glücksa do komendantów Auschwitz, Mauthausen i Flossenbürg // Lachendro J. Ucieczki więźniów KL Auschwitz. Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: http://lekcja.auschwitz.org/pl_15_ucieczki.
23. Podobozy KL Auschwitz // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: <http://auschwitz.org/historia/podobozy>.
24. *Proch F.* Poland's way of the cross 1939–1945. New York: Polish Association of Former Political Prisoners of Nazi and Soviet Concentration Camps, 1987. 153 p.
25. *Rawson A.* Auschwitz: The Nazi Solution. Havertown : Pen & Sword Books, 2015. 136 p.
26. *Rees L.* Auschwitz: The Nazis & The 'Final Solution'. London : BBC Books, 2005. 400 p.
27. Rocznica pierwszej ucieczki z Auschwitz // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: <http://auschwitz.org/muzeum/aktualnosci/rocznica-pierwszej-ucieczki-z-auschwitz,61.html>.
28. *Steinbacher S.* Auschwitz: Geschichte Und Nachgeschichte. Originalausg. München : Beck, 2004. 128 S.
29. *Strzelecka I.* Pierwsze deportacje do Auschwitz. Ucieczki // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: http://lekcja.auschwitz.org/pl_14_transporty.
30. *Świebocki H.* Ludzie Dobrej Woli: Księga Pamięci Mieszkańców Ziemi Oświęcimskiej Niosących Pomoc Więźniom KL Auschwitz. Oświęcim : Wydawnictwo Państwowego Muzeum Auschwitz-Birkenau, 2005. 626 s.
31. *Tippelskirch K.* Geschichte Des Zweiten Weltkriegs. Bonn : Athenäum-Verlag, 1959. 636 s.
32. Trzystronicowe pisma z 19 lipca 1940 r. wysłane przez komendanta KL Auschwitz Rudolfa Hössa do wyższego dowódcy SS i policji we Wrocławiu SS-Gruppenführera Ericha von dem Bacha Zelewskiego // Lachendro J. Ucieczki więźniów KL Auschwitz. Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: http://lekcja.auschwitz.org/pl_15_ucieczki.
33. Ucieczka polaka Tadeusza Wiejowskiego 6 lipca 1940 // Lachendro J. Ucieczki więźniów KL Auschwitz. Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: http://lekcja.auschwitz.org/pl_15_ucieczki.
34. *Wachsmann N.* KL: A History of the Nazi Concentration Camps. New York : Farrar, Straus and Giroux, 2015. 865 p.
35. *Weinbaum L., Jacobs M., Świebocki H.* London Has Been Informed: Reports by Auschwitz Escapees. Oświęcim : Auschwitz-Birkenau State Museum, 1997. 314 p.
36. Zeznanie Bolesława Bicza z dnia 11 lipca 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/84. S. 37–42.
37. Zeznanie Edwarda Wrony z dnia 12 listopada 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/89. S. 150–167.
38. Zeznanie Jana Dziopeka z dnia 16 września 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/90. S. 38–164.
39. Zeznanie Mariana Dybusa z dnia 28 września 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/85. S. 157–168.
40. Zeznanie Rudolfa Kowalewskiego z dnia 25 listopada 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/559. S. 66–68.
41. Zeznanie Tadeusza Bałuta z dnia 18 sierpnia 1945 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/85. S. 6–11.
42. Zeznanie Zdzisława Pałasińskiego z dnia 28 listopada 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/162. S. 206–220.

The story of the first escape from Auschwitz: Tadeusz Wiejowski's case

S. S. Khodyachikh

PhD of Historical Sciences.

Russia, Khimki. ORCID: 0000-0002-8823-886X. E-mail: khodyachikh@gmail.com

Abstract. The article examines the circumstances of the first escape in the history of the Auschwitz concentration camp, committed by the Polish political prisoner Tadeusz Wiejowski, who arrived at the camp on June 14, 1940, in the first transport and got the camp number 220. The escape was carried out by Wiejowski on July 6, 1940, with the help of five civilian Poles who worked as electricians in Auschwitz under a contract with a

German construction company. The workers carried civilian clothing into the camp in advance; later Wiejowski changed clothes and subsequently left Auschwitz without hindrance. As soon as his absence was discovered, the camp administration made a twenty-hour roll call at appellplatz for all the inmates, which was the longest in the Auschwitz history. The author analyzes narrative and epistolary sources from the archives of the Auschwitz-Birkenau State Museum and the Institute of National Remembrance in Warsaw, as well as the autobiography of the former Auschwitz commandant Rudolf Höss. Updated data on escapes from the Auschwitz concentration camp provided by the Auschwitz-Birkenau State Museum Research Centre is revealed. The further fate of Tadeusz Wiejowski, as well as five Poles-electricians who helped him in carrying out his escape, is analyzed. It is noted that Wiejowski's escape became possible not only due to good preparations and the help of the members of the underground but also due to the connivance of the camp guards and a successful combination of circumstances. Although Wiejowski did not become a symbol of camp resistance, his escape played an important psychological role as he showed other prisoners that nothing is impossible, especially in the conditions of the Auschwitz hell.

Keywords: Auschwitz concentration camp, World War II, history of Poland, history of Germany, historical memory.

References

1. Anatomy of the Auschwitz Death Camp. Bloomington: Published in Association with the United States Holocaust Memorial Museum, Washington, D.C. by Indiana University Press, 1994. 638 p.
2. Archiwum Państwowego Muzeum w Oświęcimiu. Sygn. D-Aul-1/13. Acta dotyczące ucieczki Tadeusza Wiejowskiego. K. 1–28.
3. Archiwum Państwowego Muzeum w Oświęcimiu. Zespół Oświadczenia. Relacja Marii Kuczmy. T. 57. K. 1–8.
4. *Bettelheim B.* The Informed Heart: Autonomy in a Mass Age. Glencoe, Ill.: Free Press, 1960. 309 p.
5. *Bruce G.* The Nazis. Secaucus, N.J.: Chartwell Books, 1977. 160 p.
6. *Cohen E.* Human Behavior in the Concentration Camp. New York. W. W. Norton. 1953. 295 p.
7. Correspondence from the command of Auschwitz concerning the escape of prisoner Thadeus Wiejowski, 6 July 1940, and the punishment of 5 Polish workers and 11 prisoners for helping in the escape. Itemized personal papers. July 1940 // Nazi concentration camp records. United States Holocaust Memorial Museum Archives. Accession Number: 1991.A.0038. RG Number: RG-04.006M. Reel 1 (Auschwitz). 3.
8. *Czech D.* Auschwitz Chronicle, 1939–1945. New York: H. Holt, 1990. 855 p.
9. *Czech D.* Kalendarium Der Ereignisse Im Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau 1939–1945. 1. Auflage. ed. Reinbek Bei Hamburg: Rowohlt, 1989. 1056 s.
10. Deportowani wg narodowości // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: <http://auschwitz.org/historia/liczba-ofiar/deportowani-wg-narodowosci>.
11. *Długoborski W., Piper F.* Auschwitz, 1940–1945: Central Issues in the History of the Camp. Vol. V. Epilogue. Oświęcim: Auschwitz-Birkenau State Museum, 2000. 314 p.
12. *Dunin-Wasowicz K.* Resistance in the Nazi Concentration Camps, 1933–1945. Warszawa: PWN-Polish Scientific Publishers, 1982. 436 p.
13. *Friedrich O.* The End of the World: A History. New York: Fromm International Pub. Corp., 1986. 384 p.
14. *Höss R.* Kommandant in Auschwitz: Autobiographische Aufzeichnungen // Veröffentlichungen Des Instituts Für Zeitgeschichte. Quellen Und Darstellungen Zur Zeitgeschichte, Bd. 5. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1958. 184 S.
15. *Lachendro J.* Ucieczki więźniów KL Auschwitz // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: http://lekcja.auschwitz.org/pl_15_ucieczki.
16. *Lachendro J.* Wybrane przykłady ucieczek z KL Auschwitz // Cena odwagi. Miedzy ocaleniem życia a ocaleniem człowieczeństwa / Red. A. Bartuś, P. Trojański. Oświęcim: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie, 2019. S. 85–110.
17. *Langbein H.* People in Auschwitz. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2004. 549 p.
18. Liczba zamordowanych // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: <http://auschwitz.org/historia/liczba-ofiar/liczba-zamordowanych>.
19. *Pilecki W.* Witold's Report from Auschwitz. Krakow: Apostolicum Publishing House, 2017. 253 p.
20. *Piper F.* Warunki życia i pracy jako środek wyniszczania więźniów // Auschwitz. Nazistowski obóz śmierci. Oświęcim: Wydawnictwo Państwowego Muzeum Oświęcim-Brzezinka, 2008. S. 139–146.
21. Pismo administracji KL Auschwitz do Katarzyny Wiejowskiej z dnia 22 sierpnia 1940 r. powiadami-ające o możliwości przejęcia rzeczy osobistych po rzekomo zmarłym w obozie (faktycznie zbiegłym 6 lipca 1940 r.) Tadeuszu Wiejowskim // Strzelecka I. Pierwsze deportacje do Auschwitz. Ucieczki. Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: http://lekcja.auschwitz.org/pl_14_transporty.
22. Pismo z 14 października 1940 r. wysłane przez inspektora obozów koncentracyjnych SS-Oberführera Richarda Glücksa do komendantów Auschwitz, Mauthausen i Flossenbürg // Lachendro J. Ucieczki więźniów KL Auschwitz. Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: http://lekcja.auschwitz.org/pl_15_ucieczki/.
23. Podobozy KL Auschwitz // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: <http://auschwitz.org/historia/podobozy>.

24. Proch F. Poland's way of the cross 1939–1945. New York: Polish Association of Former Political Prisoners of Nazi and Soviet Concentration Camps, 1987. 153 p.
25. Rawson A. Auschwitz: The Nazi Solution. Havertown: Pen & Sword Books, 2015. 136 p.
26. Rees L. Auschwitz: The Nazis & The 'Final Solution'. London: BBC Books, 2005. 400 p.
27. Rocznica pierwszej ucieczki z Auschwitz // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: <http://auschwitz.org/muzeum/aktualnosci/rocznica-pierwszej-ucieczki-z-auschwitz,61.html>.
28. Steinbacher S. Auschwitz: Geschichte Und Nachgeschichte. Originalausg. München: Beck, 2004. 128 s.
29. Strzelecka I. Pierwsze deportacje do Auschwitz. Ucieczki // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: http://lekcja.auschwitz.org/pl_14_transporty.
30. Świebocki H. Ludzie Dobrej Woli: Księga Pamięci Mieszkańców Ziemi Oświęcimskiej Niosących Pomoc Więźniom KL Auschwitz. Oświęcim: Wydawnictwo Państwowego Muzeum Auschwitz-Birkenau, 2005. 626 s.
31. Tippelskirch K. Geschichte Des Zweiten Weltkriegs. Bonn: Athenäum-Verlag, 1959. 636 s.
32. Trzystronicowe pisma z 19 lipca 1940 r. wysłane przez komendanta KL Auschwitz Rudolfa Hössa do wyższego dowódcy SS i policji we Wrocławiu SS-Gruppenführera Ericha von dem Bacha Zelewskiego // Lachendro J. Ucieczki więźniów KL Auschwitz. Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: http://lekcja.auschwitz.org/pl_15_ucieczki.
33. Ucieczka polaka Tadeusza Wiejowskiego 6 lipca 1940 // Lachendro J. Ucieczki więźniów KL Auschwitz. Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: http://lekcja.auschwitz.org/pl_15_ucieczki.
34. Wachsmann N. KL: A History of the Nazi Concentration Camps. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2015. 865 p.
35. Weinbaum L., Jacobs M., Swiebocki H. London Has Been Informed: Reports by Auschwitz Escapees. Oświęcim: Auschwitz-Birkenau State Museum, 1997. 314 p.
36. Zeznanie Bolesława Bicza z dnia 11 lipca 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/84. S. 37–42.
37. Zeznanie Edwarda Wrony z dnia 12 listopada 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/89. S. 150–167.
38. Zeznanie Jana Dziopeka z dnia 16 września 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/90. S. 38–164.
39. Zeznanie Mariana Dybusa z dnia 28 września 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/85. S. 157–168.
40. Zeznanie Rudolfa Kowalewskiego z dnia 25 listopada 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/559. S. 66–68.
41. Zeznanie Tadeusza Bałuta z dnia 18 sierpnia 1945 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/85. S. 6–11.
42. Zeznanie Zdzisława Pałasińskiego z dnia 28 listopada 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/162. S. 206–220.

Коммунитаризм. Радикализм. Исламофобия. Время действий для Э. Макрона

Е. А. Осипов

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.
Россия, г. Москва. Researcher ID: L-7995-2016. E-mail: eaossipov@gmail.com

Аннотация. В статье на основе речи президента Пятой республики Э. Макрона в Мюлузе (Франция) 18 февраля 2020 г. и новейшей французской литературы анализируется президентская программа по противодействию религиозной радикализации, исламистскому сепаратизму и банализации насилия в трудных пригородах крупных городов, которая будет реализовываться французским правительством в краткосрочной перспективе. На протяжении долгого времени Макрон дистанцировался от вопросов сохранения религиозной и национальной идентичности и распространения ислама во Франции, однако острота проблемы и повышенное внимание к ней со стороны СМИ и общества привели к тому, что президент представил свой взгляд на происходящие в стране процессы.

Особое внимание в статье уделено тенденции по отказу от социально-экономического подхода в решении проблемы, при котором акцент делался на борьбе с безработицей и низким качеством образования в трудных районах, в пользу точечной борьбы с религиозным радикализмом и экстремизмом, то есть с влиянием представителей радикальных исламистских течений, прежде всего салафитов и «Братьев-мусульман», на мусульманское меньшинство Франции. В целом новая президентская программа носит умеренный правый характер, она не содержит в себе никаких радикальных мер (например, в ней нет полного запрета на преподавание арабского языка в государственных школах или тотального запрета на иностранное финансирование мест мусульманского культа во Франции), но при этом в ней представлены конкретные шаги, которые в случае их реализации могут принести позитивные результаты.

Ключевые слова: коммунитаризм, радикализм, исламофобия, идентичность, мигранты.

Проблема сохранения национальной и религиозной идентичности во Франции, появившись в общественном дискурсе на рубеже 70–80-х гг. XX в., впоследствии только набирала силу и уже в XXI веке превратилась в один из главных вопросов французской политической жизни. Для Макрона тема идентичности в ходе президентской кампании 2017 г. была далеко не самой главной, более того, он даже избегал ее, не желая давать козыри в руки Марин Ле Пен, для которой вопросы миграции, религиозного коммунитаризма, молодежного радикализма традиционно являются сильной стороной. Выбор Эдуара Филиппа в качестве премьер-министра также говорил о том, что первые годы президентства Макрона будут посвящены важным социально-экономическим реформам, а не вопросам идентичности. Известно, что Эдуар Филипп был частью команды Алена Жюппе – наверное, единственного правого политика во Франции, не считающего вопросы радикализма и распространения ислама в стране приоритетными и употребляющего термин «счастливая идентичность» Франции, что и стало одной из причин его поражения от Франсуа Фийона на праймериз в ноябре 2016 г.

Между тем за те три года, что Макрон находится у власти, во Франции постепенно меняется повестка общественного дискурса по вопросам идентичности, начинают сильнее проявляться тенденции, которые раньше были малозаметными или маргинальными. Так, например, сегодня активно оспаривается значение социально-экономического фактора в радикализации, исламизации и «гетторизации» пригородов крупных городов, хотя еще недавно именно высокая безработица и отсутствие четких перспектив у местного населения считалось главной проблемой пригородов, а большинство рецептов по исправлению ситуации сводились к выделению дополнительного финансирования. Исключением не стала и созданная уже при президенте Макроне комиссия во главе с Жан-Луи Борлоо, который в своем докладе по развитию городской политики предложил в ближайшие годы вложить дополнительно 48 млрд евро в развитие трудных районов [14].

Сегодня подобный взгляд на вещи перестает быть доминирующим. Все больше исследований во Франции подчеркивают, что значение социально-экономических факторов в проблемном развитии пригородов сильно переоценено. Важным с этой точки зрения стало опубли-

ликованное в 2018 г. масштабное исследование группы ученых, прежде всего социологов, из Национального центра научных исследований (CNRS) и Института политических исследований (Sciences Po) «Искушение радикализмом» [9], в котором акцент сделан на деятельности радикальных исламистов, в основном салафитов и «Братьев-мусульман» [3, с. 157–163]. Кстати, Макрон в своем выступлении от 22 мая 2018 года раскритиковал уже упоминавшийся выше доклад Жан-Луи Борлоо, отметив, что предложения о выделении дополнительных средств на развитие проблемных районов никак не затрагивают «проблему радикализации», которую президент назвал основной [13].

В целом, во Франции в последние несколько лет стали чаще и смелее говорить про особенности развития ислама и его радикальных течений во Франции и в Европе. На протяжении долгого времени большинство французских исследователей, особенно университетское сообщество, в основном писали об «исламизации радикализма», в которой роль ислама минимальна, а не о «радикализации ислама». Однако сегодня мы наблюдаем перелом в этом споре [11] благодаря тому, что серьезные научные центры подключились к тематике идентичности и стали писать о «радикализации ислама» и доказывать связь между радикальными течениями современного европейского ислама и ростом религиозного радикализма и терроризма. Речь не только о выше упоминавшемся исследовании Sciences Po и CNRS, но и, например, о работах Бернара Ружье («Территории, захваченные исламом») [15] и Гюго Мишерона («Французский джихадизм») [16], вышедших в 2020 г. Оба автора являются учениками знаменитого Жюлья Кепеля, который уже на протяжении нескольких десятилетий пишет про радикальный ислам в Европе, много раз обвинялся в исламофобии, но сегодня он близок к утверждению своей позиции не только среди французских правых, но и в университетском сообществе Франции.

Что касается действий Макрона, то еще в начале своего президентского срока было объявлено, что правительство предложит план конкретных действий по противодействию коммунизму, религиозной радикализации и по улучшению городской политики в трудных районах. Однако долгое время Макрон ограничивался скорее символическими шагами. Так, 20 июня 2017 г. в речи перед Французским советом по мусульманскому культу Макрон заявил, что «во Франции нет с одной стороны мусульман и с другой стороны французов. Но есть единство французов, разных взглядов и конфессий, и все они граждане Республики, светский характер которой гарантирует каждому свободу, равенство и братство...» [5]. Он также отметил важность борьбы против фанатизма и любой формы тоталитарной идеологии, сказал, что «никто не должен считать, что его вера несовместима с Республикой» [5]. А 9 апреля 2018 г. он первым из президентов Пятой республики выступил на Конференции французских епископов, что многими было расценено как поддержка государством католической Церкви на фоне усиления позиций ислама в стране. При этом представление широкого плана действий, обещанного в начале президентства, все время откладывалось. Наконец, 18 февраля 2020 г. президент выступил с большой программной речью, в которой перечислил конкретные пункты, на которых будет строиться политика по вопросам идентичности в ближайшие несколько лет.

Речь была произнесена в Мюлузе, выбор места неслучаен. Пригород Мюлуза – Бурцвиллер – известен на всю страну своим беспокойным нравом, а в самом Мюлузе еще в 2009 г. началось строительство одной из самых больших мечетей в Европе (мечеть Ан-Нур). Строительство с самого начала сопровождается спорами и скандалами. Самым острым является вопрос иностранного финансирования. Как и многие места исламского культа во Франции, мечеть Ан-Нур финансируется иностранными государствами, прежде всего Катаром и Кувейтом. Журналисты Кристиан Шесно и Жорж Мальбруно в своем расследовании «Qatar papers» (опубликовано в 2019 г.) о финансировании Катаром развития политического ислама во Франции посвятили строительству мечети Ан-Нур целую главу и выяснили, что один только Катар потратил на ее строительство 14 миллионов евро [17].

Помимо иностранного финансирования, споры вызывает сам формат постройки. Проект мечети представляет собой новый подход к строительству мест культа, который характерен скорее для исламских стран, чем для Европы. Мечеть в данном случае становится частью огромного по размерам сооружения (10 000 квадратных метров) – исламского центра, в котором сам зал для молитв составляет всего 13 % от общей площади, остальная же территория отдана под бассейн, торговые площади, рестораны и т. д., то есть идея состоит в том, что мечеть должна стать настоящим центром притяжения для всех мусульман региона. С юридической точки зрения ничего незаконного в таком проекте нет. С другой стороны, очевидно, что

в случае его реализации ситуация с исламским коммунитаризмом в регионе может стать еще хуже. На сегодняшний день мечеть уже работает (открыта в мае 2019 г.), что касается других объектов исламского центра, то открыты еще не все, и в целом проект вызывает серьезные споры во Франции.

Главной новацией речи Макрона в Мюлузе стало употребление им термина «сепаратизм» вместо «коммунитаризм» (от французского слова «communauté» – сообщество). Сам президент об этом сказал так: «Мне не нравится слово “коммунитаризм”. И я объясню вам почему. Потому что в Республике могут быть сообщества. В зависимости от страны-происхождения каждый принадлежит к определенному сообществу. Есть сообщества религиозные. Просто эти принадлежности никогда не должны приводить к отказу от Республики. Наоборот, они в какой-то мере должны дополнять. Они являются формой идентичности, совместимой с Республикой, и здесь не идет речь о “стигматизации”. Можно придерживаться определенного образа мысли, можно принадлежать к определенной религии, можно иметь иностранные корни... при этом в полной мере оставаясь француженками и французами. Проблема появляется тогда, когда во имя религии или иностранного происхождения происходит отделение от Республики, неуважение ее законов и создание угрозы для совместного проживания... Поэтому наш враг – это сепаратизм, то есть феномен, который мы наблюдаем на протяжении нескольких десятилетий и который состоит в желании покинуть Республику, не соблюдать правила... и это неприемлемо» [18].

Во Франции Макрона часто критикуют за «половинчатые» меры, за постоянное употребление выражения «в то же время» («en même temps»). Неслучайно, с самого начала президентской кампании он не причислял себя ни к левым, ни к правым политикам. В некотором смысле речь про сепаратизм тоже была произнесена в духе «en même temps». С одной стороны, показателен отказ от термина «коммунитаризм», хотя изначально ожидалось, что речь президента будет именно про опасность коммунитаризма. В последние годы «коммунитаризм» стал во Франции употребляться в антиисламском духе, поэтому отказ от термина был, действительно, вызван нежеланием президента «стигматизировать» мусульманское меньшинство. С другой стороны, несколько раз в своей речи Макрон сказал про «исламистский сепаратизм» и про «возвращение территорий» (reconquête de territoires), что является прямой отсылкой к работам Жюль Кепеля, Бернара Ружье, Гюго Мишерона, не стесняющихся называть исламский коммунитаризм главной опасностью для французского общества. Более того, Макрон несколько раз произнес довольно резкие фразы, чем-то напоминающие стиль Николая Саркози. Например, он сказал: «В Республике нельзя согласиться на отказ от рукопожатия с женщиной, потому что она женщина. В Республике нельзя согласиться на отказ от лечения или обучения, потому что врач или учитель – женщина. В Республике нельзя согласиться на отказ от посещения школы по религиозным соображениям. В Республике нельзя требовать сертификат о девственности перед свадьбой. В Республике религиозные законы никогда не могут быть выше республиканских законов» [18]. Все это, действительно, похоже на знаменитую речь Саркози в Тулузе 12 апреля 2007 г., поставившую тему идентичности в центр его политической программы: «Я хочу, чтобы Франция была на стороне тех женщин, которых заставляют носить никаб, на стороне тех женщин, которых заставляют выходить замуж не по любви. Я хочу, чтобы Франция защищала тех женщин, которым братья запрещают носить юбки. Мы не можем допустить на нашей территории средневековое поведение...» [10].

В целом в своем выступлении в Мюлузе Макрон обозначил четыре направления, вокруг которых должна строиться дальнейшая политика французских властей: борьба с иностранным влиянием на французских мусульман, совершенствование организации мусульманского культа во Франции, борьба с любыми проявлениями исламистского сепаратизма, возвращение Республики на «потерянные территории». К перечисленным пунктам можно относиться по-разному. Давно известно, что в вопросах сохранения национальной и религиозной идентичности европейские политики часто используют общие слова, лишённые конкретики. В этом контексте два последних пункта, перечисленных президентом Франции, вряд ли могут считаться этапами к достижению цели, поскольку повторяют эту самую цель – борьба с религиозным сепаратизмом и возвращение «утраченных» Республикой территорий. С другой стороны, в своей речи Макрон перечислил целый ряд конкретных положений, которые действительно могут стать основой политики французского государства по вопросам идентичности в ближайшей перспективе.

Самой важной оказалась часть, посвященная противодействию или ограничению иностранного влияния на французских мусульман, особенно в школе и в местах культа. На сего-

дняшний день именно иностранные государства финансируют мусульманский культ в Пятой республике, и это одна из самых обсуждаемых тем во французском обществе. Например, Марокко тратит 6 млн евро в год на строительство и содержание мечетей во Франции, значительные суммы поступают также из Катара, Саудовской Аравии, Турции. А главная мечеть в стране – Большая парижская – существует в основном на алжирские деньги (2 млн евро в год). Иностранное влияние прослеживается не только через финансирование, но и через имамов, работающих на территории Франции: многие из них представляют другие страны. В 1990 г. из 500 имамов, работавших тогда на постоянной основе в стране, только 4 % являлись гражданами Пятой республики, самое же большое влияние в этой области было (40 %) и остается до сих пор у Марокко, на втором месте Алжир (25 %) [6, p. 91]. На сегодняшний день ситуация улучшилась, примерно 30 % имамов [9], работающих на территории Франции, имеют французский паспорт, но этого явно недостаточно.

Уже много лет во Франции религиозные и общественные деятели говорят, что для борьбы с религиозной радикализацией и иностранным влиянием необходимо добиться того, чтобы имамы, работающие в стране, являлись бы французами по паспорту, а французский был бы их родным языком, и желательно, чтобы религиозное образование они получали во французских университетах. Такая ситуация на данный момент невозможна. Франция – светская страна, и финансирование религиозных культов за государственный счет, в том числе обучение священнослужителей в университетах, запрещено законом. Однако у этого правила есть исключения. Например, в Эльзасе и Мозеле (бывшая Лотарингия) не действует закон об отделении Церкви от государства (закон принят в 1905 г., когда эти территории были в составе Германии). Сегодня на этих территориях священники, пасторы и раввины обучаются и получают зарплату за счет бюджетных средств. Но все это не касается имамов, так как в то время, когда принимались основные религиозные законы в стране, ислам еще не был распространенной во Франции религией. До сих пор существование мусульманского культа в Пятой республике никак не урегулировано на законодательном уровне. Территории Эльзаса и Лотарингии, в особенности Страсбург с его большим количеством университетов, могли бы готовить французских имамов, которые впоследствии работали бы по всей стране. Государство могло бы таким образом контролировать отправление мусульманского культа и бороться с радикализацией. Для этого нужно включить ислам в число разрешенных и признанных культов, однако еще в начале своего президентства Макрон отказался от изменения религиозного законодательства.

В своей речи в Мюлузе Макрон предложил компромиссный вариант. Он не упомянул о возможности подготовки имамов во французских университетах, но рассказал о переговорах с Французским советом мусульманского культа по вопросу обучения имамов и о том, что весной будет разработан соответствующий механизм. Речь идет о том, чтобы именно Французский совет мусульманского культа занимался обучением имамов и выдачей сертификатов на соответствующую деятельность на территории Пятой республики. По словам президента, «это позволит получить более эффективный контроль за мусульманским культом и отследить те проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня и перед которыми мы безоружны, потому что у нас нет настоящей, структурной организации ислама в стране, особенно в том, что касается отправления культа» [18].

Высказался президент и о практике приглашения иностранных имамов для работы во Франции. Каждый год в страну приезжают проповедовать около 300 имамов, в основном из Алжира, Марокко и Турции. Часто, они не знают ни французского языка, ни французских законов. В своей речи президент заявил, что подготовка имамов на территории Франции с помощью Французского совета мусульманского культа позволит с 2021 г. постепенно сокращать количество привлекаемых из-за границы проповедников [18].

С темой иностранного влияния на французских мусульман связан давно обсуждаемый во Франции вопрос о целесообразности преподавания в школах языка страны происхождения, прежде всего речь идет об арабском и турецком языках для детей-мигрантов. Еще в 1970-е гг. во французских школах начала работать так называемая программа ELCO – преподавание языка и культуры страны происхождения. В ее рамках были заключены двусторонние договоры с восьмью странами (среди них страны Магриба и Турция), согласно которым учителя из этих стран работали во французских школах и преподавали национальные языки и культуру. В то время это было частью большой программы французского руководства по стимулированию возвращения мигрантов в родные страны. Мигранты в то время считались

трудовыми, их пребывание на территории Франции воспринималось как временное, а изучение в школе родного языка должно было, по мысли авторов программы, помочь сохранению культурных связей со страной происхождения, куда мигранты должны были в будущем вернуться. Однако в дальнейшем, когда они остались во Франции и получили гражданство, программа ELCO все равно продолжила существовать. Сегодня во Франции 80 тысяч школьников участвуют в ней, в основном посещая уроки арабского и турецкого языков.

Проблема заключается в том, что занятия по программе ELCO ведут преподаватели из стран Магриба и Турции, зачастую они не говорят на французском языке, а программы, по которым они работают, не проходят проверку в Министерстве образования Франции. Более того, существуют подозрения, что через преподавание арабского и турецкого радикальные религиозные организации (прежде всего, салафиты и «Братья-мусульмане») осуществляют свое влияние на молодежь. Еще в 2011 г. Высший совет по интеграции в одном из своих годовых отчетов настоятельно рекомендовал французскому правительству отказаться от программы ELCO и оставить возможность изучения языка происхождения в школе только в качестве второго или третьего иностранного языка [7, p. 127].

Макрон в своей речи в Мюлузе объявил о прекращении действия программы ELCO во французских школах и переходе на программу EILE (преподавание живых иностранных языков). Разница в том, что программа EILE предполагает преподавание по международным программам, что, безусловно, упростит контроль министерства. Макрон также объявил, что со всеми странами, кроме Турции, уже заключено соглашение о переходе от ELCO к EILE и что в случае дальнейшего отказа Турции турецкий язык перестанет преподаваться во французских школах [18].

В целом по вопросу преподавания иностранных языков в школе Макрон выбрал умеренный вариант, так и не решившись на отмену преподавания арабского и турецкого языков. Однако предложенные им меры вполне конкретны и реализуемы в краткосрочной перспективе, а переход на систему EILE в любом случае является шагом вперед по сравнению с сегодняшней ситуацией. Интересно, что в 2016 г. во Франции уже объявляли, что программа ELCO будет отменена к 2018 г., однако этого так и не произошло.

Что касается второго пункта речи Макрона в Мюлузе – совершенствование организации мусульманского культа во Франции, то это тоже очень давно обсуждаемый вопрос. В отличие от французских католиков, протестантов или иудеев, у мусульман нет организации, которая представляла бы все мусульманское сообщество Франции и, соответственно, была бы легитимным партнером и собеседником государства. Отсутствию единого руководства среди французских мусульман способствуют разногласия между французскими алжирцами и марокканцами, крупнейшими и наиболее влиятельными исламскими диаспорами Франции, а также то, что подавляющее большинство французских мусульман – сунниты, у которых, в отличие от шиитов, нет четкой духовной иерархии.

Самой известной во Франции мусульманской организацией является созданный в 2003 г. по инициативе Николя Саркози, занимавшего тогда пост министра внутренних дел, Французский совет мусульманского культа. С самого начала своего президентского срока Макрон последовательно подчеркивает, что именно эта организация должна стать основным партнером государства в диалоге с мусульманским сообществом Франции. Неслучайно, в 2017 г. именно на заседании Французского совета мусульманского культа Макрон публично изложил свою концепцию светскости. А в январе 2020 г. при очень широком освещении центральных французских СМИ прошли выборы нового руководства организации. На ближайшие два года ее президентом стал известный математик марокканского происхождения Мохаммед Муссауи. Он известный сторонник развития умеренного ислама во Франции, с 2013 г. пытается последовательно реализовывать программу по борьбе с религиозной радикализацией, в центре которой тезис о необходимости подготовки имамов на территории Франции. Также он известен тем, что в 2019 г. публично выступил против ношения хиджаба французскими мусульманками, заявив, что эта «религиозная практика не является частью основ мусульманской веры» [12]. Как уже выше упоминалось, Макрон в своей речи в Мюлузе сказал, что именно Французский совет мусульманского культа займется обучением имамов на территории Франции, что полностью соответствует программе действий Муссауи. Положительно стоит оценить и новую структуру организации. По новым правилам Муссауи будет президентом всего два года, следующие два года возглавлять организацию будет нынешний ректор Большой парижской мечети Шемс-Эддин Хафиз (адвокат алжирского происхождения). После него пост на два года займет Ибрагим Аль-

си, который сегодня возглавляет Комитет координации мусульман турецкого происхождения во Франции. На данный момент они вместе возглавляют организации, контролирующие более тысячи мечетей во Франции (всего во Франции более двух тысяч мечетей), что дает надежду на реальное объединение усилий французских мусульман в борьбе с религиозной радикализацией и на прекращение постоянного соперничества между Алжиром, Марокко и Турцией за право представлять всех мусульман Пятой республики.

В целом однозначная поддержка Французского совета мусульманского культа со стороны власти в качестве главной мусульманской организации в стране, безусловно, является шагом на пути к совершенствованию организации мусульманского культа в стране. Более того, это еще и подтверждение зародившейся при Макроне тенденции к поддержке развития умеренного ислама в стране в противовес действиям салафитов и Братьев-мусульман. При президенте Макроне, действительно, гораздо заметнее стали представители умеренного ислама, например, эксперт парижского Института Монтеня и, как считается, приближенный Макрона Хаким эль Каруи или пресс-атташе партии Республиканцы Лидия Гирус и многие другие.

Проблема тем не менее заключается в том, что ни Французский совет мусульманского культа, ни другие мусульманские организации не объединяют большинства французских мусульман и, что еще важнее, не воспринимаются самими мусульманами в качестве таковых. Достаточно сказать, что всего 1/3 французских мусульман знают про существование Французского совета мусульманского культа, и только 9 % из них считают себя его частью [4]. Так что руководству организации при поддержке властных структур предстоит сделать еще многое, чтобы действительно решить проблему организации мусульманского культа в стране.

Что касается третьего и четвертого пункта программы Макрона (борьба с проявлениями исламистского сепаратизма и возвращение Республики на «утраченные территории»), то президент в своей речи в Мюлузе сконцентрировал внимание на результатах, которые удалось достигнуть правительству в проблемных районах за два предыдущих года. В феврале 2018 г. были выделены 15 особо чувствительных зон (в них вошли самые проблемные пригороды крупных городов), в которых начала реализовываться новая программа действий. Сама идея по концентрации правительственных усилий на самых проблемных районах не является новой. Во Франции еще в 1996 г. были созданы Зоны чувствительной урбанизации. Тот проект был достаточно масштабным, в зонах чувствительной урбанизации по данным 2006 г. проживало 4,4 млн французов. Сама идея создания подобных зон носила тогда ярко выраженный социально-экономический характер, то есть речь в основном шла о борьбе с безработицей, об улучшении качества образования, повышении минимальных зарплат и т. д. С 2018 г. применяется другой подход, который прежде всего направлен на борьбу с радикализацией молодежи путем наведения республиканского порядка в этих районах. В речи в Мюлузе президент рассказал о значительном увеличении числа полицейских и жандармов в сложных районах и о конкретных действиях, которые центральная власть вместе с префектами осуществляет в области образования, спорта (радикальные религиозные группировки распространяют свое влияние в том числе через спортивные клубы, секции, кружки), культуры. Важно, что к этой работе подключены почти все министерства. В качестве результатов деятельности Макрон указал, что за два года в этих особо чувствительных зонах были закрыты 152 кафе, 15 мест культа, 12 культурных и спортивных учреждений, 4 частных школы. Президент также отметил, что проводимая политика уже привела к значительному уменьшению числа правонарушений в этих районах. Например, в том же Мюлузе, который тоже входит в число 15 особо чувствительных зон, количество правонарушений на улицах сократилось более, чем в 4 раза [18]. Макрон пообещал расширить спектр применяемых мер и распространить практику по «возвращению утраченных территорий» на большее количество проблемных районов.

В целом в Мюлузе Макрон представил инициативы, которые лягут в основу новой французской политики по борьбе с религиозным радикализмом и с перманентным нарушением республиканского порядка в беспокойных районах. Будучи сторонником умеренной политики (знаменитое «en tête temps»), президент не предложил никаких радикальных мер. В частности, он не объявил о планах по запрету преподавания арабского языка в школах, о запрете любого иностранного финансирования мест религиозного культа в стране (прежде всего речь о мечетях), хотя такие идеи давно высказываются. Более того, Макрон даже предложил заменить широко употребляемый термин «коммунитаризм» на более мягкий «сепаратизм». Не стал президент и выступать с инициативами по дальнейшему законодательному регулированию проблемы сохранения национальной и религиозной идентичности во Франции, хотя такие предложения также давно обсуждаются. В частности, есть инициатива

о законодательном запрете салафитской идеологии (и, соответственно, закрытие всех мечетей и мест культа салафитского толка) на территории страны или распространения запрета на религиозную одежду в школе на родителей, которые провожают своих детей в школу, участвуют в родительских собраниях или помогают преподавателям сопровождать детей во время школьных экскурсий. Представляется, что отказ президента от подобных законодательных инициатив вполне логичен, поскольку у Франции уже есть негативный опыт в этой области. Так, принятый в 2004 г. закон о запрещении религиозной одежды в школах привел скорее к обратной реакции, и сегодня мусульманский платок на старшеклассницах, идущих в школу, или на женщинах, провожающих своих детей в учебное заведение, можно увидеть гораздо чаще, чем раньше. Из-за недовольства мусульманского сообщества этим законом и активной деятельностью радикальных религиозных группировок ношение хиджаба превратилось в акт самоидентификации для французских мусульманок [1, с. 124–129; 2].

В то же время в программной речи Макрона перечислен ряд важных и конкретных инициатив. Прежде всего, речь о постепенном сокращении количества приезжающих во Францию имамов-иностранцев, о подготовке имамов во Франции под контролем Французского совета мусульманского культа и о постепенном превращении этой организации в легитимного представителя всего французского мусульманского сообщества в диалоге с властью, о прекращении программы ELCO по преподаванию арабского и турецкого языков и ее замене на соответствующую международным стандартам программу EILLE, о расширении масштабной и уже действующей на протяжении двух лет в некоторых районах страны программы по противодействию религиозной радикализации и по наведению республиканского порядка и на другие проблемные районы страны. В целом в речи Макрона в Мюлузе подтверждается тенденция по отходу от социально-экономического подхода (борьба с безработицей и с низким уровнем жизни в неспокойных районах) в сторону конкретных мер по борьбе именно с радикализмом, исламистским сепаратизмом, банализацией насилия и девиантного поведения в сложных районах. Такой подход соответствует результатам последних научных исследований во Франции и может принести позитивные результаты, если будет реализован в краткосрочной перспективе.

Список литературы

1. Деминцева Е. Быть «арабом» во Франции. М. : Новое литературное обозрение, 2008.
2. Осипов Е. А. «Пока все хорошо. Но главное приземление». 15 лет закону о запрете ношения религиозной одежды во французской школе // Политика и Общество. 2019. № 3. С. 1–7. DOI: 10.7256/2454-0684.2019.3.29533. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29533.
3. Осипов Е. А. Религиозный радикализм как тенденция // Международная жизнь. 2018. № 6. С. 157–163.
4. Осипов Е. А. Умеренный ислам во Франции как перспектива выхода из кризиса идентичности // Новая и новейшая история 2019. Вып. 5. С. 156–165. DOI: 10.31857/S013038640006355-8. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://nni.jes.su/S013038640006355-8-1> (дата обращения: 03.04.2020).
5. Discours du Président de la République. Dîner du Conseil français du culte musulman. Paris. 20 juin 2017. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/06/21/discours-du-president-de-la-republique-au-diner-du-conseil-francais-du-culte-musulman> (дата обращения: 04.09.2020).
6. Haut Conseil à l'intégration. L'Islam dans la République. Paris, 2010.
7. Haut Conseil à l'intégration. Les défis de l'intégration à l'école. Recommandations relatives à l'expression religieuse dans les espaces publics de la République. Paris, 2011.
8. L'express. 30 mars 2017.
9. La tentation radicale. Enquête auprès des lycéens / Sous la direction de Galland O., Muxel A. Paris, 2018.
10. Le discours de Nicolas Sarkozy. Toulouse. 12.04.2007.
11. Le Figaro. 17.01.2020.
12. Le Figaro. 20.01.2020.
13. Le Figaro. 23.05.2018.
14. Les Echos. 09.04. 2018.
15. Les territoires conquis de l'islamisme / Sous la direction de Bernard Rougier. Paris, 2020.
16. Micheron H. Le jihadisme français. Quartiers, Syrie, Prisons. Paris, 2020.
17. Pourquoi Emmanuel Macron a choisi Mulhouse pour parler du communautarisme. URL: <https://www.francebleu.fr/infos/politique/pourquoi-emmanuel-macron-a-t-il-decide-de-venir-a-mulhouse-sur-le-theme-du-communautarisme-1581969342> (дата обращения: 07.09.2020).
18. Protéger les libertés en luttant contre le séparatisme islamiste : conférence de presse du Président Emmanuel Macron à Mulhouse. 18.02.2020. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/18/protoger-les-libertes-en-luttant-contre-le-separatisme-islamiste-conference-de-presse-du-president-emmanuel-macron-a-mulhouse> (дата обращения: 19.09.2020).

Communitarianism. Radicalism. Islamophobia. Action time for E. Macron

E. A. Osipov

PhD of Historical Sciences, senior researcher, Institute of general history of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. Researcher ID: L-7995-2016. E-mail: eaosipov@gmail.com

Abstract. Based on the speech of the President of the Fifth Republic E. Macron in Mulhouse (France) on February 18, 2020 and the latest French literature, the author analyzes the President's program to counter religious radicalization, Islamist separatism and banalization of violence in the difficult suburbs of large cities, which will be implemented by the French government in short term. For a long time, Macron distanced himself from the issues of preserving religious and national identity and the spread of Islam in France, but the severity of the problem and increased attention to it from the media and society led the president to present his view of the processes taking place in the country.

Particular attention in the article is paid to the tendency to move away from the socio-economic approach in solving the problem, in which the emphasis was on combating unemployment and low quality of education in difficult regions, to a targeted fight against religious radicalism and extremism, that is, with the influence of representatives of radical Islamist movements, primarily the Salafis and the Muslim Brotherhood, to the Muslim minority of France. In general, the new presidential program is moderately right-wing in nature, it does not contain any radical measures (for example, it does not completely ban the teaching of Arabic in public schools or a total ban on foreign financing the construction and maintenance of mosques), but at the same time in it presents concrete steps that, if implemented, can bring positive results.

Keywords: Communitarianism, radicalism, Islamophobia, identity, migrants.

References

1. Deminceva E. Byt' "arabom" vo Francii [To be an "Arab" in France]. M. New literary review. 2008.
2. Osipov E. A. "Poka vse horosho. No glavnoe prizemlenie". 15 let zakonu o zaprete nosheniya religioznoj odezhdy vo francuzskoj shkole ["So far everything is good. But the landing is the main". 15 years of the law banning religious clothing in French schools] // *Politika i Obshchestvo* – Politics and Society. 2019. No. 3. Pp. 1–7. DOI: 10.7256/2454-0684.2019.3.29533. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29533.
3. Osipov E. A. *Religioznyj radikalizm kak tendenciya* [Religious radicalism as a trend] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* – International life. 2018. No. 6. Pp. 157–163.
4. Osipov E. A. *Umerennyj islam vo Francii kak perspektiva vyhoda iz krizisa identichnosti* [Moderate Islam in France as a way out of the identity crisis] // *Novaya i novejschaya istoriya 2019* – New and recent history 2019. Issue 5. Pp. 156–165. DOI: 10.31857/S013038640006355-8. Access for registered users. Available at: <https://nni.jes.su/S013038640006355-8-1> (date accessed: 03.04.2020).
5. Discours du Président de la République. Diner du Conseil français du culte musulman. Paris. 20 juin 2017. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/06/21/discours-du-president-de-la-republique-au-diner-du-conseil-francais-du-culte-musulman> (date accessed: 04.09.2020).
6. Haut Conseil à l'intégration. *L'Islam dans la République*. Paris, 2010.
7. Haut Conseil à l'intégration. *Les défis de l'intégration à l'école. Recommandations relatives à l'expression religieuse dans les espaces publics de la République*. Paris, 2011.
8. *L'express*. 30 mars 2017.
9. *La tentation radicale. Enquête auprès des lycéens* / Sous la direction de Galland O., Muxel A. Paris, 2018.
10. *Le discours de Nicolas Sarkozy*. Toulouse. 12.04.2007.
11. *Le Figaro*. 17.01.2020.
12. *Le Figaro*. 20.01.2020.
13. *Le Figaro*. 23.05.2018.
14. *Les Echos*. 09.04. 2018.
15. *Les territoires conquis de l'islamisme* / Sous la direction de Bernard Rougier. Paris, 2020.
16. *Micheron H. Le jihadisme francais. Quartiers, Syrie, Prisons*. Paris, 2020.
17. Pourquoi Emmanuel Macron a choisi Mulhouse pour parler du communautarisme. Available at: <https://www.francebleu.fr/infos/politique/pourquoi-emmanuel-macron-a-t-il-decide-de-venir-a-mulhouse-sur-le-theme-du-communautarisme-1581969342> (date accessed: 07.09.2020).
18. Protéger les libertés en luttant contre le séparatisme islamiste : conférence de presse du Président Emmanuel Macron à Mulhouse. 18.02.2020. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/18/protger-les-libertes-en-luttant-contre-le-separatisme-islamiste-conference-de-presse-du-president-emmanuel-macron-a-mulhouse> (date accessed: 19.09.2020).

Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века

А. Г. Геворгян¹, А. В. Енокян², Л. А. Мелконян³

¹ассистент кафедры теории и истории международных отношений,
Российский университет дружбы народов. Россия, г. Москва. E-mail gevorgyan-ag@rudn.ru

²аспирант, ассистент кафедры теории и истории международных отношений,
Российский университет дружбы народов. Россия, г. Москва. E-mail enokyan-av@rudn.ru

³ассистент кафедры теории и истории международных отношений,
Российский университет дружбы народов. Россия, г. Москва. E-mail melkonyan-la@rudn.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные интересы Российской Федерации и Турецкой Республики как одних из ключевых игроков в Закавказье, особенности политики этих государств по отношению к странам региона. Изучены взаимоотношения России и Турции с Азербайджаном, Арменией и Грузией как на двусторонней основе, так и в рамках международных и региональных организаций. Особое внимание уделено исследованию российско-армянских, российско-грузинских и российско-азербайджанских отношений в сферах политики, экономики и вопросах безопасности и стабильности региона. Рассмотрено современное состояние и особенности миротворческой, энергетической, военной и интеграционной политики Российской Федерации в Закавказье. Статья также посвящена рассмотрению турецко-азербайджанского стратегического союза, основным направлениям его развития, изучению политики Турции в отношении Абхазии, Южной Осетии и Нагорно-Карабахского конфликта и в этой связи отношениям с Грузией и Республикой Армения.

Актуальность темы исследования заключается в необходимости комплексного изучения роли и России, и Турции на страны Закавказья, с учетом геополитической и геоэкономической значимости региона для России и Турции. В качестве целей исследования авторы выделяют отражение положительных и негативных аспектов взаимоотношений стран Закавказья с Турецкой Республикой и Российской Федерацией, а также изучение перспектив дальнейшего развития как двусторонних, так и многосторонних отношений в регионе. Для достижения поставленных целей авторами были использованы источники и литература на русском, английском, турецком, азербайджанском, армянском и грузинском языках.

Ключевые слова: региональное сотрудничество, региональные конфликты, стратегическое сотрудничество, энергетическая политика, дипломатические отношения, интеграционные процессы.

Кавказская политика России и Турции имеет давнюю историю. Начиная с XVI в. Османская империя, выйдя на противостояние с Персией [3], стремилась стать гегемоном на северо-восточных границах своей империи, а с XVIII в. такая борьба велась и с Российской Империей [4]. Турецкая политика на Южном Кавказе имела взлеты и падения, которые в основном были связаны с уровнем заинтересованности кавказского направления у турецкой элиты.

Россия всегда рассматривала Южный Кавказ как зону жизненно важных интересов и неотъемлемую часть ее истории, имеющую стратегическое значение для ее национальной безопасности. Закавказье являлось ареной и предметом геополитической конкуренции также между другими региональными и внерегиональными игроками.

На сегодняшний день Россию, Турцию и страны Закавказья объединяет взаимодействие и сотрудничество в различных сферах экономики, политики, культуры, а также стратегическое партнерство в военной сфере и в области безопасности.

Политика Турции в отношении Армении. История и состояние взаимоотношений в начале XXI в. В 2002 г. пришедшая к власти партия «Справедливость и развитие» объявила о начале «новой политики» Турции, в которой отношения с ближайшими соседями были заявлены как приоритетные. Конечной целью политики «ноль проблем с соседями»¹ являлась нормализация взаимоотношений, в первую очередь с Южным Кавказом. В рамках новой политики было решено наладить сотрудничество со всеми странами региона, преодолеть существующие препятствия в турецко-армянских отношениях, в которых проблемных и спорных вопросов остается немало. Главными из них можно назвать следующие: вопрос признания событий начала XX в. в Османской империи геноцидом и Нагорно-Карабахский конфликт между Арме-

нией и Азербайджаном – ближайшим союзником Турции [20]. В 2003–2004 гг., несмотря на отсутствие дипломатических отношений, министры иностранных дел двух стран встретились четыре раза, где охарактеризовали двусторонние намерения «положительными»².

С 2008 г. после вооруженного конфликта между Грузией и Южной Осетией Турция проявила еще больший интерес к активизации своей закавказской политики. Быстро отреагировав на геополитические изменения в регионе, Турция решила выступить в качестве «миротворца» и посредника в урегулировании всех конфликтов Закавказья. В скором времени турецкая сторона выступила с предложением создания «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе». Для создания данной платформы активно действовал тогда еще премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган, заявивший, что целью организации является «установление прочного мира и безопасности в регионе путем привлечения всех региональных государств вместе в одно формирование»³.

Предполагаемая Турцией Кавказская платформа должна была стать пространством для восстановления отношений между Арменией и Турцией, однако ставились еще более амбициозные цели и условия – решение Нагорно-Карабахского конфликта и отказ Армении от процесса международного признания Геноцида армян. С самого начала армянская сторона подошла к предложению вступить в платформу с осторожностью, но и отказа с ее стороны не прозвучало. На встречах выявились противоречия между сторонами. На апрельской встрече в 2009 г., ссылаясь на глубокие противоречия, Армения и Турция отказались от организации встречи на высшем уровне. Стороны практически отказались от сотрудничества в рамках данной платформы, и активность и значение последней снизились.

Одновременно Турция и Армения в двустороннем порядке пытались нормализовать отношения. Двусторонние контакты активизировались после президентских выборов в Армении в феврале 2008 г., по итогам которых президент Турции Абдуллах Гюль поздравил Сержа Саркисяна с избранием на пост президента Республики Армения⁴. Армянская сторона в свою очередь выразила намерение нормализовать отношения с Турцией: в ответном заявлении Саркисян пригласил турецкого коллегу в Армению, чтобы вместе посмотреть игру между турецкой и армянской футбольной командами. Гюль принял приглашение, тем самым став первым турецким президентом, посетившим Армению. В международной прессе данный процесс получил название «футбольная дипломатия»⁵. После данного события при посредничестве Швейцарии было организовано несколько неофициальных встреч представителей МИД двух государств.

С активизацией связей улучшились и экономические отношения. С 2008 г. также сравнительно активизировались торгово-экономические связи Армении и Турции, однако из-за отсутствия нормальных взаимоотношений экономическое сотрудничество не углублялось (см. таблицу 1).

Таблица 1

Объемы товарооборота между Арменией и Турцией (тыс. долларов США)⁶

Год	Экспорт из Армении в Турцию	Импорт из Турции в Армению
2009	1197.5	177 648.8
2010	1291.3	210 381.2
2011	1049.4	240 248.2
2012	927.8	213 468.3
2013	1595.6	210 702.2
2014	1494.3	232 268.8
2015	1497.8	136 958.2
2016	504.9	163 648.2
2017	913.3	222 465.8
2018	2527.7	252 682.1

² Գայացավ Հայաստանի և Թուրքիայի արտգործնախարարների 4-րդ հանդիպումը. Ազատություն նախնական. 28. 09. 2004. URL: <https://www.azatutyun.am/a/1574525.html>.

³ Erdoğan'a Göre Çözüm "Kafkasya İstikrar ve İşbirliği Platformu"nda. Muğla – BİA Haber Merkezi. 15.08.2008. URL: <https://m.bianet.org/bianet/siyaset/109027-erdogan-a-gore-cozum-kafkasya-istikrar-ve-isbirligi-platformu-nda>.

⁴ Մերժ Մարգարյանին շնորհավորել է Բրդուկա Գյուլը. Ազատություն նախնական. URL: <https://www.azatutyun.am/a/1593268.html> (дата обращения: 21. 02. 2008).

⁵ Old foes Armenia and Turkey put faith in football diplomacy. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/sep/05/turkey.armenia> (дата обращения: 08. 09. 2008).

⁶ Bilateral Relations: Turkey. The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia. 05.04.2019. URL: <https://www.mfa.am/en/bilateral-relations/tr>.

Следующий серьезный шаг стороны сделали 10 октября 2009 г. в Цюрихе, где министры иностранных дел Армении и Турции – Эдвард Налбандян и Ахмет Давутоглу – подписали «Протокол об установлении дипломатических отношений» и «Протокол о развитии двусторонних отношений». На церемонии подписания протоколов присутствовали министр иностранных дел России С. В. Лавров, госсекретарь США Х. Клинтон, главы МИД Франции и Словении, а также комиссар по вопросам внешней политики и безопасности ЕС Х. Солана⁷. 21 октября 2009 г. Давутоглу представил Цюрихские протоколы в турецкий парламент. В своей вступительной речи в парламенте он подчеркнул, что «не видит процесс решения без связи с проблемами Азербайджана и Нагорного Карабаха». Этим Анкара отреагировала на бойкот Баку и отказалась восстанавливать отношения с Ереваном без предусловий, связав Цюрихские протоколы с Нагорно-Карабахским конфликтом. Армения в свою очередь заявила, что парламент страны ратифицирует протоколы только после Турции.

В дальнейшие годы наблюдался спад в процессе нормализации отношений. 22 апреля 2010 г. Армения, ссылаясь на позицию Турции и принимая к сведению заявление политической коалиции парламентских партий Армении, приняла решение приостановить процесс принятия протоколов в парламенте. В 2015 г. протоколы были отозваны из парламента, а 1 марта 2018 г. президент Армении заявил об аннулировании армяно-турецких протоколов⁸. В дальнейшем между двумя странами так и не наблюдался позитивный сдвиг в процессе нормализации отношений.

В последние годы 24 апреля – День памяти Геноцида армян, Эрдоган выступает с обращениями к армянскому народу, одновременно отказываясь произнести слово «геноцид». По случаю 105-й годовщины Геноцида армян 24 апреля 2020 г. президент Турции направил письмо Константинопольскому патриарху ААЦ архиепископу Сааку Машалюну, где уверял, что просит «Всевышнего, чтобы к завтрашнему дню два народа еще более сблизилась». Армянская сторона прохладно относится к подобным заявлениям и письмам, так как уверена, что Турция не проявляет истинную политическую волю и не отказывается от предусловий для нормализации двусторонних отношений.

Российско-армянское стратегическое партнерство на современном этапе. Взаимодействие и отношения в различных сферах социокультурной и военно-политической жизни народов России и Армении имеют глубокие исторические и политические корни. На современном этапе российско-армянские отношения характеризуются высокой интенсивностью взаимных визитов и встреч на высшем и высоком уровнях. Дипломатические отношения между РА и РФ установлены 3 апреля 1992 г. Страны заключили более 250 межгосударственных, межправительственных и межведомственных договоров и соглашений, в том числе «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» от 29 августа 1997 г.⁹ и «Декларацию о союзническом взаимодействии между Арменией и Россией», ориентированную на XXI век, подписанную 26 сентября 2000 г.¹⁰. Оба государства полны решимости укреплять тесные союзнические отношения и дружбу между народами России и Армении, обеспечивать стабильность, устойчивый мир и безопасность в регионе Закавказья и во всем мире.

Российско-армянское взаимодействие в военной сфере направлено на обеспечение как безопасности самих государств, так и стабильности на Южном Кавказе в целом. В военной сфере взят курс на расширение сотрудничества между Министерством обороны Армении и «Рособоронэкспортом»¹¹. На территории Республики Армения, в Гюмри, дислоцируется 102-я российская военная база. В процессе находится реализация положений Договора между

⁷ Երկկողմ հարաբերություններ. ՀՀ Արևաբիւն գործերի նախարարություն. 05.04.2019. URL: <https://www.mfa.am/hy/bilateral-relations/tr>.

⁸ Երկկողմ հարաբերություններ. ՀՀ Արևաբիւն գործերի նախարարություն. 05.04.2019. URL: <https://www.mfa.am/hy/bilateral-relations/tr>.

⁹ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Информационный канал «Кодекс/Техэксперт». URL: <http://docs.cntd.ru/document/8306454> (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁰ Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Армения, ориентированном в XXI век. 26 сентября, 2000 г. Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3210> (дата обращения: 20.05.2020).

¹¹ Армения намерена расширить сотрудничество с «Рособоронэкспортом». РИА НОВОСТИ. 24 апреля, 2019 г. URL: <https://ria.ru/20190424/1553005639.html> (дата обращения: 20.05.2020).

Арменией и Россией о статусе Пограничных войск Российской Федерации, дислоцированных на территории Республики Армения, и условиях их функционирования от 30 сентября 1992 г. Пограничное управление ФСБ России в Армении осуществляет охрану государственной границы с Ираном и Турцией совместно с армянскими пограничниками.

Позиции России и Армении по большинству международных вопросов также схожи и согласованы. Республика Армения является членом Организации «Договора о коллективной безопасности». Российские официальные лица неоднократно заявляли, что если Азербайджан решит применить военную силу против Армении, РФ вмешается в военные действия от своего имени¹².

Двустороннее взаимодействие складывается успешно на международных площадках, что демонстрирует учет взаимных интересов, например, в вопросах голосования и поддержки кандидатов на выборах в органы ООН¹³. Армения была единственным государством-членом ОДКБ, которая направила военных медиков и саперов на помощь российскому контингенту в Сирии.

Благодаря регулярным консультациям между министрами иностранных дел Российской Федерации и Республики Армения повышается эффективность координации внешнеполитических действий на международной арене. Российская Федерация, наряду с Францией и США, выступает посредником одной из стран-постоянных членов Минской группы Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которой поручено посредничество в мирном урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта.

В сферах торговли и экономики также достигнуты впечатляющие результаты. РФ – ведущий внешнеэкономический партнер Республики Армения. В Таблице 2 представлена динамика торговых отношений, экспорта и импорта между Россией и Арменией. Наибольших значений товарооборот достиг в 2018 г.

Таблица 2

Товарооборот между Арменией и Россией (тыс. долларов США)¹⁴

Год	Внешнеторговый оборот	Экспорт	Импорт (по торгующей стране)	Импорт (по стране происхождения товара)
2018	1 924 443.8	666 501.7	1 394 217.7	1 257 942.1
2017	1 712 912.8	541 582.6	866 643.7	1 171 330.2
2016	1 358 306.1	374 470.7	730 000.0	983 835.4
2015	1 173 971.8	225 927.2	645 954.8	948 044.6
2014	1 431 126.2	308 250.2	800 605.5	1 122 876.0
2013	1 445 399.2	334 499.1	881 308.5	1 110 900.1
2012	1 336 525.3	279 109.0	779 942.8	1 057 416.4

Относительно итогов 2019 г. товарооборот между двумя странами достиг рекордных отметок – 2,5 млрд долл. США, а российские инвестиции составляют около 45 % всех иностранных капиталовложений в Республике Армения¹⁵.

Стратегической отраслью российско-армянского взаимодействия является также энергетика, в том числе модернизация существующей инфраструктуры. Армянская АЭС – единственная не только в республике, но и в регионе. РФ оказывает Армении помощь в ремонте, продлении сроков эксплуатации АЭС. Для реализации этих целей корпорация «Росатом» начала поставку оборудования в Республику Армения. Премьер-министр Республики Армения Н. В. Пашинян в июле 2018 г. заявил о заинтересованности Армении в строительстве новой АЭС, которая заменила бы модернизируемую в настоящее время Армянскую АЭС¹⁶.

¹² Белоусов Ю. Южный форпост России. Красная звезда. 10 октября, 2013 г. URL: <http://archive.redstar.ru/index.php/siriya/item/12045-yuzhnyj-forpost-rossii> (дата обращения: 24.05.2020).

¹³ Интеграционные структуры пространства СНГ. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/-/category/10608> (дата обращения: 16.05.2020).

¹⁴ Двусторонние отношения. Россия. Министерство иностранных дел Республики Армения. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/ru> (дата обращения: 23.05.2020).

¹⁵ Интервью заместителя министра иностранных дел Российской Федерации А. Ю. Руденко армянской газете «Новое время», 3 апреля 2020 г. Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4094581.

¹⁶ Армения попросила Россию помочь в строительстве новой АЭС. Информационно-аналитический портал neftegaz.ru. 26 июля, 2018 г. URL: <https://neftegaz.ru/news/nuclear/199686-armeniya-poprosila-rossiyu-pomoch-v-stroitelstve-novoy-aes> (дата обращения: 25.05.2020).

Россия и Армения продолжают работать над укреплением союзнических отношений, реализацией долгосрочных договоренностей в интересах народов двух государств. Учитывая степень взаимозависимости, неудивительно, что в сентябре 2014 г. Ереван отказался от предложения ЕС о соглашении об ассоциации и совершил военно-политический выбор в пользу членства в возглавляемом Россией Евразийском экономическом союзе.

Турецко-азербайджанские взаимоотношения: взлеты и падения. Из трех южно-кавказских государств только Азербайджан воспринимает Турцию как несомненного союзника. Турция рассматривается как страна, у которой идентичный язык, религия, похожие традиции, культура, обычаи, также присутствует имидж объединителя всего тюркского мира. Азербайджанская политическая элита заявила о готовности взаимодействовать с Турцией под общим лозунгом «две страны – один народ» [5].

С начала 90-х гг. XX в. Азербайджан активно внедрял в свою политическую систему «турецкую модель» развития, которая основывалась на демократических принципах Запада и действовала с позиций светского государства [2]. Приоритетом стала экономическая политика, в развитии которой Азербайджан многое связывал с Турцией. Турецкая сторона в свою очередь была заинтересована в энергетическом, логистическом и торговом потенциале региона. Аванпостом Турции для активной политики в регионе за короткое время стал Азербайджан, чью независимость Турция признала первой 9 ноября 1991 г.¹⁷

Страны, приняв межгосударственные соглашения («Соглашение о развитии экономического и технического сотрудничества» (1992 г.), «Договор о дружбе и партнерстве» (1995 г.), «Декларация о стратегическом сотрудничестве» (1997 г.)) [7], начали активно развивать экономическое сотрудничество. Первым импульсом турецкого экономического присутствия в Азербайджане стало участие в подписании так называемого «Контракта века» (20 сентября 1994 г.), где турецкий нефтяной гигант «Türkiye Petrolleri», наряду с другими 13 международными компаниями, вложил большие инвестиции в добычу нефти и других энергоносителей Каспийского моря¹⁸.

Турция обеспечила свое экономическое присутствие в таких крупных проектах азербайджанского нефтегазового сектора, как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан – 6,53 %; в проекте «Азери – Чыраг – Гюнешли» – 6,75 %; в проекте «Шах-Дениз» (добыча газа) – 19 %; в проектах по добыче нефти «Кюрдашы» и «Араз – Алов – Шерг» – 5 и 10 % соответственно [6].

По официальным данным двух стран число турецких компаний в Азербайджане превышает 13 000, а сумма вложений в экономику составляет 10 миллиардов долларов. В свою очередь Государственная нефтяная компания Азербайджана (SOCAR) инвестировала в турецкую экономику 12,6 миллиарда долларов¹⁹.

Большим успехом в торгово-экономическом сотрудничестве стало открытие газопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум в 2009 г. Турция проявила заинтересованность в этих проектах и вскоре заявила о новых газовых и нефтяных «артериях» в Европу (Trans-Adriatic Boru Kəməri, Trans-Anadolu Boru Kəməri), которые должны были пройти через Турцию²⁰. Данные проекты являются альтернативами российскому проекту поставки газа в Европу – трубопроводу «Турецкий поток».

Очередным крупным проектом стало строительство железнодорожной магистрали Баку – Тбилиси – Карс, которая официально открылась 30 октября 2017 г.²¹. Тем самым Турция укрепила свою значимость в регионе и в обход Армении создала новый транспортный коридор между Китаем и Европой.

Несмотря на то что торгово-экономическое сотрудничество развивалось, у обеих стран было немало противоречий по ряду внешнеполитических вопросов. Настоящим испытанием

¹⁷ "Azərbaycanın dövlət müstəqilliyi haqqında Konstitusiyası Aktı" "18 oktyabr Milli Müstəqillik günü" nə həsr olunmuş tədbir keçirildi. 15 Oktyabr 2018. URL: <https://heydaraliyev-centers.az/barda/events/2108>.

¹⁸ ƏSRİN MÜQAVİLƏSİ. Azərbaycan Respublikasının Energetika Nazirliyi. URL: <http://www.minenergy.gov.az/index.php/az/nazirlik?id=1>.

¹⁹ Azərbaycan Respublikasının Türkiyə Cümhuriyyətindəki səfirliyi. Azərbaycan-Türkiyə iqtisadi əlaqələri. URL: <http://ankara.mfa.gov.az/content/106>.

²⁰ Trans-Adriatic Boru Kəməri (TAP) Qaz İxrac Boru Kəməri. URL: <http://www.socarmidstream.az/az/project/tap/#overview>.

²¹ İlham Əliyev Bakı-Tbilisi-Qars dəmir yolunun açılış mərasimində iştirak edib. Prezident.az. URL: <https://presi-dent.az/articles/25639>.

для прочности азербайджано-турецкого партнерства стала попытка Турции нормализовать отношения с Арменией. Азербайджан крайне ревностно отреагировал на подписанные между Турцией и Арменией Цюрихские протоколы (10 октября 2009 г.) и даже пригрозил пересмотреть стратегическое партнерство с Турцией [12]. Сразу был поднят вопрос по поставкам энергоносителей. Оппозиционные партии заявили о предательстве, а перед дипломатическим представительством Турции в Баку были спущены турецкие флаги²².

Однако процесс восстановления дипломатических отношений между Арменией и Турцией вскоре перешел в стадию стагнации. В этом немалую роль сыграл азербайджанский фактор, использующий все возможные рычаги давления. Стратегические отношения получили официальный статус в августе 2010 г., когда между президентами Азербайджана и Турции – Алиевым и Гюлем – был подписан «Договор о стратегическом сотрудничестве и взаимной помощи». Несмотря на первоначальные планы о восстановлении отношений с Арменией (протоколы предусматривали поэтапную нормализацию отношений без предусловий), Турция начала выдвигать условия. В итоге турецкая сторона заявила, что без решения Нагорно-Карабахского конфликта и передачи земель Азербайджану турецко-армянские отношения не могут быть восстановлены. Анкаре, заморозившей нормализацию отношений с Ереваном, удалось оставить в своей орбите Азербайджан и добиться того, чтобы последний не присоединился ни к каким евроатлантическим или евразийским интеграционным объединениям²³. В свою очередь Азербайджан продемонстрировал, что в его внешнеполитических приоритетах присутствует турецкая направленность и в повестке нет места ни европейским, ни евразийским интеграционным процессам или организациям.

За последнее десятилетие Турция предприняла масштабные шаги для укрепления отношений со своим политическим и стратегическим союзником в регионе. Углубились турецко-азербайджанские экономические и военно-политические отношения, и две стороны все чаще повторяют лозунг «Одна нация – два государства», этим описывая двусторонние отношения.

Российско-азербайджанские отношения в начале XXI в. Важная движущая сила соперничества ключевых акторов международных отношений в регионе Закавказья, ставшем в этом аспекте центром геополитической конкуренции, – энергетическая безопасность. Закавказье рассматривается как производитель энергетических ресурсов и является коридором для перевозки углеводородов на западные рынки²⁴. Следовательно, Азербайджан, обладающий богатыми нефтяными ресурсами и промышленностью, также находится в сфере геополитических интересов РФ в Закавказье. Особые отношения с Турцией – другим активным игроком в регионе – дают Азербайджану возможность проводить сбалансированную и многовекторную внешнюю политику, которая включает также стабильные отношения с Российской Федерацией [15].

В Азербайджане нет значительных экономических активов, контролируемых Россией, которые могли бы быть использованы в качестве основания для внешнего воздействия. Хотя Баку экспортирует природный газ в Россию, основной вектор его энергетической политики направлен на Запад. К примеру: несмотря на то что двусторонние торговые отношения развиваются, экономическое взаимодействие Баку с ЕС и Турцией гораздо значительнее. По данным за январь 2018 г. Италия стала крупнейшим торговым партнером Азербайджана, на долю которой пришлось 297,8 миллиона долларов, или 17,24 % от всего товарооборота. В качестве других ключевых внешнеторговых партнеров Азербайджана числятся Россия, Израиль и Турция²⁵. Таблица 3 демонстрирует основных внешнеторговых партнеров Азербайджана за январь – май 2019 г.

²² Азербайджан получил ноту Турции из-за спуска турецкого флага. 21 октября 2009. URL: <https://lenta.ru/news/2009/10/21/flag> (дата обращения: 10.04.2020).

²³ Türk Dış Politikası cilt III 2001-2012. İstanbul 2013. S. 493. <https://iletisim.com.tr/kitap/turk-dis-politikasi-cilt-3-2001-2012/8695> (дата обращения: 08.04.2020).

²⁴ “Oil and Natural Gas Production is Growing in Caspian Sea Region”. U.S. Energy Information Administration, 11 September 2013. URL: <http://www.eia.gov/todayinenergy/detail.cfm?id=%2012911>.

²⁵ Что покупал и продавал Азербайджан в начале 2018 года. Спутник Азербайджан. 19 февраля, 2018 г. URL: <https://az.sputniknews.ru/economy/20180219/414114139/azerbaijan-eksport-import-partnery-rost.html> (дата обращения: 25.05.2020).

Таблица 3

Россия для Азербайджана остается важным поставщиком оружия, хотя и тесные стратегические отношения РФ с Республикой Армения являются раздражающим фактором для Баку. В других отношениях и сферах политика двух государств в целом согласована. РФ рассматривает Азербайджан как потенциального члена Евразийского экономического союза, что, однако, на данном этапе неосуществимо с учетом интересов Баку, которые диктуют политику неприсоединения.

Российско-грузинские политические и экономические отношения. Политика России в отношении Грузии базируется на внешнеполитических интересах РФ в Закавказье. Российская Федерация активно участвует в процессах урегулирования замороженных конфликтов в Закавказье (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах). Вследствие вооруженного конфликта в августе 2008 г. между Грузией с одной стороны и Россией, Южной Осетией и Республикой Абхазией с другой стороны в регионе имели место значительные геополитические и экономические сдвиги. 26 августа 2008 г. РФ официально признала Южную Осетию и Абхазию независимыми государствами, в результате чего в сентябре 2008 г. Грузия разорвала дипломатические отношения с РФ. Однако с 2009 г. в России и Грузии работают секции интересов обоих государств при посольствах Швейцарии²⁷.

Правительство альянса «Грузинская мечта», сформированное по итогам парламентских выборов в 2012 г., во главе с премьер-министром Б. Г. Иванишвили, заявило о своем настроении на дозированную нормализацию двусторонних отношений. С декабря 2012 г. был задействован диалоговый канал между Грузией и Россией в формате неофициальных встреч заместителя министра иностранных дел РФ и спецпредставителя премьер-министра Грузии. Лидеры обеих стран многократно отмечали, что «контакты в данном формате принесли определенные положительные результаты»²⁸.

Активизировалась двусторонняя торговля: Россия стала одним из ведущих партнеров Грузии во внешней торговле. В 2015 г. в связи с мировым экономическим кризисом объем двусторонней торговли сократился до 697 миллионов долларов США (89 % от показателей за аналогичный период 2014 г.), однако экспорт из России остался на прежнем уровне (534 миллиона долларов)²⁹.

²⁶ Экспорт из Азербайджана: что, сколько и куда. Sputnik Азербайджан. 8 июля, 2019 г. URL: <https://az.sputniknews.ru/infographics/20190708/421015500/azerbaijan-export-kuda-cto.html> (дата обращения: 25.05.2020).

²⁷ Российско-грузинские отношения. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/osobennosti-rossijsko-gruzinskih-otnosenij> (дата обращения: 23.05.2020).

²⁸ Карасин и Абашидзе обсудят в Праге шаги по развитию российско-грузинских отношений. ТАСС. 1 октября, 2018 г. URL: <https://tass.ru/politika/5621070> (дата обращения: 23.05.2020).

²⁹ Российско-грузинские отношения. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/osobennosti-rossijsko-gruzinskih-otnosenij> (дата обращения: 23.05.2020).

В таблице 4 приведены данные по местному экспорту и реэкспорту из Грузии в 2018–2019 гг. в ее крупнейшие партнеры по экспорту: Азербайджан, Россию, Армению, Болгарию и Украину.

Таблица 4

Экспорт и реэкспорт Грузии – структура, тенденции и «тень»

Страны	Экспорт – весь		Местный экспорт		Реэкспорт	
	Объем экспорта*	Доля в экспорте*	Объем экспорта	Доля в экспорте	Объем экспорта	Доля в экспорте
Страны СНГ	2003.1	53.1	855.2	36.4	1147.9	80.9
Страны Евросоюза	825.7	21.9	736.6	31.3	89.1	6.3
Турция и Китай	430.0	11.4	395.1	16.8	34.9	2.5
Все остальные страны	512.7	13.6	365.4	15.5	147.3	10.4
Всего	3771.5	100.0	2352.3	100.0	1419.2	100.0

* Объем экспорта приведен в миллионах долларов, доля в экспорте – в процентах³⁰

В период с 2012–2014 гг. сторонам удалось добиться возрождения двусторонней торговли, круглосуточной работы единственного наземного контрольно-пропускного пункта на российско-грузинской границе Верхний Ларс-Казбеги, возобновления авиасообщения и регулярного автомобильного сообщения между государствами. Как и прежде, Россия настроена на развитие активного политического и экономического диалога с Грузией, учитывая уже достигнутые положительные результаты и перспективы их закрепления по различным направлениям двустороннего взаимодействия.

Турецко-грузинские военно-политические и экономические отношения. После распада СССР для Турции открылись возможности распространения своего влияния в регионе Закавказья. Дипломатические отношения между Анкарой и Тбилиси установились 21 мая 1992 г.

30 июня 1992 г. был подписан «Договор о дружбе и сотрудничестве», который стал базовым документом и правовой основой двусторонних отношений [16].

В первые годы независимости Грузии Турция развивала политические отношения с ней, что укреплялось экономической, а впоследствии и военной составляющей. Важно отметить, что двусторонние отношения между странами начали стремительно развиваться в начале 2000-х гг., а активизация закавказского направления внешней политики Турции в этот период также связана с концепцией «Ноль проблем с соседями»³¹ А. Давутоглу и энергетической политикой Турции. Такие темпы развития отношений также связаны со сменой власти в Грузии после Революции роз в 2003 г. и приходом М. Саакашвили. Активная политика Анкары сопровождалась уменьшением роли России, что особо выражалось после событий 2008 г.

После военного конфликта в 2008 г. Турция стремилась укрепить свою позицию в Закавказье и пополнить вакуум, который появился после расторжения отношений между Россией и Грузией. Турция предложила идею создания платформы сотрудничества и безопасности на Кавказе. Планировалось в состав этой платформы включить три страны Закавказья, Турцию и Россию. В силу существующих противоречий и конфликтов в регионе данный план не был реализован [14].

Начался процесс развития отношений в трехстороннем формате. Грузия, Турция и Азербайджан 8 июня 2012 г. подписали Трабзонскую декларацию, согласно которой стороны обязались поддерживать друг друга в международных организациях, сотрудничать в вопросе урегулирования конфликтов в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии, основываясь на международно-признанных границах Азербайджана и Грузии, развивать сотрудничество в вопросах экономики, культуры, инфраструктуры и прямых капиталовложений³². Особую роль в развитии сотрудничества играют нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум и проект железной дороги Баку – Тбилиси – Карс.

³⁰ Экспорт и реэкспорт Грузии – структура, тенденции и «тень». Политическая география Южного Кавказа. Кавказский узел. 25 января, 2020 г. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/41476> (дата обращения: 23.05.2020).

³¹ Т. С. Dışişleri Bakanlığı. Yeni Dönemde Sıfır Sorun Politikası. URL: <http://www.mfa.gov.tr/yeni-donemde-sifir-sorun-politikasi.tr.mfa> (дата обращения: 10.04.2020).

³² Trabzon Declaration Of The Ministers Of The Republic Of Azerbaijan, Georgia And The Republic Of Turkey, 08 June 2012, Trabzon. URL: <https://mfa.gov.ge/getattachment/MainNav/ForeignPolicy/BilateralRelations/Trabzon-Declaration.pdf.aspx>.

Военно-стратегическое сотрудничество между Турцией и Грузией тесно связано с отношениями Турции и России. 19 февраля 2016 г. на трехсторонней встрече министров иностранных дел глава МИД Турецкой Республики М. Чавушоглу заявил, что Абхазия и Южная Осетия являются частью Грузии, а Нагорный Карабах – частью Азербайджана³³. Несмотря на данную позицию, в 2014 г. Абхазию посетила официальная делегация парламента Турецкой Республики. Во время президентских выборов 2014 г. права избирателей получили проживающие на территории Турции абхазы. Также совершались визиты абхазских делегаций в Турцию, турецкий бизнес проникает в Абхазию, создаются турецко-абхазские ассоциации. Грузия не раз поднимала вопрос налаживания таких отношений между Турцией и Абхазией в обход Тбилиси, но решительных успехов не добивалась.

Также стоит отметить, что Турция спокойно реагирует на попытки Южной Осетии налаживать отношения с Турцией. Во время пребывания в Стамбуле министр иностранных дел Республики Южная Осетия Дмитрий Медоев вручил Ремзи Канукати удостоверение Полномочного Представителя МИД РЮО и дипломатический паспорт РЮО. Данный шаг подразумевает наличие политических и дипломатических отношений между Анкарой и Цхинвали³⁴.

Турецко-грузинские отношения с 19 июля 2016 г. развивались на основе нового формата – Совета стратегического сотрудничества высокого уровня. Первая встреча в этом формате прошла в Анкаре на уровне премьер-министров, во время которой был подписан Анкарский договор. Данный договор касался всех направлений сотрудничества между Турцией и Грузией [10].

Важным аспектом политики Турецкой Республики по отношению Грузии можно признать «месхетинский вопрос». Турция актуализирует и поднимает вопрос возвращения так называемых турок-месхетинцев, которых в 1944 г. депортировали из Грузии. Данный вопрос имеет для Турции стратегическое значение: Анкара стремится населять своих соплеменников в регион Самцхе-Джавахети Грузии, которая является преимущественно армянонаселенным, создавая благоприятные условия для распространения своего влияния в этой части Грузии.

Экономические связи между Анкарой и Тбилиси базируются на договоре «О торговле и экономическом сотрудничестве» (1992 г.) и на «Соглашении о свободной торговле и о предотвращении двойного налогообложения доходов и пресечении неуплаты налогов (2007 г.)». Торговые связи охватывают такие области экономики, как энергетика, торговля, туризм и финансы. Турция является крупнейшим торговым партнером Грузии с объемом двусторонней торговли в 1,8 млрд долларов США в 2019 г. (см. рис. 1)³⁵.

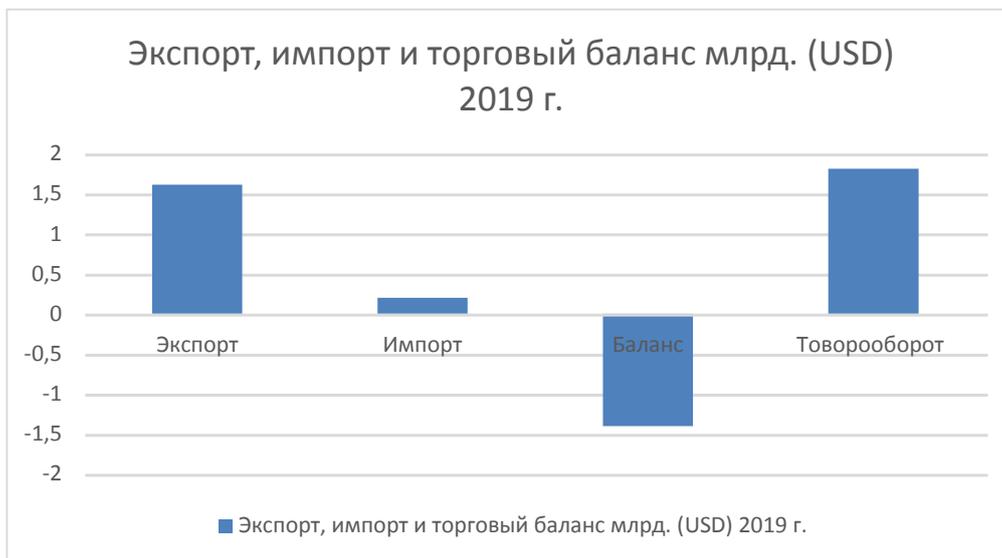

Рис. 1

³³ Թրիխիում կայացել է Ադրբեջանի, Թուրքիայի, Վրաստանի ԱԳ նախարարների հանդիպումը URL: <http://www.civilnet.am/news/2016/02/19/turkey-azerbaijangeorgia-fm-trilateral-tbilisi/287357>.

³⁴ Полпредом МИД Южной Осетии в Турецкой Республике назначен Ремзи Канукати // Южная Осетия сегодня. URL: <https://south-ossetia.info/polpredom-mid-yuzhnoj-osetii-v-tureckoj-respublike-naznachen-remzi-kanukati>.

³⁵ საქართველოს სტატისტიკის ეროვნული სამსახური [Национальное статистическое управление Грузии]. URL: <http://ex-trade.geostat.ge/ka>.

Согласно вышеуказанным данным, можно констатировать, что баланс турецко-грузинской торговли огромный и Грузия в большей мере импортирует турецкие товары. Ситуация не очень отличается и в сфере инвестиций. Турецкие компании работают в Грузии в сфере строительства, промышленности, услуг, логистики. Они осуществляют деятельность в таких стратегически важных отраслях, как железнодорожное строительство, строительство нефтяных платформ и гидроэлектростанций, модернизация и управление аэропортами и службами полетов, банковское дело. С 1 июля 2011 г. граждане обоих государств могут ездить в Грузию и Турцию, имея только удостоверение личности, что активизировало передвижение граждан: примерно 1,9 млн грузинских туристов посетили Турцию в 2015 г.³⁶

Турецкие экономические интересы в Грузии обусловлены также тем, что Турция рассматривает Грузию как коридор для выхода на европейские рынки и укрепления связей с Азербайджаном. Успешными проектами в этой сфере стали реализация нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, газопровода Баку – Тбилиси – Эрзрум, осуществление проекта железной дороги Баку – Тбилиси – Карс³⁷.

Выводы. Подводя итоги, можно отметить основные выводы исследования: Российско-армянские отношения носят стратегический характер. Государства активно и тесно сотрудничают в военно-политической, энергетической, экономической сферах. Россия принимает активное участие в мирном урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта в роли посредника в рамках Минской группы ОБСЕ. На международной арене прослеживается высокая координация внешнеполитических действий РФ и РА. Россия является ведущим внешнеэкономическим партнером Армении, оказывая содействие в вопросе модернизации существующей инфраструктуры Армянской АЭС – единственной АЭС в регионе Закавказья, что также демонстрирует стратегический характер российско-армянских отношений. В настоящее время продолжается реализация крупных совместных проектов в сферах промышленности, транспорта, сельского хозяйства и в финансово-кредитном секторе. Армения является членом ОДКБ, ЕАЭС, государством-участником СНГ, следовательно, страна активно участвует в интеграционных процессах Закавказья в рамках указанных организаций, возглавляемых Россией.

Относительно российско-грузинского и российско-азербайджанского взаимодействия стоит подчеркнуть, что в этих двусторонних отношениях прослеживаются взлеты и падения, однако существует определенный потенциал углубления, по крайней мере, экономических взаимоотношений. Россия стремится вовлечь Азербайджан в интеграционные процессы Закавказья, однако в настоящее время Баку придерживается политики неприсоединения по отношению как к европейским, так и евразийским военно-политическим, экономическим и интеграционным процессам.

После распада СССР и в связи с активизацией Турции в регионе Закавказья Азербайджан выбрал «турецкий вектор развития», вследствие чего Турция приобрела надежного союзника в Закавказье. Приоритетными направлениями в турецко-азербайджанских отношениях стали военно-политическое и экономическое сотрудничество, где обе стороны достигли значительных успехов. Сегодня Турция и Азербайджан воспринимают друг друга как стратегические союзники, выступая на международной арене под лозунгом «один народ – два государства».

В условиях отсутствия дипломатических отношений гораздо большую сложность представляют турецко-армянские отношения. В начале XXI в. стороны предприняли попытки нормализовать взаимоотношения, однако вопрос признания событий начала XX в. Османской империи геноцидом и Нагорно-Карабахский конфликт между Арменией и Азербайджаном стали решающими факторами стагнации процесса нормализации отношений. В сложившейся ситуации Азербайджан и Турция продвигают собственные энергетические и инфраструктурные проекты в обход Армении, впоследствии чего последняя фактически оказалась в блокаде.

Комплексное исследование турецкой политики по отношению к Грузии приводит к следующим выводам: грузинская политика Турецкой Республики направлена на реализацию внешнеполитических «закавказских целей», распространение своего влияния в регионе и на

³⁶ Salome Tvalodze Georgia-Turkey Trade Relations – Challenges and Opportunities. URL: http://www.research.pmcg-i.com/policypapers_file/b4485c8fbd91e238c.pdf.

³⁷ Sayin F. M., & Dogan M. (2017). Political relations between Turkey and Georgia in the post-soviet era. Journal of Liberty and International Affairs. № 3 (2). Pp. 42–54. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-54370-8>.

стремление заполнить вакуум, возникший в Грузии в результате снижения влияния России. Турция также поддерживает усилия Грузии по интеграции в евроатлантические структуры, в частности, в вопросе вступления Грузии в НАТО, что подразумевает налаживание более тесных связей с Турцией. Турция стремится создать региональный экономический и военно-политический союз, основанный на сотрудничестве между Турцией, Азербайджаном и Грузией, что означает лидерство Турции в данном союзе и вытеснение Армении из региональных проектов. Турция проникла во все сферы жизнедеятельности Грузии, она успешно реализует социальные, образовательные программы на территории этого государства: строятся турецкие школы и мечети, восстанавливаются исторические памятники, проводятся фестивали и туристические мероприятия.

Так, Российская Федерация и Турецкая Республика развивают отношения с Республикой Армения, Азербайджанской Республикой и Грузией в различных форматах и сферах сотрудничества. С каждой из трех закавказских республик Россию и Турцию связывают политические и экономические отношения разного уровня, однако Закавказье по-прежнему сохраняет геостратегическую значимость для России и Турции.

Список литературы

1. *Алексанян Л. М.* Эволюция турецко-грузинских отношений: новые тенденции (экономический и военно-политический аспекты) // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4 (2). С. 148–158.
2. *Астахова М. А.* «Турецкая модель развития» и причины ее несостоятельности для постсоветских стран Прикаспийского региона (1992–1993 годы) // Известия Саратовского университета. 2011. № 11 (1).
3. *Бадак А. Н., Войнич И. Е., Волчек Н.* Начало второй войны Сефевидского Государства с Турцией (1578–1590 гг.). М., 1999. Т. 11. С. 386–393.
4. *Бахревский Е. В.* Историческая память и образы русско-турецкой войны // Культурное наследие России 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-obrazu-russko-turetskoy-voyny>.
5. *Величко Л. Н.* Политика «Мягкой силы» Турции в регионе Южного Кавказа (1991–2002 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 3. С. 44.
6. *Гаджиев Ш. Т.* Азербайджан на пути к мировому сообществу: стратегия внешнеэкономического развития. Киев, 2000. 317 с.
7. *Гасанов А. К.* Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Баку : Шерг-Герб, 2007. 1008 с.
8. *Дугин А. Г.* Евразийство: от философии к политике : доклад на Учредительном съезде ОПОД «Ервазия» (21 апреля, 2001 г., Москва). URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=734>.
9. *Иванов В.А.* Основные контуры турецко-грузинского военнополитического сотрудничества: динамика и перспективы развития // Тюркологические и османистические исследования. 2009. Вып. VI. С. 141–159.
10. *Иванова И. И.* Динамика развития отношений: Турция и Южный Кавказ в XXI в., Политическая трансформация на мусульманском востоке: опыт Турции и других стран. М. Труды Института востоковедения РАН, Вып. 20, ИВРАН, 2019. 240 с.
11. *Каранетян Р.* Расширяющееся сотрудничество между Турцией, Грузией и Азербайджаном // 21-й век. 2017. № 1 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasshiryayuscheesya-sotrudnichestvo-mezhdu-turtsiey-gruziey-i-azerbaydzhanom>.
12. *Мусабеков Р.* Азербайджан между Турцией и Россией. 2011. № 3. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/na-styke-polej-prityazheniya>.
13. *Alex Rasizade.* The Great Game of Caspian Energy: Ambitions and Realities // Journal of Southern Europe and the Balkans 7:1, 2005. Pp. 1–17.
14. *Aras B., Akpinar P.* The Relations between Turkey and the Caucasus / B. Aras, P. Akpinar // Perceptions: Journal of International Affairs. 2011. Autumn. Vol. XVI. № 3. P. 64.
15. *Craig R.* Russia and the Caucasus. Connections. Vol. 14. No. 2. Partnership for Peace Consortium of Defense Academies and Security Studies Institutes, 2015. Pp. 1–12. URL: https://www.jstor.org/stable/26326394#metadata_info_tab_contents.
16. *Glenn E. Curtis* Armenia, Azerbaijan, and Georgia: Country studies / E. G. Curtis. Washington, 1995. P. 225.
17. *James Nixey.* The Long Goodbye: Waning Russian Influence in the South Caucasus and Central Asia. London : Chatham House Briefing Papers, June 2012.
18. *Jeffrey Mankoff.* Caucasian priorities of the USA. February 10, 2014. URL: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21245>.
19. *Larrabee S., Lesser I.* Turkish Foreign Policy in Age of Uncertainty. Santa Monica, 2003, P. 2018.
20. *Safrastyan R.* Armenian-Turkish Relations: From Interstate Dispute to Neighborliness // Open Society Institute. Central European University Center for Policy Studies, 2003–2004.

Turkish policy and Russian interests in Transcaucasia at the beginning of the XXI century

A. G. Gevorgyan¹, A. V. Enokyan², L. A. Melkonyan³

¹assistant of the Department of theory and history of international relations,
Peoples' Friendship University of Russia. Russia, Moscow. E-mail: gevorgyan-ag@rudn.ru

²postgraduate student, assistant of the Department of theory and history of international relations,
Peoples' Friendship University of Russia. Russia, Moscow. E-mail: enokyan-av@rudn.ru

³assistant of the Department of theory and history of international relations,
Peoples' Friendship University of Russia. Russia, Moscow. E-mail: melkonyan-la@rudn.ru

Abstract. The article deals with the main interests of the Russian Federation and the Republic of Turkey as one of the key players in the Transcaucasus, and the specifics of the policy of these states in relation to the countries of the region. The relations of Russia and Turkey with Azerbaijan, Armenia and Georgia were studied both on a bilateral basis and within the framework of international and regional organizations. Special attention is paid to the study of Russian-Armenian, Russian-Georgian and Russian-Azerbaijani relations in the fields of politics, economy, security and stability of the region. The current state and features of the Russian Federation's peacemaking, energy, military and integration policy in Transcaucasia are considered. The article is also devoted to the Turkish-Azerbaijani strategic alliance, the main directions of its development, the study of Turkey's policy towards Abkhazia, South Ossetia and the Nagorno-Karabakh conflict, and in this regard, relations with Georgia and the Republic of Armenia.

The relevance of the research topic lies in the need for a comprehensive study of the role of both Russia and Turkey in the Transcaucasian countries, taking into account the geopolitical and geo-economic significance of the region for Russia and Turkey. The study aims to reflect the positive and negative aspects of relations between the Transcaucasian countries with the Republic of Turkey and the Russian Federation, as well as to study the prospects for further development of both bilateral and multilateral relations in the region. To achieve these goals, the authors used sources and literature in Russian, English, Turkish, Azerbaijani, Armenian and Georgian.

Keywords: regional cooperation, regional conflicts, strategic cooperation, energy policy, diplomatic relations, integration processes.

References

1. Aleksanyan L. M. *Evolyuciya turecko-gruzinskih otnoshenij: novye tendencii (ekonomicheskij i voenno-politicheskij aspekty)* [Evolution of Turkish-Georgian relations: new trends (economic and military-political aspects)] // *Problemy postsovetskogo prostranstva* – Problems of the post-Soviet space. 2017. No. 4 (2). Pp. 148–158.
2. Astahova M. A. "Tureckaya model' razvitiya" i prichiny ee nesostoyatel'nosti dlya postsovetskih stran Pri-kaspijskogo regiona (1992–1993 gody) ["Turkish model of development" and the reasons for its failure for the post-Soviet countries of the Caspian region (1992–1993)] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta* – News of Saratov University. 2011. No. 11 (1).
3. Badak A. H., Vojnich I. E., Volchek H. *Nachalo vtoroj vojny Sefevidskogo Gosudarstva s Turciej (1578–1590 gg.)* [The beginning of the second war of the Safavid state with Turkey (1578–1590)]. M. 1999. Vol. 11. Pp. 386–393.
4. Bahrevskij E. V. *Istoricheskaya pamyat' i obrazy russko-tureckoj vojny* [Historical memory and images of the Russian-Turkish war] // *Kul'turnoe nasledie Rossii 2017* – Cultural heritage of Russia 2017. No. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-obrazy-russko-turetskoy-voyny>.
5. Velichko L. N. *Politika "Myagkoj sily" Turcii v regione Yuzhnogo Kavkaza (1991–2002 gg.)* [Turkey's "Soft power" policy in the South Caucasus region (1991–2002)] // *Humanitarian and legal studies*. 2016. No. 3. P. 44.
6. Gadzhiev Sh. T. *Azerbajdzhan na puti k mirovomu soobshchestvu: strategiya vneshneekonomicheskogo razvitiya* [Azerbaijan on the way to the world community: strategy of foreign economic development]. Kiev. 2000. 317 p.
7. Gasanov A. K. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika Azerbajdzhana* [Modern international relations and foreign policy of Azerbaijan]. Baku. Sherg-GERB. 2007. 1008 p.
8. Dugin A. G. *Evraziystvo: ot filosofii k politike : doklad na Uchreditel'nom s'ezde OPOD "Ervaziya" (21 aprelya, 2001 g., Moskva)* [Eurasianism: from philosophy to politics : report at the Founding Congress of the all-Russian political social movement "Eurasia" (April 21, 2001, Moscow)]. Available at: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=734>.
9. Ivanov V. A. *Osnovnye kontury turecko-gruzinskogo voennopoliticheskogo sotrudnichestva: dinamika i perspektivy razvitiya* [Main contours of the Turkish-Georgian military-political cooperation: dynamics and prospects of development] // *Tyurkologicheskie i osmanisticheskie issledovaniya* – Turkological and osmanistic studies. 2009. Is. VI. Pp. 141–159.
10. Ivanova I. I. *Dinamika razvitiya otnoshenij: Turciya i Yuzhnyj Kavkaz v XXI v., Politicheskaya transformaciya na musul'manskom vostoke: opyt Turcii i drugih stran* [Dynamics of development of relations: Turkey and

the South Caucasus in the XXI century, the Political transformation in the Muslim East: the experience of Turkey and other countries]. M. Proceedings of the Institute of Oriental studies. Is. 20. Institute of Oriental studies RAS. 2019. 240 p.

11. *Karapetyan R. Rasshiryayushcheesya sotrudnichestvo mezhdu Turciej, Gruziej i Azerbajdzhanom* [Expanding cooperation between Turkey, Georgia and Azerbaijan] // *21-j vek – 21st century*. 2017. No. 1 (42). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasshiryayuscheesya-sotrudnichestvo-mezhdu-turtsiey-gruziej-i-azerbajdzhanom>.

12. *Musabekov R. Azerbajdzhan mezhdu Turciej i Rossiej* [Azerbaijan between Turkey and Russia]. 2011. No. 3. Available at: <https://www.globalaffairs.ru/articles/na-styke-polej-prityazheniya>.

13. *Alex Rasizade*. The Great Game of Caspian Energy: Ambitions and Realities // *Journal of Southern Europe and the Balkans* 7:1, 2005. Pp. 1–17.

14. *Aras B., Akpınar P.* The Relations between Turkey and the Caucasus / B. Aras, P. Akpınar // *Perceptions: Journal of International Affairs*. 2011. Autumn. Vol. XVI. No. 3. P. 64.

15. *Craig R.* Russia and the Caucasus. Connections. Vol. 14. No. 2. Partnership for Peace Consortium of Defense Academies and Security Studies Institutes, 2015. Pp. 1–12. Available at: https://www.jstor.org/stable/26326394#metadata_info_tab_contents.

16. *Glenn E. Curtis* Armenia, Azerbaijan, and Georgia: Country studies / E. G. Curtis. Washington, 1995. P. 225.

17. *James Nixey*. The Long Goodbye: Waning Russian Influence in the South Caucasus and Central Asia. London : Chatham House Briefing Papers, June 2012.

18. *Jeffrey Mankoff*. Caucasian priorities of the USA. February 10, 2014. Available at: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21245>.

19. *Larrabee S., Lesser I.* Turkish Foreign Policy in Age of Uncertainty. Santa Monica, 2003, P. 2018.

20. *Safrastyan R.* Armenian-Turkish Relations: From Interstate Dispute to Neighborliness // Open Society Institute. Central European University Center for Policy Studies, 2003–2004.

Тематическое и эстетическое своеобразие басен В. И. Майкова

О. А. Метелева

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: olesyaste@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема изучения национальной специфики классицистических жанров. Серьезные изменения претерпевает жанр басни на русской почве в 1760-е годы. В этот период басня обогащается самобытными национальными чертами. Большой вклад в развитие этого жанра внес В. И. Майков.

Цель статьи – попытка систематизации басенного творчества В. И. Майкова с точки зрения оригинальности сюжета, основных тем и образов, жанровых и композиционных особенностей.

Методология исследования построена на базисных принципах и понятиях целостного литературоведческого анализа художественного текста с применением культурно-исторического, интертекстуального, сравнительно-типологического метода.

В исследовании доказывается, что басни В. И. Майкова – как с заимствованным, так и с оригинальным сюжетом – являются самобытными, раскрывающими идеологию эпохи русского классицизма через национальный колорит, отразившийся в системе образов, языковых явлениях, ритмических рисунках и в построении композиции. В статье отмечается близость басен с оригинальными сюжетами русского фольклора: сказками, древнерусскими повестями, поговорками. Рассматривается басня, основой которой является сюжет народной песни. При этом автор статьи отмечает, что даже заимствованный из русского фольклора сюжет у В. И. Майкова приобретает новое звучание. В статье выявляется тематическое разнообразие басен В. И. Майкова. Ведущие темы басен – тема власти, дружбы, творчества, материального благополучия, разумного существования.

Результаты исследования могут использоваться в теоретических работах, обращаясь к анализу басенного творчества поэтов, переходных явлений и жанровых трансформаций в литературе, а также в практике преподавания истории русской литературы.

Ключевые слова: басня, русская поэзия XVIII века, жанровая система классицизма, жанровый синтез, традиции и новаторство в литературе, литература и фольклор.

Басня как жанр зародилась в античности, посредством аллегории несла в себе дидактическую функцию, высмеивала пороки и содержала наставление. Басня – это небольшой по объему жанр дидактической поэзии, с законченным сюжетом, который содержит аллегорическое истолкование житейского или нравственного правила. «От притчи или аполога басня отличается законченностью сюжетного развития, от других форм аллегорического повествования (напр., Аллегорического романа) – единством действия и сжатостью изложения, не допускающей введения детальных характеристик и других элементов неопределенного характера, тормозящих развитие фабулы» [10, стб. 359].

Е. Д. Желябужский выделяет следующие типологические черты басни: краткое поэтическое произведение, в котором содержится рассказ из обычной жизни людей, животных, которые обладают даром слова, или природы [5, с. III]. Г. В. Москвичева отмечает, что возникновение басни относится к V веку и связано с именем Эзопа, но как жанр она сформировалась значительно позднее, так как о басне нет упоминаний ни у Аристотеля, ни у Буало. В России определение жанру на основе произведений Эзопа, Лафонтена и других баснописцев дал М. В. Ломоносов, он же определил основные типологические черты. Для М. В. Ломоносова басня – один из ораторских жанров. На русской почве басня стала одним из самых излюбленных поэтами жанров. В поэтике классицизма басня относилась к низким жанрам. Этому способствовал «низкий» язык, близкий к разговорному, а также близость басни к русскому

народному творчеству [15, с. 153]. Условно в басенном жанре можно выделить два течения, оказавших на становление русской басни большое влияние: эзоповская басня с ее классическим иносказанием и басни Лафонтена, ориентированные на высокую художественность [22, с. 13]. М. В. Ломоносов выделял три основных вида басни по изображению жизни и характеру персонажей: «натуральные», «смешанные» и «ненатуральные» [11, с. 361–365]. Основными признаками басни, по Третьяковскому, были: краткость, присутствие аллегии, нравучительность, «простота речей» [15, с. 152]. А. П. Сумароков в своей «Эпистоле II» относит басню к низким жанрам и считает, что смех в ней должен быть легким и благородным, а речи – простыми.

Структура классической басни была, по мнению М. В. Ломоносова, двучастной и состояла из повествования и назидания-морали (приложения) [11, с. 363]. Иногда можно встретить «преддверие» басни. При всей сложности основной части, смысловым центром басни является ее назидание. Н. Ф. Остолопов говорил, что «нравоучение есть краткое изъяснение содержащейся в басне Аллегии, с применением оной к нашим нравам...» [16, ч. 1, с. 79]. А. Н. Пашкуров и А. И. Разживин подчеркивают, что классицистическая басня имеет четкую структуру и заканчивается назиданием, высмеивает различные человеческие пороки: жадность, гордость, глупость, чванливость, трусость, хитрость и т. д. При этом стоит заметить, что Г. В. Москвичева отмечает свободное расположение частей басни у Эзопа, Федра, Лафонтена и Крылова, связывая у последнего это с сумароковскими традициями [15, с. 165]. Как пишет исследователь, «предметом [басни] стали хищники всех рангов, взяточники, невежды, люди, забывшие о своем гражданском долге, поправшие права слабого» [15, с. 153].

Тематика басни разнообразна, она меняется в зависимости от литературной школы и исторического контекста. Е. Д. Желябужский выделял три периода в развитии и становлении басни. Первый – «младенческое время... истории». Для этого периода характерно восприятие животных мыслящими и действующими, говорящими на своем языке. В этих баснях отразилась вера народа в рассказываемые события, в отражении поверий и обычаев народа, в выборе героев. Второй период ученый связывает с именем Эзопа. Для басни становится характерна аллегория, появляется поучение [5, с. I–IV]. И. З. Серман отмечает, что аллегорическое истолкование басен, поиски в них философско-политического смысла – вот то новое, что привнесла литература классицизма в судьбу басни как жанра [20, с. 191]. В средние века назидание – главная часть басни. В третий период рассказ становится сатирическим, нравоучение поддерживает главную мысль повествования и является единым целым с ним [5, с. I–IV]. А. И. Разживин и А. Н. Пашкуров выделяют три этапа в развитии басни XVIII – начала XIX века: классицистическая басня, басня сентиментализма и басня реалистическая. Другую периодизацию предлагает Н. Л. Степанов, который выделяет четыре этапа развития басен: первая половина XVIII века. Здесь автор приводит таких баснописцев, как А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов и В. К. Третьяковский, отмечая, что именно на основе их творчества русский читатель начал знакомство с литературной басней. Вторым периодом Л. Н. Степанов считает шестидесятые годы XVIII века, отмечает, что это был расцвет басни, на который особое влияние оказали «притчи» А. П. Сумарокова, заложившие основные тенденции развития жанра. Кроме того, ученый подчеркивает, что В. И. Майков и М. М. Херасков оказали особое влияние на становление жанра русской басни. В качестве третьего периода Л. Н. Степанов выделяет восьмидесятые годы XVIII столетия, когда появились такие выдающиеся баснописцы, как И. И. Хемницер, который «вывел» басню из низкого жанра. Четвертым этапом Л. Н. Степанов считает 1800–1840-е годы XIX века, связывая его с появлением баснями И. А. Крылова и его современников [22, с. 12–18].

Н. Ф. Остолопов пишет, что для басни характерны аллюзия, близость к фольклору, подробное перечисление действий детально описанных героев [16, ч. 1, с. 86], Г. А. Москвичева отмечает, что в басне подразумевается одна действительность в различных формах зла, поданная через композиционное противопоставление, которое сближает басню с комедией [15, с. 165].

И. З. Серман выделял два направления классицистической басни: ломоносовское и сумароковское. М. В. Ломоносов узаконил двучленную структуру (повествование-вымысел и краткое нравоучение) и настаивал на серьезности жанра. А. П. Сумарокову же была близка лафонтеновская басня, поэтому он обличал «играючи», не всегда заботясь о соблюдении нравоучения. Это привело к сближению между автором, который не поучает, а делится своим опытом и мыслями с читателем. Именно в творчестве А. П. Сумарокова басня получает свою форму и живой язык [20, с. 197–198, 205]. С. А. Салова замечает, что М. В. Ломоносов к басням

«относил поэтическую традицию, индексированную именем легендарного древнегреческого песнопевца Анакреонта» и считал, что они преследуют, «...в отличие от морализаторской притчи эзоповского типа, сугубо развлекательные цели» и рассчитаны на читателей «с неразвитым эстетическим вкусом». Однако автор работы отмечает, что А. П. Сумароков, вступив в литературную полемику с М. В. Ломоносовым, пишет анакреонтические притчи, в которых сохранена дидактическая функция [19, с. 1776]. Г. А. Москвичева подчеркивает, что Сумароков и поэты его школы создали «басенный стих», сформировали определенный «басенный сказ», основанный на комедийном диалоге, уравнивали соотношение повествования и морали, и, благодаря сумароковской школе, басня из низкого жанра стала близка «среднему» [15, с. 154]. Е. И. Лебедев замечает, что басни А. П. Сумарокова и В. И. Майкова следует относить к классицистическим, так как для них характерно столкновение «высокого» и «низкого» слога, добра и зла, идеала и порока [8, с. 304]. Той же точки зрения на басни А. П. Сумарокова придерживается и Л. Ю. Виндт: «Непомерная смелость его выражений причиною, что басни сии мало читаются. Многие из сих выражений оскорбляют образованный вкус». Внедряются целые куски высокого стиля – обычно для комического эффекта» [4, с. 82]. Как отмечает Ю. М. Лотман, после XVIII века «...отсутствие сатирического момента в басне воспринимается как некоторая неполнота, нарушение ожидания, которое само может быть источником значений. Сообщение о наличии в басне сатирического элемента вряд ли кого-нибудь поразит – оно содержится в самом определении жанра» [12, с. 217].

Написанные в шестидесятые годы XVIII века басни В. И. Майкова, как отмечает А. В. Западов, наряду с баснями А. П. Сумарокова «сообщили дальнейший ход развитию русской басни» [7, с. 24]. Именно А. П. Сумароков, а вслед за ним и В. И. Майков, определили два типа басен: в одной обобщенный сюжет, в других – подробно рассказанный один эпизод [15, с. 166–167]. В баснях, где изображаются действия персонажей, диалогическая речь замещает авторский монолог [15, с. 170].

П. В. Филимонова в своей статье отмечает следующие особенности басен А. П. Сумарокова: «сатирическую природу, обращенность к бытовой сфере, демократизм в выборе языковых средств и форм комического для обличения распространенных общественных пороков» [24, с. 120]. Именно эти черты басни стали основополагающими для учеников сумароковской школы и предопределили во многом творчество последующих баснописцев, например, И. А. Крылова.

На самобытное развитие русской басни оказали влияние две основные тенденции: интенсивное появление западноевропейских произведений, ранее не доступных нашему читателю, и русский фольклор. Из мировой традиции русская басня заимствовала дидактичность, двучастную структуру, басенные сюжеты и образы. Таким образом, становление и развитие басенного жанра связано с проблемой заимствований. Эта проблема затронута в исследованиях Н. Л. Степанова [23], И. З. Сермана [20, с. 221–279]. Близость басни к фольклору обусловила появление басенных элементов в самых ранних народных произведениях. Большое влияние на развитие жанра басни оказал древнеиндийский сборник новелл и басен «Панчатантра», переизданная в арабском сборнике под названием «Калила и Димна». Не позднее XIII века этот сборник был переведен на русский язык под названием «Стефанит и Ихнилат». Кроме этих нравоучительных сборников, особо выделяют «Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа Индейского», переведенные Б. Волковым в 1762 году. Одна из басен Пельпея нашла отражение и в творчестве В. И. Майкова. Так, как отмечает А. В. Западов, басня «Двое прохожих и клад» является сокращенным переводом басни Пильпея «О двух путешественниках и о льве, сделанном из белого камня» [7, с. 463]. В творчестве В. И. Майкова, для которого первично счастье, известный сюжет получает новое звучание. При этом в морали басни В. И. Майкова мы читаем: «Я зрю, что счастье о нас не рассуждает; / Равно и дураков, как умных, награждает» [13, с. 136]. По мнению поэта, необходимо не задумываться о рисках, а кидаться «в мутную воду» за сокровищем на том берегу, потому что счастье может улыбнуться любому, и если долго сомневаться, то оно может достаться тому, кто готов рискнуть. Всего у В. И. Майкова одиннадцать басен с заимствованным сюжетом из переводных текстов. Однако каждая из них, выйдя из-под пера В. И. Майкова, заиграла новыми смыслами. Известно, что Эзоп писал свои басни ритмизированной прозой, русские же баснописцы, вслед за Федром, тяготели к стихотворной форме. Не стал исключением и В. И. Майков, который в своем творчестве обратился к нескольким басням Эзопа. Так, у Эзопа есть басня «Тело и члены» [25, с. 121], в которой члены взбунтовались и перестали кормить желудок. В результате бунта погибли все. Как отмечает А. В. Западов, в этой басне народ – тело, а монарх ему глава.

«Ежели один член должных главе своей услуг не принесет, то его за такого бунтовщика почитать надлежит, который леностью и ослушанием то ж, что другой равный ему самым делом упускает» [6, с. 206]. На эту же тему, по мнению критика, написал В. И. Майков басню «Голова и ноги». Фабула сводится к ссоре ног между собой и последующему обращению к голове, которая у них была за царя. Совет был дан такой:

*Вы так сотворены премудрою судьбою,
Чтоб жить в согласии вам век между собою.
То если кончится согласие меж вас,
Мне будет вред и вам [13, с. 155].*

Для В. И. Майкова на первый план выходят не роптания народа на несправедливость головы, которая живет за счет других, а споры внутри одинаковых членов – народа. По мнению автора басни, только мир и согласие между равными членами государства-организма может привести к покою. От ссор и споров вред не только царю, но и самому народу. В басне классициста Майкова угадывается традиционный для данного направления образ справедливого и умного правителя-головы.

Другая тема раскрывается русским поэтом в басне «Собака на сене», сюжет которой заимствован из одноименной басни Эзопа. Но если у Эзопа вся басня занимает несколько строк, то у В. И. Майкова она полна деталями, которые не только украшают сюжет, но и расширяют его. Так, В. И. Майков вводит третье действующее лицо – хозяина, в то время как у Эзопа всего два: бык и собака. В русской басне хозяин представлен справедливым человеком, который не дает в обиду тех, кто у него живет. Если у Эзопа мораль-призыв «Живи и жить давай другим», то у В. И. Майкова за жадность собаку ждет расплата: она не только лишена обеда со стола хозяина, но и лишилась своего места и была побита:

*Погнал Собаку с сена,
Притом ей говорил: «Поди-тко, друг мой гость,
Под лавку ляг и там гложи вчерашню кость,
Которая тебе осталась от обеда,
Коль честь тебе не в честь;
Травы тебе не есть,
А ешь-ко то, что ест собака у соседа,
А это дай другим, кто может это есть» [13, с. 165].*

Еще одна басня Эзопа, к сюжету которой обращается В. И. Майков, – «Отец и сыновья». У ярославского баснописца она называется «Отец и Дети». В басне Эзопа рассказывается, что сыновья старика все время ссорились, тогда он на примере веника показал своим детям, что только в том случае, если они будут вместе, ничто не сможет их сломить. В. И. Майков трансформирует басню, вкладывая в нее новый смысл. Так, умирающий старик у поэта говорит своим детям, что зарыл в поле клад, но забыл где. Дети перекопали поле, клад не нашли, зато засеяли пашню и получили хороший доход, когда зерно вызрело. Для поэта важно, что совместный труд всегда возвращается сторицей. Дети у Майкова не только не ссорятся, но и вместе работают и обогащаются:

*Сторично семена к ним с поля возвратились,
И так, искавши клад, они обогатились.
Кто в хлебопашестве хороший знает лад,
Тот подлинно себе находит в поле клад [13, с. 178].*

В басне В. И. Майкова родитель дал своим сыновьям мудрый совет о правилах достойной жизни.

Басня Эзопа «Галка в чужом перье» получила у В. И. Майкова свою трактовку и приобрела национальный колорит. У Эзопа смысл басни сводится к тому, что, взяв чужое и вернув обратно, человек остается с тем, с чего начал. В басне В. И. Майкова «Осел, пришедший на пир к медведю во львиной коже» среди хищников был принят на пиру и Осел, притворившийся львом, но его очень быстро изобличили другие животные и герой басни так же, как и эзопов-

ская Галка, остался ни с чем. Однако очень скоро звери раскрыли обман по его речам и выгнали с пира. Так, известная поговорка, что «Встречают лишь по платью, / проводят – по уму» обросла у поэта различными комическими подробностями: «Покрыв ей [львиной шкурой] стан и рожу», «...не хочется обедать Льву, / Затем, что ел сегодня я траву...» – и динамичным сюжетом от «...Льву почтение достойное отдать» через «...с ним Лиса вступила в разговоры...» до «Прогнали гостя вон...» [13, с. 168–169].

Известно, что басни Эзопа отличались ритмичностью, возможно, были стихотворными, и уже позднее, в пересказах, обрели эпическую форму. Это способствовало многократному их переложению. Одним из авторов, обратившихся в своем раннем творчестве к басням Эзопа, был Федр, ставший основоположником латинской стихотворной басни [26, с. 27]. В 1764 году в Петербурге появляются «Федра, Августова отпущенника, нравоучительные басни, с Эзопова образца сочиненные, а с латинских российскими стихами переложенные Академии наук переводчиком Иваном Барковым» [4]. В своих поздних баснях-притчах Федр обращается не только к сюжетам, заимствованным у Эзопа, но и к самобытным. Так, у Эзопа есть басня «Лев и медведь», у Федра на этот сюжет написана басня «Корова и коза, овца и лев», а у В. И. Майкова – «Медведь, волки, лисица». Все три автора вносят в басни, имеющие схожий сюжет, свою интерпретацию. Так в басне Эзопа лисица украла добычу, ради которой медведь и лев сражались между собой. Лиса представляет собой хитрого человека, получившего награду без труда. Согласно Эзопу, иногда награда за труды достается не тому, кто ее заслужил. Федр придает своей басне другое звучание. Там награда достается самому сильному. Лев отбирает добычу у тех, кто с ним охотился. У Майкова в басне появляется не только мотив силы, но и с появлением лисы мотив хитрости. В его басне соединяются мотивы, предложенные Федром и Эзопом. Волк, Лиса и Медведь вышли на охоту, но нашли кусок ветчины. Лиса хотела обманом завладеть добычей, предложив отдать ее тому, кто самый старый.

*Так станем разбирать мы лета, не чины, –
Лиса сказала, –
И кто постаре в сем чину,
Тот ешь и ветчину
Но медведь забрал кусок силой:
Любезная Лиса и ты, дружочек мой,
Хотя я вас моложе
И нету у меня волос седых на коже,
Подите от меня бесспорно вы домой,
А полоть мой [13, с. 147].*

В. И. Майков показывает в этой басне, что не всегда хитростью можно добиться необходимого результата. Часто в жизни бывает, что «кто сильнее, тот и прав».

В. И. Майков был знаком с творчеством этого баснописца в изложении Д. И. Фонвизина и на сюжет двух басен написал свои. Так, первой басней стала «Козел и жемчужная раковина». В басне В. И. Майкова, со схожим сюжетом, используются просторечные слова «дурак» и «тварь глупая», кроме того, если Д. И. Фонвизин использует прозаическую форму, то у В. И. Майкова басня приобретает стихотворную. Вторая басня Гольберга в переложении Д. И. Фонвизина, на которую обратил внимание В. И. Майков, – «Лошадь знатной породы». В интерпретации В. И. Майкова – «Конь знатной породы». И снова мы встречаем замену прозаической формы стихотворной, появляются дополнительные детали:

*Конь, будто дворянин,
Пьет, ест, гуляет в поле
И поднимает нос.
Другой, всегда в неволе,
Таскает на себе грязь, воду и навоз [13, с. 145].*

Если в басне Гольберга мы читаем, что лошадь сама жаловалась на свою низкую цену, то у В. И. Майкова на цену коню указывает сам хозяин, говоря, что значимость не в знатности, а в том, что из себя представляет сам конь. По мнению Гольберга и В. И. Майкова, суть человека определяет не его происхождение, а то, чем он сам является.

В своем творчестве Лафонтен обращался к басням Эзопа и Федра. В. И. Майкова заинтересовали три из них: «Лягушки, просящие царя» и «Медведь, волки, лисица» и «Эзопово объяснение одного завещания». Особенный интерес представляет басня «Лягушки, просящие царя». Лягушки у В. И. Майкова понимают, что без царя у них не может быть нормальной жизни. В басне Майков не смеется и не иронизирует над лягушками. Их позиция относительно власти адекватна: «У нас / На всякий час / Друг дружку ненавидят; / Бессильных сильные обидят; / А сильный сильного считает за врага... / ...И словом, все у нас наполнилось сим ядом; / Мы стали фурии, болото стало адом» [13, с. 137]. Из этого примера видно, что просьба о царе для лягушек – единственный выход из гнетущей ситуации. У Майкова отношение лягушек к власти созвучно авторскому мировоззрению. Поэт считал, что любая власть должна быть основана на справедливости и чести, поэтому лягушки у автора пытаются найти себе хорошего царя, потому что, как отмечает К. А. Абульханова, «идеи, возникающие на российской почве, всегда были замешаны на вере и психологии, будь то вера в Христа, поиск вечной справедливости или коммунизма» [1, с. 153].

Г. В. Москвичева отмечает, что В. И. Майков сначала комически изображает лягушек, но с появлением второго «царя» повествование принимает трагический характер. Автор рассказывает басню так, как будто сам верит в реальность данного случая [15, с. 174].

Будучи низким жанром, самобытная русская басня не избежала влияния народного фольклора. А. А. Потебня отметил генетическое родство басни с пословицей и поговоркой [17]. И. Снигирев в предисловии к «Русским народным пословицам и притчам» отмечал: «Как многие притчи и басни сократились в пословицы... так равно последние развиты в баснях и притчах» [21, с. 31]. Близость к таким жанрам фольклора, как сказки (особенно сказки о животных), новеллы, анекдоты, пословицы и сентенции, отмечена в литературной энциклопедии А. Н. Николюкина [9, с. 73–74].

В басне «Неосновательная боязнь» В. И. Майков сам сравнивает свою басню со сказкой: «На этот случай я хочу сказать вам сказку...» [13, с. 176]. Сюжет басни незамысловат. Боярин, вслед за многими, боится умереть от удара молнии, поэтому, заметив грозовое облако, так спешит домой, что его коляска налетает на камень и сам он погибает. Автор в этой басне не только не использует сказочный сюжет, но, напротив, сближает его с жизнью. Мотив рока, судьбы проходит через всю басню: «А от судьбы никто не спрячется нигде» [13, с. 176]. Высмеивая суеверный страх боярина перед грозой, автор сравнивает героя своей басни со старухами, мнящими, что храмы горят, потому что дьявол прячется там от грома. Сближение этой басни со сказкой вызвано не структурной близостью басни или типами героев, а выдуманным сюжетом. Заявляя сразу, что познакомит читателя со сказкой, В. И. Майков условно готовит читателя, что такого случая не было, а совпадения случайны, но читающие понимают, что сюжет более чем реалистичен.

Жанровая близость басен к устному народному фольклору наблюдается и в ее сюжетах, основанных на народных анекдотах и сатирических рассказах. Басней, основанной на распространенном анекдоте, стала басня В. И. Майкова «Случай». В этой басне голодному Прохожему приснилась еда, но ложку он в мешке забыл. Проснувшись, Прохожий в надежде, что сон повторится, берет с собой за пазуху ложку. В. И. Майков смеется над героем своей басни, указывая, что если возможность упущена, то уже никогда ею не воспользоваться [13, с. 172].

XVIII век – век просвещения. Народные приметы и суеверия высмеиваются В. И. Майковым в нескольких баснях. Например, в басне «Наказание ворожее» автор высмеивает деревенскую ведьму, обладавшую колдовской силой: «Она могла луну лишати света, / Деревья иссушать средь лета, / Чрез дьявольскую мочь / Из дня творила ночь, / А по зимам цветы произрастала...» [13, с. 141], которая потеряла любимую собачку и из-за этого решила уничтожить весь свет. Но после колдовства ворожеей в ее дом ударила молния и героиня басни погибла. В. И. Майков пишет, что таких ворожей, которые думают только о себе, в мире много. Однако внимательный читатель понимает, что такие люди не заслуживают долгой и счастливой жизни.

Не только сказочные мотивы ложатся в основу басен В. И. Майкова. Как отмечает А. В. Западов в комментариях к басне «Повар и портной», баснописец перерабатывает сюжет известной народной песни «Ехал Пан», в которой Пан встречается с молодой красивой девушкой. В. И. Майков сталкивает Пана сначала с поваром, а затем с портным. Однако если в басне повар получает за знание своего дела денежную награду, то выдающий себя за повара портной, который не знает особенности поварской профессии, получает в награду удары плетью. Так, В. И. Майков, используя ту же двучастную структуру, что и в песне, обыгрывает сюжет и показывает важность не только знания особенностей своего дела, но и подчеркивает, что за ложь бывает наказание.

Кроме сказочных сюжетов, обращался В. И. Майков и к древнерусским повестям. Так, в основу басни «Дуб и мышь» лег сюжет притчи из древнерусской повести о Варлааме и Иосафате. В притче рассказывается о человеке, который, спасаясь от разъяренного единорога, упал в яму. Пока падал, уцепился руками за корни дерева, которые подгрызали мыши; ногами уперся в четырех аспидов; внизу его ждал дракон, а сверху стекал мед. В интерпретации Валаама, каждый элемент имеет свое значение. Так яма, в которую упал человек, – это мир, а мыши, грызущие корни дерева, – это человеческая жизнь, которая постоянно уменьшается, сменяемая днем и ночью. В. И. Майков заимствует образ дерева как источника жизни и добавляет в значение, данное Валаамом, характерный для классицизма оттенок успешности и признанности заслуг человека: «Дуб горд, велик, надежен, / Толст, крепок и широк...» [13, с. 174]. Баснописец сочетает мотив старости и смерти и мотив падения человека по «карьерной лестнице»: «Где, Дуб, твоя краса? Она уже увяла, / И ты, скатясь на низ, поверженный лежишь» [13, с. 174]. Автор подчеркивает, что неважно, насколько человек силен, богат, здоров: «А рок на свете всем и вами обладает» [13, с. 174].

Среди басен В. И. Майкова можно выделить басни-напутствия, в которых сказочный, выдуманный сюжет коррелируется с жизненными ценностями автора. Так, в басне «Земля и облако» маленькое облачко не послушалось матери и погибло, вознесясь к небесам. Автор советует прислушиваться к старикам. В другой басне «Детина и конь» автор советует: «Кто в юности пороки побеждает, / тот в старости свой век спокойно провожает» [13, с. 153]. Здесь жизнь человека сравнивается с лошадыю. Кто скачет разнузданно и не ограничивает себя, тот не может избежать встречи с «ворами» – болезнями, жизненными неурядицами.

Тема дружбы и успеха становится объектом рассмотрения в басне В. И. Майкова «Солнце и луна». В басне встречаются Солнце и Луна. Одно сияет как «великий господин», вторая говорит о себе: «А я хожу в странах небесных, / Нимало не мрача / Сиянья звезд прелестных, / Сама меж них блещу, как ясная свеча» [13, с. 179]. В этой басне впервые В. И. Майков задается вопросом, что важнее: сиять одному и не иметь друзей или жить в тиши с друзьями. Позднее этот мотив разовьется в оде «Графу Г. З. Чернышову». Будучи человеком придворным, В. И. Майков вслед за темой дружбы не мог не задуматься над темой лести и льстецов. В басне «Кошка и соловей» кошка притворяется другом птичке, а потом съедает ее. В басне «Лестные друзья» автор сравнивает дружбу с такими людьми с ездой по тонкому льду, который лишь казался твердым и прочным. В. И. Майков пишет: «Разрушился сей лед внезапно подо мной, / И я, конечно бы, покрывлся глубиной, / Когда б с младенчества я плавать не учился» [13, с. 156]. Из этих строк мы можем предположить, что В. И. Майков столкнулся с другом-льстецом, но его природный ум и жизненный опыт помогли ему: «Я выплыл, и опять я выбился на лед» [13, с. 156].

Тема ума – одна из ключевых в творчестве В. И. Майкова. Как отмечает Г. В. Москвичева, В. И. Майков «верит в силу человеческого разума» [15, с. 159]. Так, в басне «Роза и Ананас» цветок настаивает на том, что он красивый, ароматный и всех прельщает. Однако автор подчеркивает, что важна не внешняя красота, которая быстротечна, а внутренняя, как у Ананаса. Поэт пишет: «Когда ж краса минется, / Тогда единый ум при нас лишь остается» [13, с. 174]. Еще одна басня, которая воспеваема ум человека, – «Лисица и бобр». В басне рассказывается о глупой лисице, которая хвастается, что Юпитер все отдал зверям, а «для человека лишь один оставлен ум» [13, с. 166]. Частица *лишь* в высказывании лисы подчеркивает никчемность дара Юпитера человеку и усиливается следующей фразой лисицы: «Какая для него оставлена безделка!» [13, с. 166]. Выразителем авторской позиции в басне является бобр, который понимает, что для зверей ум человека не кончится добром. В морали В. И. Майков пишет, что «качества души телесных сил дороже» [13, с. 167]. Так для автора басни ум – это качество души.

Известно, что В. И. Майков был помещиком, поэтому в его творчестве возникает еще одна самобытная тема – тема сохранения имущества. Так, в басне «Медведь и волки» автор сравнивает медведя, который, спасаясь от волков, из-под себя стог с сеном весь повыдергивал, с неграмотным хозяином, который не сберегает свое имение, потому что у него нет денег на самое необходимое. И в морали автор предупреждает: «Кто, не радя, свое имение расточает, / Тот жизнь свою в скорбях и бедности кончает» [13, с. 172]. Басня «Сорока, Галка и Соя», основываясь на народной примете, напоминает, что необходимо оберегать свое добро от сорок, которые любят серебро. По сюжету басни Соя и Галка нашли мешочек серебра и позвали Сороку рассудить, чей он. Но, как и в басне Эзопа «Медведь, Волк и Лиса», награда досталась не тому, кто заслужил, а тому, кто хитростью ее смог в последний момент добыть.

Тема власти раскрывается В. И. Майковым в басне «Иголка и нитка», в которой иголка желала стать повелительницей нитки. Однако нитка возразила, что обе они подвластны портному. Автор басни подчеркивает, что любой, наделенный властью, должен помнить о существовании высшей власти – божественной. Именно Бог наделяет того или иного властью: «...всяка власть от бога». Продолжая эту злободневную тему, В. И. Майков пишет басню «Общество», в которой ставит в один ряд крестьянина, князя, солдата, купца и мастерового. Для монарха все подданные являются детьми и каждый из них, по мнению писателя, любим монархом и важен для общества.

Тема личных заслуг также близка В. И. Майкову. В басне «Лев, званный к мартышке на прием» подчеркивается, что ни золотые рога, ни хвостовство быка о знатности его рода не вселили в мартышку благоговейный страх, на который рассчитывал Бык. Она говорит: «...Льва лишь почитаю, / Издревле знаменит здесь в роде он своем, / А храбростью своей гремит во свете всем» [13, с. 159]. Для мартышки так же, как и для автора, значимыми являются не внешность и не знатность, а храбрость и личные заслуги. В басне «Корабль и лодка» В. И. Майков подчеркивает, что потомки знатных вельмож давно ведут праздный образ жизни и предаются порочным страстям, они могут только хвалиться. В дни бурь только сильный духом может выстоять: «Великая душа в напастях познается, \ Какая от небес не каждому дается» [13, с. 158]. Тема творчества раскрывается поэтом в басне «Сова». В ней В. И. Майков высмеивает своих литературных оппонентов. Автор отмечает, что некоторые считают себя истинными творцами, не понимая своей бездарности. Автор пишет: «Кто дело сил своих превыше затевает, / Тот так же посрамлен, как Совушка, бывает» [13, с. 157]. Этой же теме посвящена еще одна басня «Роза и змея». Здесь автор говорит о том, что сатира должна быть, как роза, и жалить с умом, а не быть подлой, как Змея, источающая яд. В басне «Пчела и змея» поэт подчеркивает, что и та и другая пьют цветочный сок, но у одной выходит мед, а у другой – яд. Так и у людей: один из книг, по мнению автора басни, берет только самое полезное, другой, напротив, только вред.

Тема воровства и мздоимства раскрывается в басне «Вор и подъячий», в которой пойманный вор говорит своему судье: «Когда родитель твой жил очень небогато, / Откуда ж у тебя сие взялося золото? / Разбойник я ночной, / А ты дневной» [13, с. 148]. Для В. И. Майкова взяточничество – тоже кража. Автор считает, что избавиться от краж и воров можно только в случае реального наказания. Так, в басне «Вор», в которой вор украл ремень, именно этим ремнем провинившийся и был лишен жизни. Автор говорит: «Когда по истине дела вершиться станут, / Так воровать навек злодеи перестанут» [13, с. 137]. Другой выход В. И. Майков предлагает в басне «Рыбак и щука». Автор призывает побережь себя, потому что порок, свойственный человеку, станет его же погибелью. Эта басня особенно интересна тем, что она единственная, где В. И. Майков использует ихтиологический образ Щуки. А. А. Агафонова отмечает, что В. И. Майков первым среди баснописцев XVIII века обратился к данному архетипическому образу человеческих пороков [2]. В традиционный для русской литературы образ В. И. Майков добавляет усиленное внимание к личностным характеристикам персонажа.

Стоит заметить, что как переводные, так и авторские басни В. И. Майков, будучи учеником сумароковской школы, пишет вольным ямбом, как правило, мораль басен находится в конце. Кольцевая композиция используется автором в басне «Лестным друзьям», в которой автор и в начале, и в конце просит льстецов избавить его от своей дружбы. В басне «Медведь, волк и лиса», а также «Ответ Нерону» автор переносит наставление в начало повествования. В ряде басен мораль вплетена в текст повествования и не выделена в особую часть.

Список литературы

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : Избранные психологические труды. М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 1999. 224 с. URL: http://pedlib.ru/Books/4/0171/4_0171-153.shtml (дата обращения: 19.04.2020).
2. Агафонова А. А. Ихтиологические образы в сатире XVIII века // Молодой ученый. 2015. № 9.1 (89.1). С. 59–61. URL: <https://moluch.ru/archive/89/18539> (дата обращения: 19.04.2020).
3. Барков И. С. Полное собрание стихотворений. СПб. : Академический проект, 2005. URL: http://az.lib.ru/b/barkow_i_s/text_1764_fedra_avgustova.shtml (дата обращения: 19.04.2020).
4. Виндт Л. Ю. Басня Сумароковской школы. Поэтика. Л., 1926.
5. Желябужский Е. Д. Русская басня в жизнеописаниях ее главных представителей : И. И. Хемницер, И. И. Дмитриев и дедушка Крылов. 2-е изд., доп. и испр. М. : Тип. и лит. Торлецкого и Терихова, 1874. VI. 114 с.

6. *Западов А. В.* Комментарии: В. И. Майков. Двое прохожих и клад // Избранные произведения / В. И. Майков. М. ; Л. : Советский писатель, 1966. С. 457–458.
7. *Западов А. В.* Творчество В. И. Майкова // Избранные произведения / В. И. Майков. М. ; Л. : Советский писатель, 1966. С. 5–52.
8. *Лебедев Е. И.* Крылов // История всемир. литературы : в 8 т. М. : АН СССР ; Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького, 1983–1994. Т. 6. С. 303–306.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина ; Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. М. : Интелвак, 2001. 1600 с.
10. Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 1. М. : Изд-во Ком. Акад., 1930. Стб. 359–364. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le1/le1-3591.htm>.
11. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М. ; Л., 1952. Т. VII.
12. *Лотман Ю. В.* Анализ поэтического стиля. Структура стиха. М. : Наука, 1972. 217 с.
13. *Майков В. И.* Избранные произведения. М. ; Л. : Советский писатель, 1966. (Библиотека поэта; Второе издание).
14. *Майков Л. Н.* О жизни и сочинениях Василия Ивановича Майкова. Санкт-Петербург : Тип. И. И. Глазунова, 1867. 56 с.
15. *Москвичева Г. В.* Русский классицизм. М. : Просвещение, 1986. 191 с.
16. *Остолопов Н. Ф.* Словарь древней и новой поэзии. Санкт-Петербург : типография Императорской Российской Академии, 1821. Ч. 1. 531 с.
17. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. М. : Высшая школа, 1990.
18. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М. : Институт психологии РАН, 1997. 336 с.
19. *Салова С. А.* «Притчи» А. П. Сумарокова (1762): продолжение русского «спора об Анакреонте» // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 4. С. 1773–1776.
20. *Серман И. З.* Крылов-баснописец // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества : сб. ст. Л. : Наука, 1975. С. 221–279.
21. *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 528 с.
22. *Степанов Н. Л.* Мастерство Крылова-баснописца. М. : Советский писатель, 1956.
23. *Степанов Н. Л.* Басни Крылова. М. : Художественная литература, 1969. 110, [2] с.
24. *Филимонова П. В.* Особенности жанра басни в поэтической системе М. Н. Муравьева (1757–1807) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2014. № 2 (126). С. 119–121.
25. *Эзоп.* Басни. 138 с. Книга без титульного листа и обложки, книга на русском, немецком и французском языках с непрономерованными иллюстрациями. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004494649#?page=1> (дата обращения: 19.04.2020).
26. *Энциклопедический словарь юного литературоведа* / сост. В. И. Новиков. М. : Педагогика, 1988. 416 с.

Thematic and aesthetic originality of fables by V. I. Maikov

O. A. Meteleva

postgraduate student of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods,
Vyatka State University, Russia, Kirov. E-mail: olesyaste@mail.ru

Abstract. The article deals with the actual problem of studying the national specifics of classical genres. The genre of fables on Russian soil underwent serious changes in the 1760s. During this period, the fable is enriched with original national features. V. I. Maikov made a great contribution to the development of this genre.

The purpose of the article is an attempt to systematize the fable creativity of V. I. Maikov from the point of view of the originality of the plot, the main themes and images, genre and compositional features.

The research methodology is based on the basic principles and concepts of a holistic literary analysis of a literary text using the cultural-historical, intertextual, comparative-typological method.

The research proves that V. I. Maikov's fables – both with borrowed and original plot-are original, revealing the ideology of the era of Russian classicism through national color, reflected in the system of images, language phenomena, rhythmic drawings and in the construction of the composition. The article notes the proximity of fables with original subjects of Russian folklore: fairy tales, old Russian stories, sayings. A fable based on the plot of a folk song is considered. The author of the article notes that even the story borrowed from Russian folklore by V. I. Maikov gets a new sound. The article reveals the thematic diversity of V. I. Maikov's fables. The leading themes of fables are power, friendship, creativity, material well-being, and rational existence.

The results of the research can be used in theoretical works that address the analysis of the fable creativity of poets, transitional phenomena and genre transformations in literature, as well as in the practice of teaching the history of Russian literature.

Keywords: fable, Russian poetry of the XVIII century, genre system of classicism, genre synthesis, traditions and innovation in literature, literature and folklore.

References

1. Abul'hanova K. A. *Psihologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noj lichnosti) : Izbrannye psihologicheskie trudy* [Psychology and consciousness of personality (Problems of methodology, theory and research of real personality) : Selected psychological works]. M. Moscow psychological and social Institute ; Voronezh. MODEK. 1999. 224 p. Available at: http://pedlib.ru/Books/4/0171/4_0171-153.shtml (date accessed: 19.04.2020).
2. Agafonova A. A. *Ihtiologicheskie obrazy v satire XVIII veka* [Ichthyological images in satire of the XVIII century] // *Molodoy uchenyj – Young scientist*. 2015. No. 9.1 (89.1). Pp. 59–61. Available at: <https://moluch.ru/archive/89/18539> (date accessed: 19.04.2020).
3. Barkov I. S. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete collection of poems]. SPb. Academicheskij proect. 2005. Available at: http://az.lib.ru/b/barkov_i_s/text_1764_fedra_avgustova.shtml (date accessed: 19.04.2020).
4. Vindt L. Yu. *Basnya Sumarokovskoj shkoly. Poetika* [Fable of the Sumarokov school. Poetics]. L. 1926.
5. Zhelyabuzhskij E. D. *Russkaya basnya v zhizneopisaniyah ee glavnyh predstavitelej : I. I. Hemnicer, I. I. Dmitriev i dedushka Krylov. 2-e izd., dop. i ispr.* [Russian fable in the lives of its main representatives : I. I. Chemnitzer, I. I. Dmitriev and grandfather Krylov. 2nd ed., add. and corr.] M. Tip. and lit. Terletskogo and Terehova. 1874. VI. 114 p.
6. Zapadov A. V. *Kommentarii: V. I. Majkov. Dvoe prohozhih i klad* [Comments: V. I. Maikov. Two passers-by and a treasure] // *Izbrannye proizvedeniya – Selected works / V. I. Maikov. M. ; L. Sovjetskiy pisatel'. 1966. Pp. 457–458.*
7. Zapadov A. V. *Tvorchestvo V. I. Majkova* [Creativity of V. I. Maikov] // *Izbrannye proizvedeniya – Selected works / V. I. Maikov. M. ; L. Sovjetskiy pisatel'. 1966. Pp. 5–52.*
8. Lebedev E. I. *Krylov [Krylov] // Istoriya vsemir. literatury : v 8 t. – The history of the world literature : in 8 vols. M. AS SSSR ; In-t of world lit. n. a. A. M. Gorky. 1983–1994. Vol. 6. Pp. 303–306.*
9. *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij – Literary encyclopedia of terms and concepts / ed. A. N. Nikoljukin ; In-t of scient. information on Social Sciences. M. Intelvak. 2001. 1600 p.*
10. *Literaturnaya enciklopediya : v 11 t. T. 1 – Literary encyclopedia : in 11 vols. Vol. 1. M. Publ. of Com. Akad. 1930. Col. 359–364. Available at: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le1/le1-3591.htm>.*
11. *Lomonosov M. V. Poln. sobr. soch. [Full collection of works]. M. ; L. 1952. Vol. VII.*
12. Lotman Yu. V. *Analiz poeticheskogo stilya. Struktura stiha* [Analysis of poetic style. Structure of verse]. M. Nauka. 1972. 217 p.
13. *Majkov V. I. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. M. ; L. Sovjetskiy pisatel'. 1966. (Poet's library; Second edition).*
14. *Majkov L. N. O zhizni i sochineniyah Vasiliya Ivanovicha Majkova [About the life and works of Vasily Ivanovich Maikov]. SPb. I. I. Glazunov typ. 1867. 56 p.*
15. *Moskvicheva G. V. Russkij klassicizm [Russian classicism]. M. Prosveshchenie. 1986. 191 p.*
16. *Ostolopov N. F. Slovar' drevnej i novoj poezii [Dictionary of ancient and new poetry]. SPb. Printing house of the Imperial Russian Academy. 1821. Part 1. 531 p.*
17. *Potebnya A. A. Iz lekcij po teorii slovesnosti Basnya. Poslovica. Pogovorka [From lectures on the theory of literature Fable. Proverb. Saying] // Teoreticheskaya poetika – Theoretical poetics / A. A. Potebnya. M. Vysshaya shkola. 1990.*
18. *Rossijskij mentalitet: voprosy psihologicheskoy teorii i praktiki – Russian mentality: issues of psychological theory and practice / ed. by K. A. Abulkhanova, A. V. Brushlinsky, M. I. Volovikova. M. Institute of psychology RAS. 1997. 336 p.*
19. *Salova S. A. "Pritchi" A. P. Sumarokova (1762): prodolzhenie russkogo "spora ob Anakreonte" ["Proverbs" by A. P. Sumarokov (1762): the continuation of the Russian "dispute about Anacreon"] // Herald of the Bashkir University. 2012. Vol. 17. No. 4. Pp. 1773–1776.*
20. *Serman I. Z. Krylov-basnopisec [Krylov-fabulist] // Ivan Andreevich Krylov. Problemy tvorchestva : sb. st. – Ivan Andreevich Krylov. Problems of art : collection of articles. L. Nauka. 1975. Pp. 221–279.*
21. *Negirev I. M. Russkie narodnye poslovy i pritchi [Russian folk proverbs and parables] / ed. by O. A. Platonov. M. Institute of Russian civilization. 2014. 528 p.*
22. *Stepanov N. L. Masterstvo Krylova-basnopisca [Skill of Krylov the fabulist]. M. Sovjetskiy pisatel'. 1956.*
23. *Stepanov N. L. Basni Krylova [Fable]. M. Hudozhestvennaya literatura. 1969. 110, [2] p.*
24. *Filimonova P. V. Osobennosti zhanra basni v poeticheskoy sisteme M. N. Murav'eva (1757–1807) [Features of the fable genre in the poetic system of M. N. Muravyov (1757–1807)] // Omskij nauchnyj vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk scientific herald. Series: Society. History. Modernity. 2014. No. 2 (126). Pp. 119–121.*
25. *Aesop. Basni [Fables]. 138 p. A book without a title page or cover, a book in Russian, German, and French with unnumbered illustrations. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004494649#?page=1> (date accessed: 19.04.2020).*
26. *Enciklopedicheskij slovar' yunogo literaturoveda – Encyclopedic dictionary of young literary critic / comp. V. I. Novikov. M. Pedagogika. 1988. 416 p.*

Мифопоэтика повести Н. Ф. Павлова «Маскарад»

Г. Т. Мельникова

аспирант, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина.
Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: gala.10@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается повесть Н. Ф. Павлова, писателя, который оказался в числе «забытых», хотя в литературном процессе тридцатых годов XIX века он признавался как талантливый переводчик, критик, поэт, прозаик, а впоследствии и издатель первой газеты для бедных «Русские ведомости».

В центре исследования – анализ мифопоэтики повести «Маскарад» (1835, публикация 1839). Интерес к этому произведению определяется вниманием писателей этого периода (М. Ю. Лермонтова, В. А. Соллогуба, В. Ф. Одоевского и др.) к жизни аристократического общества и художественному воплощению размышлений о ней, прежде всего, в жанре светской романтической повести.

В работе использованы сравнительно-сопоставительный, биографический, историко-культурный методы исследования.

В ходе анализа автор статьи показывает многочисленные обращения Павлова к мифологическим образам и мотивам. Образ маскарада определяется не только средневековой карнавальской традицией, но и национальной фольклорно-мифологической основой, связанной с праздниками рождественского цикла. Охарактеризованы типы героев повести: главная героиня своей ослепительной красотой сопоставляется с древнеримскими богинями Дианой и Авророй, душевной холодностью – с античной статуей; таинственная маска старухи связана со славянской мифологией, а в образе Левина представлен очередной тип «лишнего человека», занимающий промежуточное положение между Онегиным и Печориным. Также рассмотрен ряд важных мифологем (небо, звезды, огонь), общекультурные и христианские символы (ключ, зеркало, растительная и цветовая символика), «бинарные оппозиции» (добро – зло, красота – безобразие и др.). Подобные образы и мотивы встречаются в произведениях современников Павлова (Лермонтова, Соллогуба и др.).

Результаты исследования могут быть применены при изучении жанрового своеобразия светской романтической повести, при анализе мифологических составляющих поэтики произведения.

Ключевые слова: мифология, символика, светская повесть, образ, мотив.

Николай Филиппович Павлов (1805–1864) вошел в историю русской литературы как переводчик, критик, издатель, поэт и автор двух прозаических сборников. Написанные в жанре светской повести, произведения Павлова несут в себе основные черты романтической поэтики. Однако многие критики и исследователи как XIX, так и XX века (В. Г. Белинский, Л. М. Крупчанов, К. Н. Григорьян, Н. М. Зудина) отмечали явную реалистическую направленность его прозы и переходный характер творчества в целом. Анализ произведений, написанных на стыке двух направлений, изучение их художественных особенностей представляет особый интерес. Исследование творчества автора «второго плана», чье имя мало известно современным читателям, углубляет понимание роли и значения таких писателей в развитии литературного процесса первой половины XIX века.

Повесть «Маскарад» (1835) открывает второй сборник Павлова «Новые повести», опубликованный в 1839 году. Несмотря на то что он был встречен не так восторженно, как первый («Три повести» (1835)), исследователи отмечают, что и здесь Павлов «оставался верен своим прежним художественным принципам и взглядам на современное ему общество как на «больное» [6, с. 11]. Заостренность социальных конфликтов, на которую обратили внимание читатели и критики в «Трех повестях», в произведениях второго сборника приглушается. Критический пафос уступает место глубокому психологизму. На это указывал, например, Н. А. Трифонов: «Для повестей Павлова характерно стремление к углубленному психологическому анализу» [5]. Говоря о «Новых повестях», Е. Ю. Пушкарева отмечала, что «Н. Ф. Павлов углубляет психологизм, усиливает пессимистическую атмосферу» [16, с. 64].

В философии, искусстве и эстетике конца XVIII – начала XIX века широкое развитие получило учение о мифе. Особенностью романтизма, расцвет которого пришелся на этот период, был интерес к фольклору и мифу как проявлению высшей художественности [9, с. 562].

Романтическая концепция мифа была наиболее полно реализована в философских трудах Ф. Шеллинга, который писал: «Мифология есть необходимое условие и первичный материал для всякого искусства» [21, с. 105].

Существует множество определений мифа, сложились разные подходы к пониманию его природы. Однако большинство исследователей отмечали связь мифа с ритуалом (А. Н. Афанасьев, Д. Фрэзер, В. Н. Топоров, Е. М. Мелетинский, К. И. Шарафадина и др.) и архетипом (К. Г. Юнг, К. Леви-Стросс, Е. М. Мелетинский, Е. М. Щепановская и др.). Многие ученые в области эстетики и литературоведения (Ю. Б. Борев, А. Никифоров, Е. М. Мелетинский и др.) рассматривают миф как форму перехода от магических реалий к художественной реальности [2, с. 312], от магии к искусству. А. С. Козлов, характеризуя современную мифологическую критику, говорил «о мифе как решающем факторе для понимания всей художественной продукции человечества, древней и современной» [9, стб. 562]. Тесную связь мифа и литературы отмечал А. Ф. Лосев, утверждая, что «мифологическими образами наполнены решительно все литературы, и древние, и новые, и новейшие» [10, с. 443–444]. Это объясняет интерес к особенностям сюжета и образной системы произведения, связанных с мифологией.

Мифопоэтика – часть общей поэтики текста, определяющей его художественное своеобразие. По определению С. П. Белокуровой, «в современном значении термин мифопоэтика можно истолковать как исследование “проекции” мифа (мифологического сюжета, образа, мотива и т. д.) на произведение» [1]. Иногда мифологические составляющие присутствуют в произведении явно в виде образов, сравнений и т. п., но зачастую мифопоэтический смысл становится ясен лишь при внимательном изучении и анализе текста.

«Новые повести» имеют общий эпиграф: «Не испытай сердца человеческого» (из законов Ману). Он отсылает читателя к предписаниям добродетели, составленным Ману – так в древнеиндийской мифологии именуется первопредок, прародитель людей [12, с. 336]. Таким эпиграфом автор дал понять, что обратился к сердечным драмам, трагическим испытаниям, которые сопровождают человека с первых дней. Нередко они обнаруживаются в «сердце человеческого» безысходность, закрывающую его для жизни, добра и любви. Своих героев Павлов проводит через испытание любовью («Маскарад»), деньгами («Демон»), любовью и деньгами одновременно («Миллион»).

Названием первой повести – «Маскарад» – Павлов дает установку на праздник, игру, интригу и обман. В русской культуре маскарад закрепился не столько в виде продолжения традиций средневекового карнавала, сколько в виде балов-маскарадов с переодеванием в костюмы и маски. К мотиву маскарада обращались А. С. Пушкин («Евгений Онегин»), Е. А. Баратынский («Цыганка»), В. Ф. Одоевский («Княжна Зизи»), В. А. Соллогуб («Большой свет»), Е. А. Ган («Идеал») и др.; в название произведений образ маскарада выносили М. Ю. Лермонтов («Маскарад»), В. Д. Дмитриев («Маскарад»), В. А. фон Роткирх («Мертвец в маскараде») и др. Пушкин задает традицию критического изображения маскарадности жизни, воплощенной в образе ослепляющего праздника, на котором под маской внешней роскоши прячется духовная нищета. В VIII главе романа в стихах «Евгений Онегин» (1830) Татьяна готова отдать «Всю эту ветошь маскарада, / Весь этот блеск, и шум, и чад...» [17, с. 168] за простые, близкие душе вещи и искренние чувства.

Повесть Павлова начинается описанием бала-маскарада, проходившего «в первых числах прошлого января в одном из старинных домов Москвы» [14, с. 104]. Время от Рождества (25 декабря / 7 января) до Крещения (6/19 января) – особые святочные недели, которые раньше включали и празднование Нового года. Особое мифологическое значение святок в народном календаре определяется «пограничным» характером этого периода [18, с. 427], когда происходит поворот солнца с зимы к лету, смена одного года другим, и в мир приходит Спаситель. С одной стороны, святки – это веселье, праздник, традиционно сопровождавшийся народными гуляньями, ряжением, колядками, недаром и разгар московского сезона балов наступал в этот период. С другой стороны – это опасная пора разгула нечистой силы, явления душ умерших, выпущенных Богом в честь рождения сына, магическое, волшебное время. Обращение к святочному периоду, присутствие необычных, таинственных персонажей, мистицизм – все это роднит «Маскарад» Павлова с жанром святочного (рождественского) рассказа, расцвет которого начинается с конца 1820-х – начала 1830-х годов. К нему обращались Н. А. Полевой, А. А. Бестужев-Марлинский, Н. В. Гоголь, В. Д. Дмитриев, Е. Баратынский и др.

В изображении бала-маскарада, где царит «блестящая суматоха..., великолепное разнообразие костюмов, женская красота» [14, с. 104] чувствуется радостное настроение рожде-

стенского праздника. В тексте можно найти все основные составляющие маскарада [15, с. 25], которые определяли его эстетику: роскошная танцевальная зала, маскарадные костюмы и маски, театральность, наигранность поведения участников. Павлов упоминает маски-аллегии (История – правда, Повесть – обман), маски и костюмы героев итальянской комедии дель арте (черная венециана Левина, домино), костюмы разных национальностей (еврейка, турчанка, черкешенка).

В тот же год, что и Павлов, М. Ю. Лермонтов пишет одноименную драму «Маскарад» (1835). В произведении определены время и место бала: «Ведь нынче праздники и, верно, маскарад / У Энгельгардта» [7, с. 75]. Слова Нины о катании в санях подтверждают, что события разворачиваются в зимние дни, в период святок. Лермонтов практически не дает описания бала: упоминается несколько мужских и женских масок, под одной из них узнается баронесса Штраль в костюме домино, под другой – Нина, потерявшая браслет; в толпе гостей Арбенин замечает даму в костюме турчанки. Нет и атмосферы рождественского праздника. На первый план выходят интриги, игра, скрытые пороки и желания. Арбенин дает характеристику происходящему, в которой содержится параллель с маскарадом в рамках традиции карнавала: «И если маскою черты утаены, / То маску с чувств снимают смело» [7, с. 76].

Более близко павловскому описанию сцены бала-маскарада в повести В. А. Соллогуба «Большой свет» (1840). Повесть также открывается маскарадом «среди буйных ликований веселой святочной ночи», где «было шумно и весело» и «пищали маски всех цветов и видов» [19, с. 87]. Словами Сафьева можно объяснить природу интриги во всех рассматриваемых произведениях: «Тайна маскарада – тайна женская» [19, с. 89]. В каждом из них тайна касается любовных отношений, а главные участницы событий, с которыми связан мотив тайны, – виновницы роковых совпадений, играющие чувствами и судьбами других героев, женщины.

В завязке основной интриги повести Павлова главная роль принадлежит маске «страшной старухи» с молодыми глазами. Автор называет ее по-разному: старуха, колдунья, волшебница, злая пророчица, чудесная женщина, отмечая загадочность ее образа. Знаки зодиака на ее шапке вносят элемент мистики, указывают на способность управлять чужими судьбами. Во время народных гуляний приход персонажей из иного мира инсценировали святочные ряженые, среди которых наиболее популярными были фигуры страшилищ, «стариков» и т. п. [18, с. 427]. Таким образом, этот персонаж связан с карнавальными традициями и народной мифологией, но в нем также явно присутствуют демонические черты. «Эта маска была одета в широкое черное платье» [14, с. 105]. Черный цвет традиционно считался атрибутом дьявола и смерти [4, с. 19]. Маска ведет игру с графиней: говорит о ее чувствах, задевает женское самолюбие, намекает на роковые обстоятельства в жизни Левина, чем разжигает в ней мучительный интерес к нему, толкает к соблазну любой ценой разгадать его тайну. В результате Ольга становится одержимой своим желанием понять его как человека и покорить как мужчину. В дьявольской природе образа маски убеждает и реакция доктора на рассказ графини о загадочных словах «гроб и письмо». Он в растерянности произносит: «Кто она? ...Каким образом удалось ей проникнуть в самую страшную глубину семейной жизни и подглядеть эту невиданную сцену, у которой не было свидетелей, кроме тусклой лампы да образа спасителя!» [14, с. 125–126]. Ответ очевиден: таким всеведущим и всемогущим, кому известны все тайны человеческой жизни и души, кроме Бога, может быть только дьявол.

Подобные черты можно увидеть в персонажах Лермонтова. Таинственная мужская маска играет с Арбениным, намекает на его прошлое, произносит пророческую фразу: «Несчастье с вами будет в эту ночь» [7, с. 83]. Женская маска флиртует с князем, говорит, что знает его мысли, точно и безжалостно определяет его натуру и характер, в котором, как в зеркале, отразилась современная автору эпоха. Но если в повести Павлова автор так и не раскрывает, кто был под маской старухи, то в драме Лермонтова все ясно: под маской со Звездичем говорила влюбленная в него баронесса, а мужская маска оказывается Неизвестным – бывшим приятелем и несчастливым напарником в карточной игре Арбенина. В повести Соллогуба «маска в прекрасном домино, обшито черным кружевом» [19, с. 89], сначала приводит в замешательство Леонины, интригует своей таинственностью и осведомленностью о нем, но Сафьев сразу узнает в ней княгиню Воротынскую. Мотив овладения дьяволом души человека – один из основных в драме Лермонтова. Лучшие представители общества, молодые, умные люди губят свои жизни в карточной игре, не способны на благородство и сострадание. Демоническими чертами наделен Казарин. Он, подобно дьяволу, ведет борьбу за душу Арбенина, пытаясь вернуть его к игре. Он искушает его воспоминаниями о свободном и порочном прошлом,

постепенно ищет уязвимое место, вселяет сомнение и, добившись своего, победно восклицает: «Теперь он мой!..» [7, с. 162].

В повести Павлова на фоне бала-маскарада предстает пара героев – графиня Ольга и ее дядя. Портрет молодой вдовы напоминает описание античной статуи на пьедестале: «На ней было белое газовое платье. Крепко прильнув к ее пышной груди, к гибкому стану, оно раскидывалось вдруг на тысячу небрежных складок и... ниспадало потом до ее ног. Темно-русые волосы <...> соединялись сзади в одну косу... Несколько... локонов отпадало от этой косы, украденной у древней Греции, с головы Дианы. <...> Все ее черты тянулись гордо к небу; и стоило вам быть у ног ее, чтобы она вас не увидела» [14, с. 108–109]. Сопоставлением с богиней Дианой автор подчеркнул силу красоты графини, которая собирает вокруг себя толпы поклонников, со статуей – холодность. Все проявления ее чувств – искусная маскарадная игра, а «всемирная приветливость» – «дешевое участие» [14, с. 108]. Заметим некоторое несоответствие. Автор соотносит Диану с Древней Грецией, хотя это богиня римской мифологии – покровительница растительного и животного мира, охоты, богиня женственности, олицетворение Луны. В греческой мифологии ей соответствовали Артемида и Геката [12, с. 187]. В украшении бального наряда Ольги присутствуют растительные мотивы: виноградные гроздья и листья. «Легкая серебряная гирлянда виноградных кистей» красовалась на подоле платья, на шарфе «светилась продольная кайма, серебряные листья винограда» [14, с. 106]. Виноград – один из самых древних символов плодородия в ближневосточных религиях и возрождения, духовной жизни в язычестве и христианстве [20, с. 20].

Образы античных богинь возникают и в драме Лермонтова. Говоря о женщинах, Арбенин называет их «Диана в обществе... Венера в маскараде» [7, с. 78], намекая на красоту и чувственность, за которыми скрываются расчет и порок.

Одним из пунктов бального этикета было наличие у женщины букета. «В руке у графини был букет из разноцветных анемонов, называемых будто бы по-русски ветреницами» [14, с. 109]. Красивые, но недолговечные анемоны символизируют быстротечность жизни, хрупкость, печаль, горе, смерть [20, с. 7], намекая на будущий драматический исход событий. Русский вариант названия заключает в себе всю истинную сущность характера графини: «Существо, которому судьба велела пронестись резво над землей и не заметить, что там делается, и не зацепиться ни за одну горсть» [14, с. 109]. История Левина для нее – лишь ключ к тайне «призрака, который мешал ей жить» [14, с. 119]. Не способная на глубокие чувства, она легко забыла свою страсть к Левину, выслушав историю его жизни.

Букет для Ольги является не только украшением – это необходимый «инструмент» особого символического языка. Раздосадованная на иронию дяди, она «ударилась по пальцам своим букетом» [14, с. 109–110]; в разговоре с Левиным старалась продемонстрировать кротость и скромность, «прикладывая к губам свой букет», а перед важным вопросом к нему, пытаясь вызвать его на откровенность, решительно «опустила букет на раму картины» [14, с. 119], показывая свою открытость. Торопясь услышать рассказ доктора, она шла и от волнения «тайком мучила свой букет» [14, с. 121], от нетерпения узнать разгадку холодности Левина, забыв обо всем, роняет букет на пол.

Графиня Воротынская появляется на маскараде «с букетом настоящих цветов в руке» [19, с. 89], который она затем отдает Леонину. Неискушенный юноша воспринял это как знак откровения, искренности, букет стал «талисманом любви», который он хранил два года своей мучительной любви к графине. Осознав, как он жестоко обманывался, Леонин в раздражении «начал рвать в куски записки, терзать букет...» [19, с. 155].

Еще одна необычная деталь в облике Ольги: «На лбу сверкала утренняя звезда из бриллиантов» [14, с. 109]. Это аллюзия к образу римской богини утренней зари Авроры, контрастному образу Дианы, олицетворяющей ночное светило. Такое сопоставление подчеркивает обманчивость облика героини. Далее Павлов усиливает это антитезой утренней – вечерней звезда (целомудренное утро – порочный вечер): «Однако же ничто в ней, кроме девственных красок наряда, не напоминало невинного утра... Это была скорее звезда вечера, которая не умиляет души, а будит воображение и светит бессоннице» [14, с. 109].

Особое внимание автор обращает на «блестящие» глаза графини: «Вечно в искрах, вечно в лучах, они не давали возможности взглянуть в их цвет» [14, с. 109]. По славянским представлениям, глаза часто считаютсяместищем души [18, с. 105]. Ее глаза своим блеском не давали проникнуть к ней в душу, понять истинные ее движения. В рассуждениях о глазах Ольги Павлов использует традиционную для романтизма оппозицию Север – Юг в значении

«свое – чужое», которая также является одной из основных семантических оппозиций в народной культуре [18, с. 425]. «У нас на севере блестящие глаза вероломнее тусклых... Это не наша природа» [14, с. 109]. Павлов делает акцент: для «нас», представителей православной культуры, свойственна духовность которая передается через глаза, кроткий и открытый взгляд. Не случайно русская пословица гласит: «Глаза – зеркало души». Блеск глаз Ольги – явление «чужого» Юга, выдающее «надменную часть души» [14, с. 109], гордыню, которая проявилась в абсолютной уверенности во всеилии ее женской красоты. В христианстве это считается великим грехом: «Гордость очей и надменность сердца, отличающие нечестивых, – грех» (Библия. Ветхий завет. Книга Притчей Соломоновых, 21:4). Духовная чистота ассоциируется автором с северной зимой, белизной снега. Глаза графини излучают «обман, искушение» [14, с. 109]. В них нельзя увидеть чистую душу, это лишь «яркая вывеска» [14, с. 109], она порочна, как «снег, подернутый солнцем» [14, с. 109].

Дядя графини «ласково и насмешливо» [14, с. 107] наблюдает за увлечением племянницы Левиным. Его глаза постоянно следят за молодой вдовой, от них не ускользает ни одно ее движение или выражение лица. Во многих мифологиях глаз (око) является символом всепроникающего знания, всевидящей власти [20, с. 27]. Проницательный взгляд «неугомонного» дяди заставляет графиню скрывать свои чувства, играть, стараясь уйти от его иронии и опеки.

Подобные отношения связывают Сафьева и графиню Воротынскую, однако это уже не добрая насмешка и забота. Постоянное наблюдение и обличение стало его мезью за обманутые чувства. Он постоянно был там, где она, открыто говорил о ее неискренности и корыстных планах. Его глаза постоянно следили за ней, он «неутомимо преследовал графиню своим пронзительным и обличающим взором» [19, с. 161]. Сафьев – единственный человек, который некогда искренне любил эту женщину, а теперь до конца понимал, и этим он для нее страшен. «Она чувствовала себя прикованною к магнетическому влиянию неподвижного взгляда...» [19, с. 161]. Мезь была смыслом жизни и для Неизвестного в драме «Маскарад». Он постоянно следовал за Арбениным, наблюдал, чтобы в нужный момент нанести удар: «Знал все твои дела и мысль твою порой» [7, с. 262].

Между доктором и Левиным сложились особые отношения. Доктор представлен Павловым с симпатией и доброй иронией. Автор выделяет его «умные глаза», «значительную наружность»; увлекаясь разговором, он начинал «оживать, как статуя Пигмалиона» [14, с. 111]. Писатель сравнивает своего героя с ожившей статуей Галатеи, которую в греческом мифе создал скульптор Пигмалион и влюбился в свое творение. Доктор располагает к себе людей. «С незапамятных времен» он был дружески принят в доме дяди, Ольга искренне радуется их встрече, Левин здоровается с ним с необычной нежностью, что вызывает своеобразную зависть графини. Доктор был свидетелем всех радостных и трагических событий в жизни главного героя и является единственным хранителем его тайны, поэтому становится «ниточкой», связывающей Ольгу с Левиным.

Левин резко отличается от всех представителей света. В его облике автор тоже делает акцент на глазах: «Редко оживлялись его большие томные глаза, но это походило на вспышку болезни» [14, с. 115]. В них отражалась измученная, больная душа Левина. Сопоставление его с Наполеоном и Байроном неслучайно. Байронизм, мотивы «мировой скорби» звучали во всех европейской литературе начала XIX века. Увлечение Байроном в России начинается с 1820-х годов, и, по мнению М. Н. Розанова, «почти все поэты пушкинской эпохи переводили Байрона или выражали сочувствие его поэзии» [9, стб. 67]. Примечательно, что Наполеон в русской романтической поэзии представлен также как байронический герой. Слова Е. И. Усок, относящиеся к творчеству Лермонтова, определяют роль этих великих личностей в мировой истории и искусстве: «Для Лермонтова, как и для А. С. Пушкина, Дж. Байрон и Наполеон – наиболее яркие выразители своего века» [8, с. 332]. Однако Павлов отмечает, что часто дань моде убивает истинную глубину и величие: «Наши дерзкие глубокомысленные Наполеоны, наши мрачные рассеянные Байроны... – все изверились, ни у кого не было за душой ни тяжких дум, ни немного отчаяния» [14, с. 114]. Левин искренен в своих страданиях, они стали результатом трудных поисков и разочарований в его жизни. По определению Н. М. Ильченко, «байроническая составляющая образа главного героя связана с тоской и отчаянием» [3]. Поэтому герой Павлова встает в один ряд с «лишними людьми» русской литературы «байронически-онегинского типа» [8, с. 361] – Онегиным, Арбениным, Печориным.

Левин был чужим в равнодушном и суетном свете, не мог найти применение своему деятельному уму и не видел смысла жизни, пока не обрел его в любви и семье. С этим связан

мотив обретенного и потерянного рая. Женитьба стала спасением одинокой души, это было обретение абсолютного счастья, рая на земле. Смертельная болезнь любимой жены приводит его в отчаяние, ее измена – к окончательному разочарованию. Рай был потерян, жизнь закончилась, превратившись в механическое «послушание актера» [14, с. 126]. Так и Арбенин пытался укрыться в семье от цинизма и пошлости света, соприкоснувшись с которым он потерял веру во все светлое. Он искренне любил жену, верил, что с ней «воскрес для жизни и добра» [7, с. 96], для него она послание небес. Но в начале драмы Казарин говорит: «Да черт-то все в душе сидит» [7, с. 72]. Знание самых грязных сторон светской жизни, где правят игра и обман, не дает ему поверить в искренность и невиновность Нины. Будучи уверенным в ее неверности, он восклицает: «Но ты, мой рай, небесный и земной... прощай!..» [7, с. 103]. Таким образом, между Арбениным и Левиным много общего: разочаровавшись в свете, они находят цель и смысл жизни в любви к женщине. Однако герои обнаруживают обман: в драме – ложный, в повести – действительный [3].

В повести Павлова есть упоминание еще одного бала, на котором произошла первая встреча Левина с его будущей женой. И снова это праздничное и мистическое время святок, «однажды накануне Нового года» [14, с. 132]. В воспоминаниях доктора осталась его необычная атмосфера: «Свет, шум и какая-то особенная торжественность этого московского вечера нравилась мне чрезвычайно» [14, с. 132]. Девушка покорила Левина непохожестью на других, отчужденностью от общего веселья, неброской, но необыкновенной красотой. Она была как будто выше происходящей суеты. Ее глаза излучали «тихий свет лампы, у которой одно предназначение – осветить приют молитвы» [14, с. 135]. Описание ее глаз резко контрастно описанию глаз графини Ольги, в которых был «обман, искушение» [14, с. 109].

В ее балльном наряде выделяется лишь одна деталь: «Белый розан был приколот на голове» [14, с. 134]. Белый цвет в христианстве символизирует жизнь, чистоту, невинность и спокойствие [4, с. 16–17]. Сам цветок розы в западной традиции – безупречный, образцовый, символ сердца, а также божественной, романтической и чувственной любви. Белая роза – эмблема целомудрия, чистоты и девственности [20, с. 139]. Доктор называет жену Левина «непостижимо-заманчивое творение», «очаровательное, нравственное существо», «милая женщина» [14, с. 134, 135, 144], передавая основные авторские характеристики – одухотворенность и очарование. Даже при взгляде на нее большую, утратившую внешнюю красоту, его поражает «то же смирение, та же покорность» [14, с. 144] и вспоминается «белый розан» на голове. С розой связано много мифов и легенд. У христиан это символ Христа и Богородицы. В Древней Греции и римско-католической традиции роза является цветком, хранящим тайну. Многие толкования подчеркивают ее двойственность: красота и недолговечность, нежные лепестки и острые шипы. И в жене Левина Павлов неоднократно отмечает противоречивость. Несмотря на «нежное сложение» и «непрочность тела», ее лицо выражало «непостижимую силу» [14, с. 135]. Она была окружена любовью и комфортом, в отношениях с мужем «все легко, свободно, вместе» [14, с. 137], имела любимое увлечение – рисование, но постоянно «исчезала» из дома. Кажется, что она искренне любила мужа, но оказывается, что во время счастливой семейной жизни у нее был любовник. Ее глаза излучали смирение и одухотворенность, но за этим скрывались грех измены и умелая игра.

С образом жены Левина связан еще один предмет-символ. Во время болезни доктор дважды видит у нее в руках ключ, который она прячет. Символика ключа объясняется функциями предмета. С его помощью можно что-то закрыть, отсюда значение секретности, сокровенной тайны, но можно и открыть, снять запрет, раскрыть тайну. Кроме того, во многих культурах (Древний Египет, христианство) ключ рассматривается как символ перехода от земной жизни к загробной [20, с. 68]. Долгое время ключ был единственным свидетелем второй, тайной жизни своей хозяйки, скрывал доказательство ее греха – письма любовника в закрытой шкатулке. Даже неизлечимо больная она не может переступить через страх быть разоблаченной. Воспользоваться ключом, открыть шкатулку, чтобы уничтожить письма, женщина решилась, только предчувствуя близкую смерть. Ключ становится роковым символом. После того как он открывает ее тайну, жена Левина умирает дважды: сначала физически, а затем, после прочтения мужем одного из писем, в его глазах рушится светлый образ верной и любящей жены. Ключ символизирует ее переход к загробной жизни как грешницы, достойной ада, ведь она совершила великий грех, нарушила одну из Божьих заповедей – «не прелюбодействуй» (Библия. Ветхий Завет. Вторая книга Моисеева. Исход, 20:14; Пятая книга Моисеева. Второзаконие, 5:18).

Важной мифологемой, наполненной разными смыслами, в повести является небо. Говоря о многочисленных поклонниках графини, стремящихся оказаться с ней в паре, Павлов иронично пишет: «...Иной офицер, полный силы и забвения, врезывался в эти ряды неприятелей, падал с неба в середину тесного круга...» [14, с. 106]. Подчеркивая необычность и величелие танцевальной залы, автор использует в ее описании сравнение с небом: «Легкий свод потолка... резко отделял округлую форму, подобие неба, от плоских линий земли» [14, с. 110]. Древние архетипические представления о небе трактуют его как часть мироздания, «верхний» мир, созданный Богом [18, с. 316], основным символом которого был круг или полусфера, что нашло отражение в архитектуре. Во всех мифологиях мира небо имеет сакральную природу. Оно представляется жилищем богов, происхождение главных божеств также связано с ним (почти все боги славянской мифологии – Род, Сварог, Перун, Дажьбог, Стрибог; Байаме – верховное божество ряда австралийских племен и т. д.) После слов Левина, которыми он явно дал понять Ольге, что равнодушен к ней, она «подошла к окну и мельком взглянула на небо» [14, с. 120]. Небо здесь – «бездонная глубина, где есть всемогущая воля» [14, с. 120], безграничный внешний мир, наделенный чудесной силой и знаниями. О наличии в мифологических сюжетах подобного мотива писали Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский [11, с. 64]. Перед могуществом неба Ольга оказывается бессильной: «Мысль ее потонула мгновенно в этой бездонной глубине» [14, с. 120]. Она как будто хочет найти в ней поддержку, помощь в борьбе за чувства Левина, но у неба своя воля, неподвластная никому, поэтому остается без ответа вопрос: «Да как же перенести ее на землю?» [14, с. 120].

Неслучайно упоминание звезд: «Там в пустыне мрака сияли звезды, бриллианты неба – та ярче, та темнее» [14, с. 120]. В славянской мифологии звезды соотносятся с судьбами людей: «С рождением человека появляется на небе его двойник – загорается его звезда, со смертью человека она падает и исчезает» [18, с. 317]. Яркость звезд уподобляет их драгоценным камням [18, с. 176], отсюда и авторская метафора «бриллианты неба».

В сцене, где Ольга и Левин остаются наедине, их отношения сопоставляются с огнем, горением: «Перегорелые головни рухались в камине, огонь, час от часу разноцветней, воздушней, перебежал по раскаленным угольям, все менее и менее касаясь их поверхности» [14, с. 116]. Во всех мифологиях и религиях огонь вместе с водой и землей является одной из основных стихий мироздания [18, с. 336], божественной энергией, несущей созидательную и разрушительную силу. Часто с огнем сопоставляют духовный порыв, искушение, сексуальную страсть [20, с. 111]. «Перегорелые головни» – это «перегоревшие» чувства Левина, которые не в силах воскресить даже очарование графини. Как бы она ни старалась, как бы изощренно ни пыталась его обворожить, как бы «разноцветней, воздушней» ни становилось ее оболщание, он оставался холоден, и «разговор... прерывался, потухал» [14, с. 116]. Заметив пристальный взгляд Левина, Ольга «вспыхнула и торопливо нагнулась шевелить уголья» [14 с. 116], как будто желая разжечь ответные чувства, но попытка была безуспешной, «искры прекрасных глаз пропадали даром» [14, с. 117].

Чтобы узнать тайну Левина, графиня приводит доктора в уединенную комнату, где «на стене висело овальное зеркало в золоченой раме» [14, с. 121]. Зеркало в народных представлениях – символ «удвоения» действительности, граница между земным и потусторонним мирами [18, с. 182]. Издавна к нему относились как к мистическому предмету, использовали в обряде гадания. Под впечатлением от рассказа доктора Ольга видит в зеркале привидение умершей жены Левина. В этом же зеркале последний раз появляется он сам, и это было отражение будущего мертвеца: «Левин уехал куда-то умирать» [14, с. 149]. Выслушав рассказ доктора и удовлетворив любопытство, молодая вдова потеряла интерес к герою, тайна исчезла. После этого и зеркало лишается мистической силы. Оставшись одна, она спокойно «встала, подошла к зеркалу, взглянулась, подняла глаза...» [14, с. 149]. Оно отразило прежнюю графиню, вернувшуюся в свою роль, – равнодушную и уверенную в себе.

При анализе текста повести обращают на себя внимание множественные лексические антиязы, связанные с образами основных персонажей. К. Леви-Стросс, а вслед за ним Е. М. Мелетинский отмечали, что осмысление важных качеств окружающих предметов и явлений с помощью так называемых «бинарных оппозиций» было важной частью мифологической логики [13, с. 84]. Павлов использует основные ценностные оппозиции для создания противоречивых характеров героев: графини Ольги (правда – ложь, зло – добро, утро – вечер, север – юг; весь образ построен на скрытой антитезе – внешняя красота / внутренняя пустота), Левина (скука – веселье, красота – безобразие, молодость – старость), жены Левина (жизнь – смерть), колдуньи (красота – безобразие).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в развитии сюжета повести Павлова «Маскарад» использованы мифологические мотивы, а ее поэтика богата элементами как древнейшей, так и более поздней мифологии. Автор широко использует мотивы народной

славянской и христианской мифологии для организации сюжета, античные образы и архетипические символы для углубления психологизма, что типично для романтического произведения. Архаико-мифологические элементы вводятся и для контрастного изображения характера, выражения критического отношения к представителям и нравам светского общества, что является признаком реалистической направленности произведения. В изображении бала-маскарада как «выставки» внешнего блеска и красоты, скрывающей внутреннюю пустоту, ситуации обмана, выдаваемого под маской за правду, Павлов выступает продолжателем традиции А. С. Пушкина, которая нашла воплощение в произведениях писателей первой половины XIX века (М. Ю. Лермонтова, В. А. Соллогуба, В. А. фон Роткирха и др.). Образ главного героя повести «Маскарад» включается в ряд так называемых «лишних людей» русской литературы.

Список литературы

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. Санкт-Петербург : Паритет, 2006. 314 с. URL: https://literary_criticism.academic.ru/191/%D0%BC%D0%B8%D1%84%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 23.03.2020).
2. Боров Ю. Б. Эстетика / Юрий Боров. М. : Русь-Олимп : АСТ : Астрель, 2005. 829 с.
3. Ильченко Н. М. Байронический герой и особенности формирования образов «лишнего человека» и «русского скитальца» в отечественной литературе // Вестник Мининского университета, 2014. № 2. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/470> (дата обращения: 05.04.2020).
4. Касперавичюс М. М. Функции религиозной и светской символики. Л. : Знание, 1990. 32 с.
5. Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Т. 5 : Мураши – Припев / гл. ред. А. А. Сурков. М. : Сов. энцикл., 1968. 976 стб. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения: 06.03.2020).
6. Крупчанов Л. М. Н. Ф. Павлов и его творчество // Избранные сочинения / Н. Ф. Павлов ; сост., вступ. ст. и прим. Л. М. Крупчанова. М. : Правда, 1989. С. 3–16.
7. Лермонтов М. Ю. Маскарад. Л. : Детская литература, 1990. 272 с.
8. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М. : Советская энциклопедия, 1981. 784 с.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина ; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М. : Интелвак, 2001. 1600 стб.
10. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
11. Лотман Ю. М. (совместно с Б. А. Успенским) Миф – имя – культура // Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 / Ю. М. Лотман. Таллин : Александра, 1992. 479 с.
12. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
13. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. : Восточная литература, 2000. 407 с.
14. Павлов Н. Ф. Маскарад // Избранные сочинения / Н. Ф. Павлов ; сост., вступ. ст. и прим. Л. М. Крупчанова. М. : Правда, 1989. С. 104–150.
15. Печерская Т. И. Историко-культурные истоки мотива маскарада // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: сюжет и мотив в контексте традиции : сб. науч. трудов. Вып. 2 / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 1998. С. 21–37.
16. Пушкарева Ю. Е. Итальянский текст в прозе Н. Ф. Павлова (на материале «Трех повестей» и «Новых повестей») // Вестник ТГПУ, 2019. № 6 (203). С. 63–70. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-6-63-70.
17. Пушкин А. С. Евгений Онегин : роман в стихах. М. : Дет. лит., 2009. 206 с.
18. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М. : Междунар. отношения, 2002. 512 с.
19. Соллогуб В. А. Большой свет // Избранная проза / В. А. Соллогуб ; сост. В. А. Мильчиной ; вступ. ст. и прим. А. С. Немзера ; ил. Ю. М. Игнатъева. М. : Правда, 1983. С. 86–162.
20. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М., 1999. 204 с.
21. Шеллинг Ф. Философия искусства. М. : Мысль, 1966. 496 с.

Mythopoeics of N. F. Pavlov's story "The masquerade"

G. T. Melnikova

postgraduate student, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. Kozma Minin.
Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: gala.10@list.ru

Abstract. The article considers the novel of N. F. Pavlov, a writer who was among the "forgotten", although in the literary process of the 30s of the XIX century, he was recognized as a talented translator, critic, poet, prose writer, and later the publisher of the first newspaper for the poor "Russian Vedomosti".

The research focuses on the analysis of the mythopoeics of the novel "The masquerade" (1835, published in 1839). The interest in this work is determined by the attention of writers of this period (M. Yu. Lermontov, V. A. Sollogub, V. F. Odoevsky, etc.) to the life of aristocratic society and the artistic embodiment of reflections on it, primarily in the genre of secular romantic novels.

The paper uses comparative, biographical, historical and cultural research methods.

In the course of the analysis, the author of the article shows numerous appeals of Pavlov to mythological images and motifs. The image of a masquerade is determined not only by the medieval carnival tradition, but also by the national folklore and mythological basis associated with the holidays of the Christmas cycle. The types of characters of the story are characterized: the main character is compared with the ancient Roman goddesses Diana and Aurora by her dazzling beauty, and her spiritual coldness is compared with an antique statue; the mysterious mask of the old woman is associated with Slavic mythology, and in the image of Levin, another type of "superfluous man" is represented, occupying an intermediate position between Onegin and Pechorin. A number of important mythologies (sky, stars, fire), general cultural and Christian symbols (key, mirror, plant and color symbols), "binary oppositions" (good – evil, beauty – ugliness, etc.) are also considered. Similar images and motifs are found in the works of Pavlov's contemporaries (Lermontov, Sollogub, etc.).

The results of the research can be applied in the study of the genre originality of a secular romantic novel, in the analysis of the mythological components of the poetics of the work.

Keywords: mythology, symbolism, secular novel, image, motif.

References

1. Belokurova S. P. *Slovar' literaturovedcheskih terminov* [Dictionary of literary terms] / S. P. Belokurova. SPb. Paritet. 2006. 314 p. Available at: https://literary_criticism.academic.ru/191/%D0%BC%D0%B8%D1%84%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (date accessed: 23.03.2020).
2. Borev Yu. B. *Estetika* [Esthetics] / Yuri Borev. M. Rus'-Olymp : AST : Astrel. 2005. 829 p.
3. Il'chenko N. M. *Bajronicheskiy geroj i osobennosti formirovaniya obrazov "lishnego cheloveka" i "russkogo skital'ca" v otechestvennoj literature* [Byronic hero and features of forming images of "superfluous man" and "Russian wanderer" in Russian literature] // *Vestnik Mininskogo universiteta – Herald of Minin University*. 2014. No. 2. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/470> (date accessed: 05.04.2020).
4. Kasperavichyus M. M. *Funkcii religioznoj i svetskoj simboliki* [Functions of religious and secular symbols]. L. Znanie. 1990. 32 p.
5. *Kratkaya literaturnaya enciklopediya : v 9 t. T. 5 : Murari – Pripev* – Short literary encyclopedia : in 9 vols. Vol. 5 : Murari-Pripev / ch. ed. A. A. Surkov. M. Sov. encikl. 1968. 976 clmn. Available at: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (date accessed: 06.03.2020).
6. Krupchanov L. M. N. F. *Pavlov i ego tvorchestvo* [N. F. Pavlov and his work] // *Izbrannye sochineniya – Selected works* / N. F. Pavlov ; comp., introd. art. and note by L. M. Krupchanov. M. Pravda. 1989. Pp. 3–16.
7. Lermontov M. Yu. *Maskarad* [Masquerade]. L. Detskaya literatura. 1990. 272 p.
8. *Lermontovskaya enciklopediya* – Lermontov encyclopedia / ch. ed. V. A. Manuylov. M. Sovetskaya encyclopedia. 1981. 784 p.
9. *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* – Literary encyclopedia of terms and concepts / ed. by A. N. Nikolyukin ; Institute of scientific research information on social Sciences of the Russian Academy of Sciences. M. Intelvak. 2001. 1600 clmn.
10. Losev A. F. *Znak. Simvol. Mif* [The Sign. Symbol. Myth]. M. Moscow University. 1982. 480 p.
11. Lotman Yu. M. (*sovместно s B. A. Uspenskim*) *Mif – imya – kul'tura* (together with B. A. Uspensky) [Myth-name-culture] // *Izbrannye stat'i : v 3 t. T. 1* – Selected articles : in 3 vols. Vol. 1 / Yu. M. Lotman. Tallinn. Alexandra. 1992. 479 p.
12. *Mifologicheskij slovar'* – Mythological dictionary / ch. ed. E. M. Meletinsky. M. Sov. encyclopedia. 1990. 672 p.
13. Meletinskij E. M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. M. Vostochnaya literatura. 2000. 407 p.
14. Pavlov N. F. *Maskarad* [Masquerade] // *Izbrannye sochineniya – Selected works* / N. F. Pavlov ; comp., introd. art. and notes by L. M. Krupchanova. M. Pravda. 1989. Pp. 104–150.
15. Pecherskaya T. I. *Istoriko-kul'turnye istoki motiva maskarada* [Historical and cultural origins of the masquerade motif] // *Materialy k slovarju syuzhetov i motivov russkoj literatury: syuzhet i motiv v kontekste tradicii : sb. nauch. trudov. Vyp. 2* – Materials for the dictionary of subjects and motives of Russian literature: plot and motive in the context of tradition : collection of scientific works. Is. 2 / ed. by E. K. Romodanovskaya. Novosibirsk. Institute of Philology SB RAS. 1998. Pp. 21–37.
16. Pushkareva Yu. E. *Ital'yanskiy tekst v proze N. F. Pavlova (na materiale "Treh povestey" i "Novyh povestey")* [Italian text in prose N. F. Pavlova (based on the "Three tales" and "New stories")] // *Tomsk State Pedagogical University herald*. 2019. No. 6 (203). Pp. 63–70. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-6-63-70.
17. Pushkin A. S. *Evgenij Onegin : roman v stihah* [Eugene Onegin : a novel in verse]. M. Det. lit. 2009. 206 p.
18. *Slavyanskaya mifologiya. Enciklopedicheskij slovar'* – The Slavic mythology. Encyclopedic dictionary, 2nd ed. M. Mezhdunar. otnosheniya, 2002. 512 p.
19. Sollogub V. A. *Bol'shoj svet* [Bolshoy Svet] // *Izbrannaya proza – Selected prose* / V. A. Sollogub; comp. by V. A. Milchina; introduction by A. S. Nemzer; il. by Yu. M. Ignatiev. M. Pravda. 1983. Pp. 86–162.
20. Tresidder J. *Slovar' simbolov* [Dictionary of symbols] / transl. from Eng. by S. Palko. M. 1999. 204 p.
21. Schelling F. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. M. Mysl'. 1966. 496 p.

Проза А. С. Пушкина в межкультурном контексте: взгляд русских эмигрантов из Парижа и Лондона в 20-е гг. XX в.

Л. У. Звонарева¹, О. В. Звонарев²

¹доктор исторических наук, профессор, Институт мировых цивилизаций.
Россия, г. Москва. E-mail: lzvonareva@mail.ru

²кандидат исторических наук, доцент, Институт мировых цивилизаций.
Россия, г. Москва. E-mail: donfeliz@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется интерпретация прозы А. С. Пушкина видными представителями первой волны русской эмиграции – известным критиком и литературоведом Д. Святополком-Мирским и А. А. Алексеевым, выдающимся иллюстратором русской классики, аниматором и изобретателем игольчатого экрана. Алексеев создал остающиеся современными, богатые скрытыми символами иллюстрации к «Пиковой даме» и «Повестям Белкина», изданным в Париже и Лондоне в конце 20-х годов XX века, предисловие к которым написал Д. Святополк-Мирский. Авторы считают: и художник, и критик, оказавшись вдали от России, смотрят на прозу Пушкина свежим взглядом и открывают в ней ряд символических знаков, раскрывающих суть изменчивой русской жизни и важные особенности национального характера. Исследование актуально еще и потому, что работы Алексеева к прозе Пушкина до сих пор неизвестны широкому читателю на Родине. Лишь отдельные иллюстрации из этих циклов публиковались небольшим тиражом в описаниях книжных собраний известных французских и российских коллекционеров. Символично, что каждого из них – и критика, и художника – ждут трагический финал и посмертная слава. Погибнет в сталинском лагере Дмитрий Святополк-Мирский; его труды выйдут в постсоветской России лишь в начале XXI века. Покончит с собой в 1982 году в собственной мастерской в Париже после смерти жены тяжело больной Александр Алексеев. Авторы считают, что как иллюстративные циклы Алексеева к «Пиковой даме» и «Повестям Белкина», так и предисловие Д. Святополка-Мирского демонстрируют связь времен, представляя современному российскому читателю особую миссию русских эмигрантов первой волны, считавших своим долгом приближать шедевры русской классики к восприятию зарубежной читающей публики и шире – к пониманию тайны загадочной русской души и самобытности русской культуры в целом.

Ключевые слова: Александр Алексеев, Д. Святополк-Мирский, русская классика, проза А. С. Пушкина, скрытые символы, игольчатый экран, иллюстративные циклы.

«Пиковая дама» А. С. Пушкина с иллюстрациями известного русского художника, эмигранта первой волны, иллюстратора русской и мировой классики, аниматора, изобретателя всемирно известного «игольчатого экрана» Александра Александровича Алексеева (1901, Казань – 1982, Париж) будет издана почти одновременно на французском и английском. В Париже – в переводе П. Мериме в издательстве «J. E. Rouergue» тиражом в 219 экземпляров [20]. В Лондоне – в переводе Путермана и Брертон в издательстве «The Blackamore Press». «Пиковая дама» А. С. Пушкина – в переводе Проспера Мериме (Pouchkine A. La Dame de pique. Paris, 1928), тираж издания составил 239 экземпляров.

В аннотации на форзаце читаем: «Это издание “Пиковой дамы” – первое, где представлен полный английский перевод оригинального текста. Издание выпущено в количестве двадцати пяти экземпляров на японской веленовой бумаге, пронумерованных от 1-го до 25-го. Было также выпущено 250 экземпляров на веленовой бумаге производства французской фабрики “Velin BFK Rives®”, которые имеют номера с 26-го по 275-й. Дополнительно было напечатано тридцать пять копий, пронумерованных римскими цифрами с I по XXXV, которые не предназначены для продажи».¹ У нью-йоркских библиофилов авторам этих строк удалось приобрести экземпляр № 41 лондонского издания «The Queen of Spades» [21, p. 3].

Предисловие к английскому изданию написал русский князь, поэт, критик и переводчик, преподаватель Школы славянских и восточнославянских исследований Дмитрий Святополк-Мирский (1890–1939), доцент Королевского Лондонского университета, чьи лекции о Л. Н. Толстом и Ф. М. Достоевском на безупречном английском собирали толпы слушателей (Глеб Струве, уехавший из России вместе с родителями после событий 2017 года, будет после

возвращения Дмитрия в советскую Россию работать на его месте). «Зал, где он читал, всегда был набит до отказа, студенты всех факультетов бросали все, чтобы прилепиться на подоконниках, и при распахнутых дверях стояли, не шелохнувшись на площадке и на лестнице», – писала о них свидетельница [Цит. по: 11, с. 271].

Из современных русских писателей князь выделял М. И. Цветаеву, автора книги «Мой Пушкин», называя ее одной «из самых пленительных и прекрасных личностей». В 1926 году критик опубликует статьи о Цветаевой в четырех русских и одном английском журнале, а также в своей «Истории русской литературы», вышедшей на английском. Цветаева приехала к нему в Лондон и провела с ним две недели. С тех дней он регулярно помогал ей деньгами и даже оплачивал иногда ее парижское жилье. Выпускник филфака, участник Первой мировой, а потом и Белого движения в России, Мирский еще в 1922-м примкнул к евразийству и вместе с мужем М. И. Цветаевой стал соредктором журнала «Версты», любимого Цветаевой [11, с. 271–272].

«...В июне 1937-го в Москве будет арестован вернувшийся пять лет назад в СССР член Британской компартии с 1931 года князь Святополк-Мирский. Он умрет в лагере... Об аресте князя расскажет бывший редактор “Известий” Иван Гронский?: “Я сказал о своих сомнениях Ягоде и просил его заняться Мирским: подозрительный тип. Он говорит: “Ну, ты всех подозреваешь!” Я говорю: “Очень попахивает Интеллидженс Сервис!” Я, – признается далее Гронский, – сказал об этом и Сталину. Оказывается, Сталин был у Горького, и там был Мирский. Сталин говорит: “Он на меня произвел впечатление фальшивого человека. Дайте распоряжение Ягоде от моего имени, чтобы он этим персонажем занялся”...» [Цит. по: 11, с. 273].

Приведем в переводе О. В. Звонарева «Предисловие» Святополка-Мирского к английскому изданию «Пиковой дамы»: «В числе тех вопросов, по которым всегда велась ожесточенная дискуссия между российскими славянофилами и английскими русофилами, наиболее непримиримые и застарелые споры всегда возникали вокруг личности и фигуры Пушкина. Для одних Пушкин – безусловно величайшее достояние русской литературы, подобно Шекспиру и Данте в Англии и Италии. Для других Пушкин скучен, и его культ в русской литературе – странное извращение, способствующее еще большей непознаваемости этих странных русских. Только немцы в ходе духовного “натиска на Восток” (“Дранг нах Остен”) сумели прочесть и познать Достоевского настолько, чтобы согласиться с его литературными суждениями, включая его восхищение Пушкиным (таким Пушкиным, который не похож на реального поэта). Они воздвигли маленькую статую русского поэта в тихом уголке своего Пантеона Культурных ценностей и даже поставили перед ней свечку. Поверить в то, что немцы поступили таким образом только из-за уважения к Достоевскому, а также из-за природной просвещенности, не представляется возможным, особенно когда прочтешь ту чепуху, которой они объясняют возникновение этого маленького фетиша. Французы и англичане, люди более рациональные и самонадеянные, предпочли сформулировать собственное суждение о Достоевском и никак не пытались скрыть полное непонимание и равнодушие по отношению к Пушкину.

Тем не менее это раздражающее каждого русского твердолюбое безразличие западных читателей, подобно всему другому, имеет естественные причины. Поэзия Пушкина – это классическая поэзия, а классическую поэзию не всегда можно понять, тем более спонтанно и немедленно. Наслаждение от классической поэзии можно получить только при желании и определенном внимании, а обычный читатель становится таким только под влиянием какого-либо авторитета. Именно под влиянием традиции и стремлением к познанию европейский читатель принял античных авторов. В нашем же случае авторитета и всеобщего консенсуса образованной части русского общества будет недостаточно, чтобы западный мир поступил

---

² Гронский (Федулов) Иван Михайлович (1894–1985) – участник революционного движения в России в начале XX века, советский общественный деятель, журналист, литературовед. В 1930-е годы – доверенное лицо Сталина, председатель оргкомитета Союза советских писателей (до 1933). В 1921–1925 гг. – слушатель экономического факультета Института красной профессуры. В 1928–1934 гг. зав. экономическим отделом, ответственный редактор газеты «Известия», журналов «Красная нива» и «Новый мир». Считается, что он являлся автором понятия и термина «социалистический реализм» (май 1932). В 1938 г. арестован, провел 16 лет в лагерях и ссылке. После освобождения реабилитирован и восстановлен в КПСС, работал в Институте мировой литературы АН СССР младшим научным сотрудником. После XX съезда КПСС начал хлопотать о реабилитации репрессированных в сталинские годы писателей. Ни одно из его ходатайств о реабилитации не осталось неудовлетворенным. В числе «возвращенных» им имен – расстрелянный в 1937 г. поэт Павел Васильев. Награжден орденом Октябрьской революции (1974) «за активную общественно-политическую и научную деятельность».

таким же образом, до тех пор, пока Россия не будет признана светочем и маяком цивилизации, вероятность чего неочевидна в ближайшее время.

Одна из характерных черт стиля Пушкина в особенности будет неприемлема для Западного мира, пока там доминируют стандарты романтизма. Речь идет об абсолютном отсутствии метафор. С самого начала возрождения романтизма метафора и поэзия слились воедино. Но Пушкин творил до эпохи романтизма. Он не прибегал к примитивной мифической ментальности, по правилам которой нет разницы между объектом и его образом. Он не смог не повернуть поэзию к рациональному. Для него так же, как и для других великих рационалистов, Гомера и Данте, сравнение – достаточно хороший инструмент для работы с целым миром образов. Сравнение отличает то, что метафора смешивает. Она активна там, где метафора бессильна: сравнение лучше, чем что-либо, наводит мосты между поэзией и реальностью. Пушкин никогда не рассматривал поэзию в противопоставлении реальности. “Вдохновение, – говорил он, – лишь состояние, создающее условия для того, чтобы разум использовался для восприятия впечатлений, обработки и осмысления идей. Вдохновение также необходимо в геометрии, как и в поэзии”.

Но только часть произведений Пушкина отмечена печатью этой высокой “геометрической” концепции вдохновения. Это наиболее важная их часть, и только она одна соответствует высоким критериям той поэзии, которая с гордостью носит на себе печать неевклидовой этики. Если русские и правы, ставя Пушкина на одну ступеньку с Гомером и Данте, то только из-за необычайной глубины тех немногочисленных поэм – “Цыгане”, “Моцарт и Сальери”, “Каменный гость”, “Русалка”, “Медный всадник” – и небольшого количества стихотворений, в которых поэт выразил свое осознание трагизма.

Большинство из его поэм и все прозаические произведения обязаны своему появлению различным творческим порывам. Они не плод осознания чего-либо, но, скорее, акт творения, подобно тому, как предметы искусства выходят из-под рук исключительно гордого и совестливого мастера. Среди его поэм “Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди” занимает особое место по красоте и, будучи полностью лишённой привычной людям образности, по сути, – произведение чистого искусства, поэзия высшей пробы.

Говоря о его прозе, нельзя не отметить: не все его прозаические произведения могут быть отнесены к плодам чистого искусства. Например, “Капитанская дочка” и “Дубровский” содержат элементы интерпретации социально-исторических реалий того времени. Интерес к повести во многом зависит от отображаемых событий и описываемого общества, в котором они происходят. Пушкин добился чистой нарративности, как мы можем назвать этот прием, только в “Повестях Белкина” (1831) и “Пиковой даме” (1834).

Может показаться: недостаточно продемонстрировать отсутствие всего неуместного, чисто человеческого или психологического интереса, чтобы добиться этой чистоты повествования. Действительно, здесь еще необходимо продемонстрировать присутствие неправдоподобия в определенной степени для того, чтобы сдерживать любые попытки читателя оценивать, с точки зрения своего жизненного опыта, события, имеющие отношение только к повествованию. Поскольку поведение героев в произведениях “чистой литературы” должно иметь значение только для повествования, в рамках которого они живут. Если их вырвать из повествования, то их поступки лишатся смысла, и их невозможно объяснить.

Недостаточно выбрать сверхъестественный или фантастический контекст для того, чтобы добиться этого неправдоподобия. Произведения, например, Дэвида Гарнетта, представляя собой совершенно, очевидно, опыты в правдоподобном психологическом повествовании, основывающемся на фантастических предпосылках, – не более, чем игра разума, при этом значительно отличаются от “чисто нарративной” прозы Пушкина. Наоборот, художественный вымысел должен носить оттенок психологичности, что могло бы удержать читателя от того, чтобы вырваться за пределы замкнутого мирка повествования. Психологичности в данном случае не нужно быть абсурдной или далекой от действительности, но она должна быть такой, чтобы к ее оценке невозможно было подходить с обычными критериями правдоподобия. Это тот самый тип художественного вымысла, с которым мы сталкиваемся в таких шедеврах современной драмы, как пьесы “Плейбой Западного мира” и “Великолепный рогоносец”.

Очевидно, что вместо того, чтобы следовать в литературе законам мироздания, как того хотели представители классического течения, сторонники чистой нарративности придерживаются неоднозначной и загадочной образности, отражающей внутренний мир писателя. Это

больше похоже на сюрреализм, чем на классицизм, и, по сути, стиль чистой нарративности, похоже, появился в эпоху протеста против классических традиций в искусстве. Гофман (чье влияние чувствуется в «Пиковой даме») и По, помимо Пушкина, – пионеры эпохи того протеста. Но достаточно одного сравнения Пушкина с По, чтобы понять, насколько Пушкин привержен классическим традициям. В рассказе «Падение дома Ашеров», например, наблюдается определенная целостность, необходимая для повествования, но это лишь целостность цвета и атмосферы. И последняя также не совершенна, поскольку вся пронизана неясными эмоциями, свидетельствующими о незавершенной работе по преобразованию личностного опыта в произведение искусства. В «Пиковой даме» Пушкин достиг единства действия и замысла. Изначальная идея получила безупречную форму, подобно отливке из жидкого металла, кристальную прочность сюжета и динамику его развития. Стиль повествования – скупой и прямолинейный. Авторский замысел полностью воплотился в готовое повествование, не оставив следов.

Результат представляется, до известной степени, новаторским и все же соответствует предшествующей ему образности. Повесть, таким образом, становится символом, который полностью отличается от метафоры. В то время как метафора представляет собой не что иное, как один из многочисленных понятных и взаимозаменяемых художественных образов, символ представляет собой определенную трансформацию (единственно возможную в заданных условиях, при определенных температуре и давлении) внутренней и неуловимой субстанции в стабильное и устойчивое явление, которое занимает затем место, скорее, в тварном мире, чем в мире идей, при невозможности дальнейшего его преобразования во что-либо иное.

Д. С. Мирский» [21, р. 3–9]

Отметим: Мирский, стремясь объяснить английским читателям своеобразие пушкинской лаконичной манеры, в предисловии вспоминает новеллу Э. По «Падение дома Ашеров», над иллюстрациями к которым в это время работает Алексеев. Спустя некоторое время художник обратится и к прозе Гофмана, проиллюстрировав три его мистические новеллы. Алексеев, чьи работы высоко ценились французскими и английскими издателями, имел возможность иллюстрировать тех писателей, которые были ему особенно близки и чьи произведения для иллюстрирования он отбирал самостоятельно и только после этого согласовывал с издателем.

Не случайно, что четыре великих имени – Пушкин, Достоевский, По, Гофман – из шести упомянутых в предисловии классиков объединяют Святополк-Мирского и Алексеева. Литературовед пытается объяснить английским читателям: именно в этом контексте можно рассматривать прозу Пушкина, при всей вызывающей простоте, точности психологических характеристик, реалистичности бытовых и любовно-семейных ситуаций, таящую в себе скрытые мистические мотивы, позволяющие сопоставлять ее с полными мистического драматизма и хорошо знакомыми англоязычной читательской публике текстами По, Гофмана, Достоевского. Интересно, что Алексеев в иллюстрациях подчеркнул именно мистическую составляющую прозы поэта, изобразив гигантскую тень умершей графини, нависающей над городом в финале «Пиковой дамы», рассерженных покойников, окруживших обманщика-гробовщика в гравюрах к «Повестям Белкина», а в иллюстрациях к «Братьям Карамазовым» изобразил черта в виде изысканного джентльмена в клетчатом пиджаке, напоминающего булгаковского Воланда из еще не опубликованного романа «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова.

Упомянутый литературоведом сюрреализм, лишь завоевывавший в то время позиции в искусстве, станет одним из излюбленных приемов Алексеева, боровшегося в творчестве за передачу движения: у одного из героев его иллюстрации к прозе Андре Мальро два лица и четыре руки.

Как и Святополк-Мирский в предисловии, Алексеев в лаконичных гравюрах, исполненных в технике цветной ксилографии, подчеркивает скрытый символизм сжатой и емкой пушкинской прозы (сегодня ее иногда сравнивают с режиссерским сценарием, раскадровкой для съемки). Не случайно французский литературовед Жорж Нива, встречавшийся с художником и много о нем писавший, утверждает: «Алексеев не иллюстрирует, он превращает, он проникает в самую логику поэтического текста и озаряет ее светом» [12, с. 46].

В «Пиковой даме» Алексеева живет тайна, намекающая на внутреннее состояние персонажей и напряженную атмосферу скрытых страстей, становящихся пружиной сюжета. На фронтисписе фигура Пушкина в полный рост во фраке и цилиндре – все черное, кроме белков глаз. Что это – загадочное африканское начало? Скрытый намек на приближающуюся гибель? Поэт словно не вмещается в единое пространство с образом Петербурга, окрашенного в пастельные тона. С его портрета начинается мотив неумолимого рока – завязка алексеевского цикла.

На титульном листе этого разворота контрастным выглядит условно обозначенный дом старой графини розоватого цвета; за его удлинёнными овальными окнами проступает крупный зловещий знак – черная карточная пика. Тут тончайшая – интеллектуальная – игра цветом: дом вобрал краску города, карточная масть, черная пика, как бы вступает в переключку с черным силуэтом создателя мистической драмы. Абрис карточной масти пик неожиданно повторится в укладке волос воспитанницы графини Лизаветы Ивановны, воплощением сумасшедшей мечты героя повести – его глазами увиден женский силуэт в высоких окнах особняка. Над бело-розовым фасадом дома и зеленоватой крышей – мелкий снег, а по бокам – охранники: сторожевые полосатые будки, памятные нам и по городскому пейзажу М. Добужинского³.

«...очутился он (Герман – *прим. авт.*) в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры» [15, с. 24]. «Очутился», словно во сне... Классический и таинственный, заснеженный Петербург, город сновидений, несбывшихся желаний, неясных предчувствий живет в этих холодных алексеевских пространствах, ассоциирующихся с метафизическими сновидческими пространствами Кирико⁴, тогдашнем увлечении художника.

Театральными декорациями предстают каменные дома в открытом сценическом пространстве, уплощенном «задником» подчеркнута бледного цвета. Цвет «задника», на фоне которого изобразается город, постоянно меняется: от нежно-фиолетового до зеленоватосиневатого. Вот белая пустыня замерзшей Невы и чуть заметный абрис Петропавловской крепости на другом берегу Невы: зимний пейзаж тут обрамлен черным театральным занавесом – словно намек на выбранный художником прием иронического отстранения.

Город вымышленный и интонационно узнаваемый. Сам его подход к повести Пушкина найдет отклик в гравюрах 1966 года к «Пиковой даме» ленинградского художника Г. Епифанова: работы выдающегося художника в СССР знали в среде мастеров книжной графики.

До Алексева два крупных художника-эмигранта первой волны Александр Бенуа⁵ и Василий Шухаев⁶ в одной и той же технике – черно-белый рисунок с акварельной подцветкой – иллюстрировали повесть в Париже. Бенуа – с правдоподобием места и времени, достоверностью костюмов, интерьеров, погружаясь в ушедшую эпоху, но самой создаваемой атмосферой, давая место видениям.

Отметим, что художники, «чьё творческое мировоззрение сформировалось в дореволюционную эпоху, – так называемые “традиционалисты, или «правые” (А. Бенуа, М. Добужинский, К. Сомов и др.) – отнеслись к происходившим в России событиям равнодушно в силу своей аполитичности» [17, с. 22]. Разделение художников на «левых» и «правых» было принято в 1918–1925 годах [9, с. 319–327]. Молодые художники (Ю. Анненков, М. Шагал, А. Экстер, Н. Парэн, Г. Пожедаев и другие) – «новаторы» или «левые» – встретили октябрьские события 1917 года с восторгом и какое-то время пытались вписаться в реалии кардинально изменившейся повседневности, вдохновленные экспериментами под девизом «Искусство – в массы» [10].

³ Добужинский Мстислав Валерианович (1875, Новгород – 1957, Нью-Йорк) – русский художник, мастер городского пейзажа, иллюстратор, театральный художник, участник творческого объединения «Мир искусства», художественный критик, мемуарист. Работы хранятся в музеях России, Англии, Франции, США, Аргентины и др. стран.

⁴ Джорджо де Кирико (итал. Giorgio de Chirico; 1888–1978) – итальянский художник, близкий к сюрреализму, работал в стиле т. н. «метафизической живописи». Старший брат писателя Альберто Савинио.

⁵ Бенуа Александр Николаевич (фр. Alexandre Benois; 1870, Санкт-Петербург – 1960, Париж) – русский художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства». Был девятым ребенком в семье академика архитектуры Николая Леонтьевича Бенуа и музыканта Камиллы Альбертовны (урожденной Кавос). Предки по матери – итальянцы, семья отца переехала в Россию после революционных потрясений во Франции. Прадед по материнской линии К. А. Кавос – композитор и дирижер, дед – архитектор, работавший в Петербурге и Москве. Отец художника – крупный архитектор, старший брат пользовался известностью как живописец-акварелист.

⁶ Шухаев Василий Иванович (1887–1973) – русский и советский живописец, график, сценограф, педагог, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР. Шухаев окончил Строгановское училище у К. Коровина в звании ученого рисовальщика. До 1917 г. стал известным живописцем, примыкал к объединению «Мир искусства». После 1917 г. уехал в Париж.... В 1935 г., по приглашению Академии художеств, вернулся в СССР. В 1937 г. обвинен в шпионаже и сослан вместе с супругой в трудовой лагерь Магадана, где оформлял театральные постановки и неофициально был главным художником магаданского театра. В 1947 г. супругам удалось вернуться, благодаря помощи режиссера Вахнянского они поселились в Тбилиси. Более 20 лет он проработал в Академии художеств Тбилиси, получил звание заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР, работая в театре декоратором. Скончался в Тбилиси.

Искусствовед Ю. Молок назвал работу Шухаева «иллюстрацией иллюстраций Бенуа» [22].

Петербургский коллекционер, академик РАО М. И. Башмаков в учебном издании для школьников-победителей проводимого им конкурса, не для продажи представит несколько иллюстраций В. Шухаева и А. Алексева [14].

У Алексева иное мышление, если иметь в виду современное ему авангардное искусство, в которое он своеобразно вписывается. Тут и кинематографизм с его крупными и общими планами, и театрализация, и экспрессивность, и, прежде всего, знаковость, эмблематика предметов, создающая вместе с метафизическим пространством ощущение нереальности, сна, галлюцинаций героя. Вся эта полифония визуальными аккордами сопровождает текст Пушкина в небольших заставках (лишь две иллюстрации размещены в тексте).

Будущие излюбленные лейтмотивы художника – руки: в первой же иллюстрации к «Пиковой даме» (у Нарумова) рука с жадным жестом, выпавшая из полосы света, кажется черной, что придает мизансцене дополнительный зловещий оттенок; в неясном освещении над зеленоватым игральным столом с рассыпанными по нему монетами, небрежно брошенными черными и белыми картами в напряженном движении наливающая вино из черно-зеленой бутылки, держащая длинную курительную трубку, протягивающая бокалы, подающая острый нож, нервно сжимающая или передвигающая карты. В дальнейшем руки появятся в иллюстрациях Алексева к прозе Достоевского и Толстого.

Алексеев впервые использует еще один прием, повторенный в дальнейшем в других книгах: одни и те же интерьеры, но по-разному эмоционально окрашенные. Крупным планом, словно наезжающей сверху камерой, дается по контрасту карточный стол во время игры без участия Германа и после его проигрыша. Здесь другого оттенка, при мрачноватом освещении, пустые бокалы, те же рассыпанные вокруг монеты, брошенные на скатерть карты, траурными черными овалами громоздятся винные бутылки, черным – три карты в руках невидимого Германа, опрокинутый пустой бокал рядом, даваемый тонким белым абрисом. Намек на его драму. Создается ощущение духовного опустошения, трагического финала, «...когда сон им овладел, ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, гнул углы решительно, выигрывал беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман. Проснувшись, он вздохнул о потере своего фантастического богатства...» [15, с. 22].

Германа мы видим трижды и всегда со спины обобщенным темным силуэтом: в пространстве городской улицы, затем – крошечной фигурой с по-наполеоновски скрещенными руками, застывшей в задумчивости в заснеженном пустом парке перед старинным особняком (домом графини), и – в последний раз, после смерти графини – в глухом отчаянии бегущим сломя голову по набережной, все проиграв. Художник тщательно продуманными деталями постоянно подчеркивает в герое наполеоновское начало – через позу, высокий офицерский головной убор, военную выправку...

Германа не будет в сцене со старухой-графиней. («Графиня не отвечала. Герман увидел, что она умерла» [15, с. 24].) Не будет и графини. Блестящая находка. Кульминация цикла. Мистическая игра больного воображения Германа. В «кадре» крупно его рука, наводящая пистолет на пустое вольтеровское кресло, стоящее к нам, зрителям, боком. Центр композиции – черный пистолет в сценическом пространстве, резко ограниченном окнами задней светлой «кулисы».

Емкие символы драмы – концовки почти к каждой части. Второстепенные аксессуары: цилиндр, дамская и мужская перчатки, старинный револьвер, песочные часы, треуголка, алая карточная масть «черви», напоминающая человеческое сердце, игральная фишка – самодостаточно. Алексеев впервые раскрывается как книжный иллюстратор, используя не только иллюстрации-заставки к главам, но и «старомодные» миниатюрные концовки. В них вновь лаконичные изобразительные знаки, перекликающиеся с эмблематикой в иллюстрациях: Любовь, Смерть, неумолимое Время. Мотив рока и извечной тайной связи Любви и Смерти выражен и через карточную масть «черви», алым цветом превращающуюся в другой важный символ любовных драм, повторяющихся во все века, – одинокое сердце.

А в финале на фоне Казанского собора возникнет возвышающийся над городом призрачный силуэт молодой графини. Хрупкость ее таинственного облика – по контрасту с ночным бархатно-черным небом, с белесыми облаками, остроконечным небольшим лунным серпом и тяжелыми каменными зданиями. Монументальные колонны справа и слева – своеобразные кулисы. Выложенная булыжником площадь перед собором в лунном свете кажется

беспорядочно усыпанной множеством блестящих монет, сродни разбросанным на карточном столе. Фигура красавицы словно вырастает из них. Круг замкнулся. Печальная тень графини смотрит на родной город из потустороннего мира. Век людской короток – книга завершается изображением старинных песочных часов, но память о мифах живет в веках: тень молодой красавицы-графини возвращается в родной Петербург как символ искушения в погоне за богатством.

Сделанный почти сто лет назад к повести Пушкина цикл Алексеева кажется сегодня современным. Нашему восприятию близки кинематографические приемы Алексеева с жестким кадрированием изображаемого, условность и символичность его работы.

Через год Алексейев вновь иллюстрирует Пушкина – «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Издательство – А. М. Stols. Maestricht & Bruxelles. В выходных данных указано: отпечатано в сентябре 1929 года. Перевод на французский Г. Вылкомирского. Тираж 225 экземпляров [23]. Книга находится в домашнем собрании одного из авторов этой статьи, приобретено у того же нью-йоркского библиофила, что и издание «Пиковой дамы» с иллюстрациями Алексеева.

Пушкин сочинял каждую повесть, пародируя направления, утвердившиеся в русской литературе: в «Выстреле» и «Гробовщике» – романтизм, правда, в «Гробовщике» ощутимо влияние и готических повестей; «Метель», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка» – сентиментализм в духе Руссо и Карамзина. Но российская реальность во все века разрушала привычные схемы. Пушкин «играет» отработанными литературными сюжетами, но неожиданный поворот реальной жизненной ситуации приводит традиционную любовную историю к непредсказуемому финалу. Известно: Л. Н. Толстой семь раз с восторгом перечитывал «Повести Белкина».

Алексеев создает шесть акватинт – фронтиспис и пять иллюстраций на вклейках. Иллюстрации решены как цикл сценических мизансцен с психологически точно прописанными портретами персонажей и пейзажем – с метелью и тройкой. Это иное решение, чем в «Пиковой даме», да и рассказы иные.

Фронтиспис завораживает бархатной чернотой – густой, плотной, глубокой. На нем – целая композиция. Непросто различить профиль Пушкина и тени будущих героев. Белым – оконное перекрестье вверху. И белым контуром на переднем плане выделен общий для поэта и художника символ: то ли «кот ученый» из «Руслана и Людмилы», то ли черный кот, памятный Алексееву с детства, когда он начал ощущать таинственность окружающего его мира. Когда он ребенком оставался один в темноте, возникало ощущение: «...демон <...> подстерегает»: «Я боялся. Не призраков, в которые не верилось при свете дня. <...> Я был знаком с этим страхом со временем визита черного кота мадам Макмиш» [1, с. 290].

Французский составитель, обратившись к повестям Белкина спустя сто лет после их написания, расположил тексты в той последовательности, в какой они рождались у Пушкина: первым стал «Гробовщик» (Пушкин, готовя сборник к изданию, изменил их порядок, предпочтя начать с «Выстрела» и закончить «Гробовщиком»).

В первой иллюстрации к «Гробовщику» художник отказывается от изображения главного героя. Перед нами – сон гробовщика, пригласившего в гости покойников, похороненных в сделанных им гробах. Алексейев, отсылаясь на пушкинскую стилистику и помня о европейских средневековых аллегорических «плясках смерти», изображает компанию мертвецов, пожаловавших в пустую избу. В центре композиции – «отставной сержант гвардии Петр Петрович Курилкин», «которому в 1799 году» гробовщик «продал первый свой гроб – и еще сосновый за дубовый» [15, с. 134]. Недаром Л. Н. Толстой подметил в повестях некую насмешливость Пушкина. Добродушная ирония пронизывает иллюстрацию. Алексеевым уловлена пушкинская интонация: «череп его ласково улыбался гробовщику», «кости ног бились в больших ботфортах, как пестики в ступах» [15, с. 135]: улыбающийся скелет сержанта с трубкой в зубах, треуголке и огромных ботфортах, костлявой рукой привычно отдает честь недобросовестному хозяину. У деревянного сруба срезана передняя стена: в полутьме, под неясным лунным светом, белесо мерцают спилы дубовых бревен, мягкой белизной отдают кости скелета. Над срубом сгустилась бархатистая тьма, в которой, словно предвещая тему метели, сыплется пушистые крупные белые хлопья снега. Снег – один из символов России в бесснежной Франции, где зимой редко бывает минусовая температура.

В этой работе Алексейев впервые прибегает к приему, который затем станет его открытием, – к прозрачности пластических форм, к тому, что фотографы называют двойной экспо-

зицией. Из полутьмы чуть заметно проступают тени еще четырех обманутых гробовщиком покойников – художник ограничивается полупрозрачными сутулыми черными спинами и нервными нетерпеливыми руками. У Пушкина: «Комната была полна мертвецами. Луна сквозь окна освещала их желтые и синие лица, ввалившиеся рты, мутные, полужакрытые глаза и высунувшиеся носы...» [15, с. 134].

В следующей гравюре к «Барышне-крестьянке», лирическом портрете главной героини, переодетой крестьянкой, в смягченных славянских чертах, сияющих влюбленностью глазах, высоком чистом лбу заметны портретные черты жены художника. Предположение одного из авторов этой статьи подтвердилось. На алексеевской гравюре, хранящейся в швейцарском архиве, стоит автограф художника: «Мадам Гриневская в образе Акулины, неизданное, 1925». Очевидно, в иллюстрации к «Барышне-крестьянке» художник использовал этот ранний портрет жены⁷. «Лиза примерила обнову и призналась перед зеркалом, что никогда еще так мила сама себе не казалась...» [15, с. 157].

Портретно изображен и еще один герой – Сильвио из повести «Выстрел», подчинивший жизнь романтической идее мести. Экспрессионист нервно изогнувшийся, в черном цилиндре, черном фраке, с резко выделяющимися на черном лице белками глаз, он ассоциируется с Пушкиным на форзаце к «Пиковой даме». В сжимаемом в руках пистолете словно спрятан намек на дуэль на Черной речке. В иллюстрации к «Станционному зрителю» – нежный любовный дуэт: гусар Минский, прикрывший глаза, и Дуня, ласкающая кудрявые волосы возлюбленного. Они увиденны глазами забытого дочерью отца. Театральными кулисами справа и слева в иллюстрациях к «Станционному зрителю» и «Барышне-крестьянке» нависают шторы, создавая иллюзию театрального занавеса.

Завершает книгу безнадежный звук роковой метели: русская тройка в сложном ракурсе, напрасно пытающаяся найти дорогу в снежном буране, и тревожно кричащая над нею птица (впервые образ черной птицы как символ трагедии появился у Алексева в последней иллюстрации к «Запискам сумасшедшего»). Вспоминаются слова любимого писателя Алексева – Н. В. Гоголя (художник еще до пушкинской прозы, очевидно, по собственному выбору, успел проиллюстрировать «Нос» и «Записки сумасшедшего»): «...Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа» [3, с. 236].

Заметно: и тройка, и метель в этой работе – символы далекой России, по которой вместе с однокашниками – иркутскими кадетами – отступал под ударами Красной армии в 1919 году юный Александр Алексева, замерзая в сибирских снегах.

И «Гробовщик», и «Станционный зритель», и «Выстрел», и «Метель» при всем стилистическом разнообразии слиты интонационно благодаря черному цвету, который звучит ностальгически.

Итак, в психолого-реалистической прозе А. С. Пушкина и критик, и художник, оказавшись вдали от России, открывают ряд символических знаков, раскрывающих суть изменчивой русской жизни и важные особенности национального характера. Слова известного художника М. М. Шемякина «трудно не заметить свойственной творчеству Алексева российской меланхолии» можно полностью отнести к циклу иллюстраций художника к «Пиковой даме» и «Повестям Белкина» [19, с. 86].

Каждого из них – и критика, и художника – ждут трагический финал и посмертная слава. Каждый из них – Святополк-Мирский в своей «Истории России», изданной по-английски в Лондоне в 1927 году [6, с. 341], Алексева в двухсотстраничной автобиографии, рукопись которой хранится в московском Музее кино, а перевод опубликован в журнале «Киноведческие заметки» [1], – пытались осмыслить, что произошло в XX веке с Российской империей, вписав в бурные исторические события собственную судьбу. Каждый из них ощущал свою глубинную связь с историей Отечества: Алексева – внук православного священника и сын полковника Генерального штаба, Святополк-Мирский – принадлежащий к одному из древнейших княжеских родов Рюрикович (по линии матери, урожденной графини Бобринской, потомок Екатерины II), сын министра внутренних дел [6, с. 331–332].

Погибнет в сталинском лагере Дмитрий Святополк-Мирский; его труды выйдут в постсоветской России лишь в начале XXI века [16]. Покончит с собой в 1982 году в собственной мастерской в Париже после смерти жены тяжело больной Александр Алексева. Его иллюстра-

⁷ Хранится в фонде «Art ex East». Формат 27x36 см. Номер единицы хранения AL-002. Перевод описания фонда с французского О. В. Звонарева.

ции к русской классике – романам Достоевского и Толстого – станут доступны в России только в 2005 году благодаря петербургскому издательству «Вита Нова» [4; 5; 13; 18].

Работы Алексеева к прозе Пушкина до сих пор неизвестны широкому читателю на Родине. Лишь отдельные иллюстрации из этих циклов публиковались небольшим тиражом в описаниях книжных собраний известных коллекционеров – французского слависта Ренэ Герра [7, с. 339], петербургского математика М. И. Башмакова [2] и москвича Б. М. Фридмана [8]. Думается, именно публикация в наши дни, спустя почти сто лет, иллюстративных циклов Алексеева к «Пиковой даме» и «Повестям Белкина» с предисловием Д. Святополк-Мирского в русском переводе могла бы восстановить связь времен и представить современному российскому читателю особую миссию русских эмигрантов первой волны, считавших своим долгом приближать шедевры русской классики к восприятию зарубежной читающей публики и шире – к пониманию тайны загадочной русской души и самобытности русской культуры в целом.

Список литературы

1. *Алексеев А. А.* Забвение или сожаление. Воспоминания петербургского кадета / пер. с фр. В. Кислова // Киноведческие заметки. 2002. № 55 (2). С. 274–304.
2. *Башмаков А. И., Башмаков М. И.* Художник книги Александр Алексеев. Описание собрания книг с иллюстрациями Александра Алексеева и Александры Гринева из библиотеки М. И. Башмакова. СПб., 2010. 212 с.
3. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений : в 7 т. М. : Художественная литература, 1978. Т. 5. Мертвые души. Поэма. 541 с.
4. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. СПб. : Вита Нова, 2005. 608 с. : ил. А. Алексева.
5. *Достоевский Ф. М.* Записки из подполья. Игрок. СПб. : Вита Нова, 2011. 512 с. : ил. А. Алексева.
6. Д. П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист / М. В. Ефимов, О. А. Коростелев ; пер. с англ. и вступ. ст. М. В. Ефимова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2014–2015. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. С. 331–382.
7. *Звонарева Л. У., Кудрявцева Л. С.* Горящая свеча Александра Алексеева // Серебряный век Ренэ Герра / Л. У. Звонарева. СПб. : Росток, 2012. 672 с.
8. Конструктор мерцающих форм: книжная графика Александра Алексеева из собрания Бориса Фридмана / сост. А. Федорович и Б. Фридман ; авторы статей: С. Алексеева-Рокуэлл, Д. Виллуби, Н. Изволов, Ж. Нива, Ю. Норштейн, Н. Ригаль, М. Сеславинский, Б. Фридман, М. Шемякин, К. Эрманн. С параллельным текстом на рус. и англ. языках. СПб. : Вита Нова, 2011. 252 с.
9. *Луначарский А. В.* Германская художественная выставка // Об искусстве : в 2 т. Т. 1 / А. В. Луначарский. М. : Советский писатель, 1982. С. 319–327.
10. *Лукомский Г. К.* Задачи русского искусства за границами СССР. Париж, 1925. 60 с.
11. *Недошивин В.* Оруэлл. Неприступная душа. М. : АСТ, редакция Елены Шубиной, 2019. 795 с.
12. *Нива Ж.* Алексеев в диалоге: от Достоевского к Пастернаку // Конструктор мерцающих форм: книжная графика Александра Алексеева из собрания Бориса Фридмана / сост. А. Федорович и Б. Фридман. СПб. : Вита Нова, 2011. С. 46–71.
13. *Пастернак Б.* Доктор Живаго : в 2 т. СПб. : Вита Нова, 2007. 480, 496 с. : ил. А. Алексева.
14. *Пушкин А. С.* Пиковая дама. Вокруг «Пиковой дамы». Комментарий М. И. Башмакова / авт.-сост. М. И. Башмаков ; авт. проекта А. Б. Лукин. СПб., 2015 (Библиотека Всемирного клуба петербуржцев). 92 с.
15. *Пушкин А. С.* Повести Белкина: избранная проза. СПб. : Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.
16. *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. 2-е изд. Новосибирск : Свиньян и сыновья, 2006. 872 с.
17. *Сеславинский М. В.* Фейерверк имен. Конструктор мерцающих форм: книжная графика Александра Алексеева из собрания Бориса Фридмана / сост. А. Федорович и Б. Фридман ; авт. статей: С. Алексеева-Рокуэлл, Д. Виллуби, Н. Изволов, Ж. Нива, Ю. Норштейн, Н. Ригаль, М. Сеславинский, Б. Фридман, М. Шемякин, К. Эрманн. С параллельным текстом на рус. и англ. языках. СПб. : Вита Нова, 2011. С. 20–35.
18. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина : в 2 т. СПб. : Вита Нова, 2005. 688, 608 с. : ил. А. Алексева.
19. *Шемякин М. М.* Заметки об Александре Алексееве // Конструктор мерцающих форм: книжная графика Александра Алексеева из собрания Бориса Фридмана / сост. А. Федорович и Б. Фридман. СПб. : Вита Нова, 2011. С. 82–93.
20. *Pouchkin A. S.* La Dame de pique / Alexandre Pouchkine ; adaptation Francaise de Prosper Merimee ; bois graves en couleurs de A. Alexeieff. Paris : J. E. Pouterman, 1928. 103 p. 219 нум. экз. N 69.
21. *Pushkin A.* The Queen of spades. Engravings in colour by A. Alexeieff. Preface by D. Sviatopolk-Mirsky. London : The Blackmore press, limited : MCMXXVIII.
22. *Pouchkin A.* La Dame de Pique. Avant propos de A. Gide. Illustrations de Vassili Choukhaeff. Paris : Editions de la Pleiade, 1923. 92 p.
23. *Pouchkine A.* Les recits de feu Ivan Petrovich Bielkine / Traduit du russe par G. Wikomirsky. Eaux-fortes de A. Alexeieff. A. M. Stols. Maestricht & Bruxelles, MCMXXX. 94 p.

Pushkin's prose in an intercultural context: a view of Russian emigrants from Paris and London in the 20s of the twentieth century

L. U. Zvonareva¹, O. V. Zvonarev²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Institute of world civilizations.

Russia, Moscow. E-mail: lzvonareva@mail.ru

²PhD of Historical Sciences, associate professor, Institute of world civilizations.

Russia, Moscow. E-mail: donfeliz@yandex.ru

Abstract. Interpretation of A. S. Pushkin's prose by prominent representatives of the first wave of Russian emigration – the famous critic and literary critic D. Svyatopolk-Mirsky and A. A. Alekseev, an outstanding illustrator of Russian classics, animator and inventor of the needle screen is analyzed in the article. Alekseev created illustrations for "The Queen of Spades" and "Belkin's Stories", published in Paris and London in the late 20s of the twentieth century, which remain modern and rich in hidden symbols, preface to which was written by D. Svyatopolk-Mirsky. The authors believe that both the artist and the critic, being far from Russia, look at Pushkin's prose with a fresh eye and discover a number of symbolic signs in it that reveal the essence of the changing Russian life and important features of the national character. The research is also relevant because Alekseev's works on Pushkin's prose are still unknown to the general reader at Home. Only some illustrations from these cycles were published in small editions in the descriptions of book collections of famous French and Russian collectors. It is symbolic that each of them – both the critic and the artist – is waiting for a tragic ending and posthumous glory. Dmitry Svyatopolk-Mirsky will die in the Stalin camp; his works will be published in post-Soviet Russia only at the beginning of the twenty-first century. Alexander Alekseev, who was seriously ill, committed suicide in 1982 in his own workshop in Paris after the death of his wife. The authors believe that both Alekseev's illustrative cycles to "The Queen of Spades" and "Belkin's Stories", and the preface by D. Svyatopolk-Mirsky is based on a special mission of Russian emigrants of the first wave, who considered it their duty to bring the masterpieces of Russian classics closer to the perception of foreign readers and, more broadly, to the understanding of the mystery of the mysterious Russian soul and the identity of Russian culture as a whole.

Keywords: Alexander Alekseev, D. Svyatopolk-Mirsky, Russian classics, prose by A. S. Pushkin, hidden symbols, needle screen, illustrative cycles.

References

1. Alekseev A. A. *Zabvenie ili sozhalenie. Vospominaniya peterburgskogo kadeta* [Oblivion or regret. Memoirs of a Petersburg cadet] / transl. from Fr. by V. Kislov // *Kinovedcheskie zametki* – Cinema study notes. 2002. No. 55 (2). Pp. 274–304.
2. Bashmakov A. I., Bashmakov M. I. *Hudozhnik knigi Aleksandr Alekseev. Opisaniye sobraniya knig s illyustratsiyami Aleksandra Alekseeva i Aleksandry Grinevskoy iz biblioteki M. I. Bashmakova* [Artist of the book Alexander Alekseev. Description of the collection of books with illustrations by Alexander Alekseev and Alexandra Grinevskaya from the library of M. I. Bashmakov]. SPb. 2010. 212 p.
3. Gogol' N. V. *Sobranie sochineniy : v 7 t.* [Collected works : in 7 vols]. M. Hudozhestvennaya literature. 1978. Vol. 5. Dead souls. Poem. 541 p.
4. *Dostoevskij F. M. Brat'ya Karamazovy* [Karamazov brothers]. SPb. Vita Nova. 2005. 608 p. : Il. by A. Alekseev.
5. *Dostoevskij F. M. Zapiski iz podpol'ya. Igrok* [Notes from the underground. Player]. SPb. Vita Nova. 2011. 512 p. : Il. by A. Alekseev.
6. D. P. Svyatopolk-Mirskij: istorik i istoricheskij publicist – D. P. Svyatopolk-Mirsky: historian and historical publicist / M. V. Efimov, O. A. Korostelev; transl. from English and introd. art. by M. V. Efimov // *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna 2014–2015* – Yearbook of the House of Russian abroad n. a. Alexander Solzhenitsyn 2014–2015. M. Yearbook of the House of Russian abroad n. a. Alexander Solzhenitsyn. 2015. Pp. 331–382.
7. Zvonareva L. U., Kudryavceva L. S. *Goryashchaya svecha Aleksandra Alekseeva* [Burning candle of Alexander Alekseev] // *Serebryanyj vek Rene Gerra* – Silver age of Rene Guerra / L. U. Zvonareva. SPb. Rostock. 2012. 672 p.
8. *Konstruktor mercayushchih form: knizhnaya grafika Aleksandra Alekseeva iz sobraniya Borisa Fridmana* – Designer of flickering forms: book graphics by Alexander Alekseev from the collection of Boris Fridman / comp. A. Fedorovich and B. Fridman; article authors: S. Alekseeva-Rockwell, D. Villubi, N. Izvolov, Zh. Niva, Yu. Norstein, N. Rigal, M. Soslavinsky, B. Fridman, M. Shemyakin, K. Ehrmann. With parallel text in Russian and English. SPb. Vita Nova. 2011. 252 p.
9. Lunacharskij A. V. *Germanskaya hudozhestvennaya vystavka* [German art exhibition] // *Ob iskusstve : v 2 t. T. 1* – About art : in 2 vols. Vol. 1 / A. V. Lunacharsky. M. Sovetskij pisatel. 1982. Pp. 319–327.
10. Lukomskij G. K. *Zadachi russkogo iskusstva za granicami SSSR* [Problems of Russian art beyond the borders of the USSR]. Paris. 1925. 60 p.

11. *Nedoshivin V. Oruell. Nepriступnaya dusha* [Orwell. Unapproachable soul]. M. AST, edited by Elena Shubina. 2019. 795 p.
12. *Niva Zh. Alekseev v dialoge: ot Dostoevskogo k Pasternaku* [Alekseev in dialogue: from Dostoevsky to Pasternak] // *Konstruktor mercayushchih form: knizhnaya grafika Aleksandra Alekseeva iz sobraniya Borisa Fridmana* – Designer of flickering forms: book graphics by Alexander Alekseev from the collection of Boris Fridman / comp. A. Fedorovich and B. Fridman. SPb. Vita Nova. 2011. Pp. 46–71.
13. *Pasternak B. Doktor Zhivago : v 2 t.* [Doctor Zhivago : in 2 vols]. SPb. Vita Nova. 2007. 480, 496 p. : Il. by A. Alekseev.
14. *Pushkin A. S. Pikovaya dama. Vokrug "Pikovoj damy". Kommentarij M. I. Bashmakova* [The Queen of Spades. Around the Queen of Spades. Comment by M. I. Bashmakov] / author-comp. M. I. Bashmakov; author of the project A. B. Lukin. SPb. 2015 (Library of the world club of Petersburgers). 92 p.
15. *Pushkin A. S. Povesti Belkina: izbrannaya proza* [Belkin's Stories: selected prose]. SPb. Azbuka-Atticus. 2016. 320 p.
16. *Svyatopolk-Mirskij D. P. Istoriya russkoj literatury s drevnejshih vremen po 1925 god* [History of Russian literature from ancient times to 1925]. 2nd ed. Novosibirsk. Svinyin and sons. 2006. 872 p.
17. *Seslavinskij M. V. Fejerverk imen. Konstruktor mercayushchih form: knizhnaya grafika Aleksandra Alekseeva iz sobraniya Borisa Fridmana* [Fireworks of names. Designer of flickering forms: book graphics by Alexander Alekseev from the collection of Boris Fridman] / comp. A. Fedorovich and B. Fridman; authors of articles: S. Alekseeva-Rockwell, D. Willubi, N. Izvolov, J. Niva, Y. Norstein, N. Rigal, M. Seslavinsky, B. Friedman, M. Shemyakin, K. Ehrmann. With parallel text in Russian and English. SPb. Vita Nova. 2011. Pp. 20–35.
18. *Tolstoj L. N. Anna Karenina : v 2 t.* [Anna Karenina : in 2 vols]. SPb. Vita Nova. 2005. 688, 608 p. : Il. by A. Alekseev.
19. *Shemyakin M. M. Zametki ob Aleksandre Alekseeve* [Notes on Alexander Alekseev] // *Konstruktor mercayushchih form: knizhnaya grafika Aleksandra Alekseeva iz sobraniya Borisa Fridmana* – Designer of flickering forms: book graphics by Alexander Alekseev from the collection of Boris Fridman / comp. A. Fedorovich and B. Fridman. SPb. Vita Nova. 2011. Pp. 82–93.
20. *Pouchkin A. S. La Dame de pique / Alexandre Pouchkine ; adaptation Francaise de Prosper Merimee ; bois graves en couleurs de A. Alexeieff.* Paris : J. E. Pouterman, 1928. 103 p. 219 num. ex. N 69.
21. *Pushkin A. The Queen of spades. Engravings in colour by A. Alexeieff.* Preface by D. Sviatopolk-Mirsky. London : The Blackmore press, limited : MCMXXVIII.
22. *Pouchkin A. La Dame de Pique. Avant propos de A. Gide. Illustrations de Vassili Choukhaeff.* Paris : Editions de la Pleiade, 1923. 92 p.
23. *Pouchkine A. Les recits de feu Ivan Petrovich Bielkine / Traduit du russe par G. Wikomirsky. Eaux-fortes de A. Alexeieff.* A. M. Stols. Maestricht & Bruxelles, MCMXXX. 94 p.

Сущность отечественной рок-культуры в зеркале рок-н-рольной мемуаристики

С. Г. Дюкин

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры.

Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-1092-2765. E-mail: dudas75@mail.ru

Аннотация. В основе данной статьи лежит исследовательская проблема, связанная с маркерами идентичности поколения 80-х гг., важную роль в самосознании которого сыграла отечественная рок-культура. Источниками исследования выступают мемуары рок-музыкантов и журналистов, близких к ним. Объект этих мемуаров – творческая биография отечественных рок-музыкантов и групп, действовавших в 80-е гг. Методология строится на принципах структурного, функционального и дискурсивного анализа. Цель статьи – поиск основных идентификационных маркеров, на основе которых авторы воспоминаний характеризуют отечественную рок-культуру и свое место в ней. Важное место в структуре воспоминаний занимает соотношение биографического нарратива с историческим контекстом кризисной стадии существования советского государства. Данная корреляция имеет в текстах ритуальный характер, так как субъект воспоминаний исключен из социально-политических процессов. Отграничение субъекта от доминантной культуры носит главным образом ментальный характер, сопровождаясь абсолютизацией погружения авторов и персонажей мемуаров в ценностно-нормативную сферу рок-культуры, всецело следующих ее этическому императиву. В социальном аспекте герои повествований не являются аутсайдерами. Таким образом, редуцируется потенциальный субкультурный характер рок-культуры. Воспевающий субъект формирует ее ассимиляцию «большим» социумом, частью которой является аудитория рок-музыки. Преодоление границы между рок-музыкой и публикой осуществляется авторами мемуаров через десакрализацию творческого субъекта, автора, лидера творческого процесса. Создание музыки и стихов превращается авторами в часть рекреации, подчиненную случайному стечению обстоятельств. Целеполагание исключено из совокупности стратегий, которыми руководствуются персонажи текстов. С доминантой случайного, а также с утверждением неформальной коллективности тесно связана апология дилетантизма, противостоящего профессионализму. Финальной точкой воспоминаний становится утверждение тезиса о смерти отечественной рок-культуры, фиксируемой на индивидуальном персонифицированном уровне.

Ключевые слова: биография, рок-культура, идентичность, автор, дилетантизм.

Интерес к мемуарным текстам может быть обусловлен актуальностью объекта воспоминаний или же повышенным вниманием к тем, кто описывает свое прошлое, а может быть, конъюнктурностью самой ретроспективности как таковой. В нашем случае актуализируется дискурс биографий рок-музыкантов с целью извлечения из мемуарных текстов информации, которая позволяет установить связь и соотношение между той ролью, которую отечественная рок-культура сыграла в 70–80-е гг. XX в., и теми функциями, которые приписываются ей в постсоветском обществе в силу их текущей либо потенциальной востребованности. Актуальность данной цели обуславливается стремлением осознать место и значение рока в позднесоветской культуре, равно как и продолжением функционирования рок-культуры в сегодняшней России. Уровень распространенности и популярности рок-музыки в современной отечественной культуре несопоставим с тем, что она значила в российском (советском) обществе 30-40 лет назад. В то же самое время, даже будучи эстетически размытым явлением, существуя в условиях стилистической эклектики, рок-музыка сохраняет свое идентификационное ядро, продолжая воспроизводить особые практики, следовательно, сохраняет за собой ряд специфических функций, имеющих возможность для ремиссии. В этом аспекте не случайным

выглядит появление воспоминаний, написанных рок-музыкантами о времени расцвета отечественной рок-культуры. Как заметил Я. Ассман, «память не только воссоздает прошлое, она также организует переживание настоящего и будущего» [2, с. 43].

В настоящей статье актуализируются биографии советских и российских рок-музыкантов и групп, написанные либо самими участниками этих коллективов, либо людьми, близкими к героям мемуаров. Из числа возможных источников исключаются многочисленные жизнеописания, написанные профессиональными писателями, или журналистами, находящимися на дистанции от своих героев. Подобный подход позволяет сконцентрироваться на внутреннем видении авторами процессов, связанных с рок-культурой. Именно в таких случаях субъект воспоминаний способен отразить реальные процессы, имевшие место в описываемое время, либо интенции коллективной памяти, обусловленные сегодняшним представлением о рок-культуре. Также в этом случае сокращается дистанция между описываемыми событиями и социокультурной конъюнктурой, вносящей порой серьезные ремарки в воспоминания. Дополнительным доводом в пользу отграничения от рок-биографий, созданных профессиональными авторами, как правило, репрезентирующими более молодое поколение, является представление о музыкантах и близких к ним журналистах как о носителях определенной поколенческой идентичности, формирующих память своей возрастной группы с собственным опытом и переживаниями [1, с. 23]. В поле нашего внимания, таким образом, оказались книга «“Кино” с самого начала» бывшего участника группы А. Рыбина [12]; книга о Викторе Цое, написанная близким к нему писателем А. Житинским, принявшем важное участие в «раскрутке» и популяризации группы «Кино», писавшем о команде Виктора Цоя как в самиздатских журналах, так и в официальной прессе [5]; книги о группе «Аквариум», написанные бывшими флейтистом и виолончелистом этой команды, Андреем Романовым [11] и Всеволодом Гаккелем [3] соответственно; книга «Майк из группы “Зоопарк”», в которой собраны воспоминания многих музыкантов, близких к М. Науменко [8]; книга «Музыкальная анатомия. Поколение независимых», включающая в себя воспоминания московских рок-музыкантов конца 60–70-х гг. [9]; книга о группе «Чайф» близкого к группе на протяжении всех лет ее существования журналиста Л. Порохни [10]; а также книга о группе «Наутилус Помпилиус», которая создана близкими к ней журналистами А. Кушниром и все тем же Л. Порохней, транслирующими воспоминания не только музыкантов, но и во многом свои собственные, поскольку авторы являлись очевидцами описываемых событий [7].

Цель данной статьи в поиске идентификационных маркеров, на основе которых авторы воссоздают панно отечественной рок-культуры, выделяют ее существенные элементы. Достигается данная цель через применение в отношении изучаемых текстов принципов структурно-функционального анализа и дискурс-анализа.

Данная статья опирается на исследовательский дискурс, сложившийся вокруг проблематики отечественной рок-культуры. Совокупность научных текстов, связанных с изучением данного объекта, начала формироваться с конца 90-х гг., времени, когда стал очевидным ретроспективный характер рефлексии в отношении российского (советского) рока. Само явление культуры постепенно превратилось в объект коммеморации, а его функциональность стала мыслиться как завершившаяся и деактуализировавшаяся. Именно в качестве такого застывшего и утратившего актуальный смысл феномена русский рок рассматривается в работах Е. Авиловой, А. Васильевой, Ю. Доманского, Д. Иванова, Т. Кожевниковой, И. Кормильцева, Т. Логачевой, Т. Невской, Е. Суровой и других исследователей. Нарратив отечественной рок-культуры выстраивается на основе ряда бинарных оппозиций, ведущее место среди которых занимают *политизированность/аполитичность, субкультурный характер/массовость, музыкацентричность/литературоцентричность, аутентичность/заимствованность*. На основе разрешения данных оппозиций происходит отграничение русского рока, как от ядра отечественной культуры, так и от американско-европейской рок-музыки. Мало того, именно формулирование этих оппозиций и стремление к их разрешению позволяет увидеть в самом феномене русского рока потенциальный объект научной рефлексии. Важно увидеть, как именно моделируют феномен отечественной рок-культуры (либо отказываются от видения этого феномена) сами музыканты и люди, близкие к ним.

Роль своеобразной смысловой матрицы, на фундаменте которой выстраиваются интересующие нас жизнеописания, берет на себя соотношение творческого пути той или иной группы с историческим контекстом и с социокультурными реалиями описываемого периода. В биографии Виктора Цоя, написанной А. Житинским, реалии советского времени выражают-

ся через своеобразные исторические справки, которые сопровождают описание каждого этапа жизни героя, вплоть до анализа национальной политики в позднем СССР в связи с корейским происхождением музыканта. Упоминание лидеров государства и краткое описание основных трендов социально-политической жизни последнего десятилетия существования СССР, с одной стороны, носят достаточно формальный характер, с другой же стороны, в этом приеме налицо стремление автора связать творчество группы «Кино» с реалиями позднесоветского бытия [5]. Последняя тенденция еще более выразительно просматривается в биографии группы «Аквариум», написанной ее флейтистом Андреем Романовым. Обращаясь к фактам поздней советской истории, музыкант стремится видеть в них отражение распада доминирующей культуры, параллельно которому вызревал отечественный рок (речь идет о периоде позднего застоя и ранней перестройки). Кризис советской системы и усиление тоталитарных тенденций в первой половине 80-х гг. представляются авторами в качестве катализатора творческих процессов [11]. При этом важно отметить, что собственно деятельность музыкантов рассматривается вне контекста советской культуры. Их активность не декларируется в качестве ответа на давление со стороны государственной машины. В той или иной степени каждый из авторов воссоздает атмосферу изолированности и самодостаточности рок-рольной среды. В данном контексте нельзя не вспомнить концепт вменяемости, предложенный А. Юрчаком в связи с описанием позднесоветской культуры [14]. С другой стороны, при этом нельзя говорить об субкультурном характере советского рок-н-ролла. Узкий круг друзей Цоя, студенческая компания Бутусова и Умецкого, пластиночная «толкучка», на которой появилась группа «Чайф», меломанская среда Ленинграда, из которой возникла группа «Аквариум», описываются в контексте многоярусных социальных связей того времени. Из описания этих компаний исключается аспект закрытости, сектантства, исключенности. Редуцирование субкультурного характера рок-рольной среды того времени обнаруживается в том числе через фигурирование в текстах большого числа персонажей, окружавших музыкантов и так или иначе принимавших участие в их творческой судьбе. Это и родственники, и однокурсники, и наставники, и коллеги, вступающие в кратковременные связи с музыкантами.

Однако вышеобозначенный тезис о социальной открытости рок-среды также имеет амбивалентный характер, поскольку тесная связь музыкантов с социумом наслаивается на декларацию ментальной исключенности рок-среды из доминирующей культуры. Подобная отчужденность носит эскапистский характер и переживается сугубо экзистенциально, не имея собственно социального субстрата. В наиболее выразительной форме об этом пишет В. Гаккель: «Я вдруг неожиданно увидел, что тот мир, о существовании которого я только подозревал и принадлежность к которому я чувствовал, реально существует даже здесь... У Леша можно было на несколько часов окунуться в мир, который для меня пока не был вполне доступен» [3, с. 29] (речь идет о посещении одного из коллекционеров пластинок и записей). Подобные реминисценции лишены доводов, связанных со статусной или имущественной обособленностью таких персонажей, как упомянутый Леша. Б. Гребенщиков превращает изолированность рок-музыканта от реальности в ее экзистенциальном смысле в определяющий атрибут рок-культуры, говоря о Майке Науменко как выразителе данного качества [8, с. 52–61]. Представление их жизненного мира автором как средоточия «особости», «ирреальности» имеет исключительно знаковый характер, в основе которого лежит определенный род музыки, также, между прочим, с достаточно размытыми стилистическими границами.

Еще одним способом отграничения рок-культуры от культуры доминирующей становится ее универсализация в контексте подчинения образа жизни этическому императиву и ценностно-нормативным установкам рок-н-ролла. Абсолютное погружение субъекта в ценностное поле рок-культуры и в связанные с этим практики становится своеобразным условием для отношения к нему как к «своему». Подобная установка приобретает особо акцентированную форму в ленинградской рок-среде, что находит прямое подтверждение в текстах А. Романова, В. Гаккеля, А. Рыбина, А. Житинского. Их персонажи, не будучи исключенными из «большого» социума, принимая его практики, одновременно целиком подчинены аксиологии рок-культуры. «Жизнь не делилась у них на определенные части – сейчас ты, дескать, играешь рок-н-ролл, а вечером, мол, читаешь газету и ужинаешь... Они играли рок-н-ролл все время – на сцене, дома, в лесу, за ужином, когда читаешь газету, ну, а когда пили портвейн, то и подавно» [8, с. 267].

С подобной интеграцией искусства и повседневности коррелирует характеристика главных героев повествований – лидеров групп (Борис Гребенщиков, Виктор Цой, Вячеслав

Бутусов и Дмитрий Умецкий, Владимир Шахрин). Центральные фигуры отечественной рок-культуры максимально инкорпорируются авторами воспоминаний в свое окружение, лишаясь при этом всякой исключительности, а отчасти и особых музыкально-поэтических способностей. А. Житинский ставит вопрос о степени талантливости Виктора Цоя в декларативной форме, напрямую обозначая проблему соотношения между популярностью и одаренностью. Результатом подобной рефлексии становится гипотеза о секрете феномена Виктора Цоя в том, что он, не будучи великим музыкантом и автором, четко уловил веяния времени [5, с. 46–48]. Личность творца демифологизируется, благодаря конкретизации воспоминаний: помещенный в многосложную канву социальных отношений, рассматриваемый под лупой лидер группы, популярный музыкант, «символ эпохи» превращается в обычного человека со своими слабостями и недостатками. В процессе воспоминаний авторы говорят о своих обидах и претензиях к героям мемуаров. Так, Б. Гребенщиков в книге В. Гаккеля предстает хитрым и корыстным карьеристом, а у А. Романова этот же герой выступает обычным меломаном, тусовщиком, «своим парнем». Творчество группы «Аквариум» автор позиционирует как результат коллективного гедонизма, а также информационного воздействия со стороны западной культуры. По В. Гаккелю, появление песен объясняется, большей частью, дружеским времяпрепровождением. Фигура лидера группы из нарратива авторства устраняется. В воспоминаниях отсутствуют сюжеты создания песен, работы над ними. Произведение не только живет, но и рождается в рок-музыке не столько в момент написания, сколько в процессе исполнения. Данный тезис находит углубленное осмысление у Д. Давыдова, говорящего об акционности рок-музыки как способе ее существования [4], в противоположность завершенности и статичности. Именно эта идея лежит, по нашему убеждению, в основе редуцирования авторства и роли личности в творческом процессе.

В наиболее радикальной форме личность фронтмена группы десакрализуется в книге В. Кушнира и Л. Порохни о группе «Наутилус Помпилиус». Авторы пытаются установить корреляцию между популярностью и востребованностью с одной стороны, а с другой стороны, степенью таланта и уровнем профессионализма. Результатом осмысления становится отсутствие соответствия между заданными категориями. Лидер «Наутилуса...» В. Бутусов на страницах книги позиционируется в качестве талантливого и симпатичного во всех отношениях, но ординарного в профессиональном аспекте человека, «плохо играющего на гитаре» и «забывающего слова песен», обладающего при этом харизматическими чертами и любимого публикой. Вокруг музыканта сохраняется положительная коннотация, оправданная дружескими чувствами со стороны авторов и информантов. Однако В. Бутусов лишается своей исключительности как воплощение гения группы, ставшей одним из символов отечественной молодежной культуры рубежа 80–90-х гг. Таким образом, разрушается отчужденность между творцом и аудиторией. Слушатели изымают исключительное право на творчество у музыканта и ассимилируют его в собственной среде.

Появление звезд и громких названий представляется в этом случае случайным фактом. Абсолютно все тексты, попавшие в сферу нашего внимания, содержат нарратив хаотичного развития событий, приводящих героев к популярности и славе. Во всех случаях отсутствуют какие бы то ни было элементы целеполагания, связанного с движением к известности и к обретению широкой аудитории. А. Житинский формулирует эту мысль в законченной форме: «Эта книга о том, что не нужно гоняться за славой, – она сама найдет тебя, если нужно» [5, с. 9]. Ведущим мотивом творческой активности, согласно авторам мемуаров, являлось желание поддерживать гедонистический образ жизни и расширять свое коммуникативное поле. Создание и исполнение песен осуществлялось в дружеской среде, для «своих». Так, например, идея создания «Наутилуса...» возникает во время исполнения песен у костра «на картошке», а закрепляется во время совместных «попоек». «Работали от зари до зари, а вечером студенты, у кого сил хватало, жгли костер, развлекались как могли. Там, у костра, и возник прообраз будущего “Нау”» [7, с. 6]. Группа «Аквариум» формируется в процессе реализации творческих и коммуникативных потребностей молодых ленинградских меломанов, желающих быть похожими на своих кумиров. Появление группы «Чайф» связано, в свою очередь, с общением нескольких юных любителей рок-музыки на пластиночной «толкучке». Последний факт тесно коррелирует с процессом обмена информацией между будущими музыкантами, которая отдельными авторами представляется ведущим мотивом в развитии отечественной рок-музыки. В частности, об этом пишут А. Романов и С. Попов [9, с. 74–81], полагающие, что вхождение молодых людей в рок-тусовку происходило исключительно под влиянием информации, получаемой с Запада.

Представленные выше позиции, а именно установки, связанные с десакрализацией «рок-звезд» и с хаотичным характером творчества, инициируют апологию дилетантизма. Именно в 80-е гг. А. Троицкий, защищая оригинальность жанра, резюмировал, что «формальное музыкальное образование не много значит в контексте рока» [13, с. 144]. Оправдание непрофессионализма, как правило, коррелирует не с очевидной в этом случае декларацией положительного оценивания этого явления. Дилетантизм утверждается либо как в книге А. Кушнира, через постановку вопроса о невостребованности профессиональных музыкантов, через «осознание разрыва в общественном статусе – между музыкантами, которые все умеют, и самим Бутусовым, который вечно забывал слова, не всегда правильно брал ноты или держал ритм, но при этом был талантлив» [7, с. 318]. Характеризуя степень профессионализма Виктора Цоя, А. Житинский говорит: «Он практически не умел играть на гитаре, не говоря о каком-либо музыкальном образовании, до этого не имел никакого музыкального или просто художественного окружения, жил в семье очень среднего достатка – родители не могли обеспечить ему ни учебу, ни инструменты» [5, с. 50]. Другим способом защиты дилетантизма выступает утверждение коллективности, которая благодаря своему радикальному характеру отменяет собой требование профессиональных качеств. Об этом достаточно последовательно говорит В. Гаккель: «Рок-музыка – это тот стиль, который сложился от способности людей играть друг с другом независимо от их степени владения инструментом, и не очень искусные музыканты, в основном, пользуются наработанными приемами, но делают это очень уверенно, и тем самым многие приобретают свой стиль игры и свой почерк» [3, с. 141].

Коллективность позиционируется авторами исключительно в положительном контексте. Данная ценность выступает в роли аксиологического стержня отечественной рок-культуры. Дружба, тесная неформальная коммуникация первичны в отношении творческих практик. Музыка представляется в мемуарах ядром коммуникации, а творческие практики – способом объединения сообществ, что подчеркивают И. Кормилецев и Е. Сурова [6]. В наиболее последовательных в данном аспекте высказываниях, как, например, у В. Марочкина, лидера московской группы 70-х гг. «Оловянные солдатики» [9, с. 74–81], музыка полностью совпадает с коммуникацией, превращаясь в воплощение последней. Соответственно, утрата коллективности влечет, согласно авторской позиции, упадок или даже полное устранение рок-культуры. Об исчезновении этого явления в России (СССР) на рубеже 80–90-х гг. говорят, в той или иной форме, все авторы. Дисфункционализация рок-н-ролла оборачивается распадом дружеских связей у А. Рыбина, профессионализацией отношений у А. Кушнира и Л. Порохни, формированием новой музыкальной культуры у В. Гаккеля.

Утверждая тезис о завершении рок-н-рольной эпохи в СССР (России), авторы воспоминаний очерчивают границу между культурными эпохами, оставляя в прошлом периоде обозначенные ими ценности, практики и идентичности. Редуцируя данные культуремы в настоящем времени, создатели мемуаров наделяют их позитивной оценкой, формируя вокруг них позитивную коннотацию. Авторы воспоминаний выстраивают четкую конгруэнтность между процессом распада советской системы и отечественной рок-культуры при абсолютной автономии последней в отношении социально-политических процессов и доминирующей культуры. В действительности, маркер распада, который не осмысливается и не формулируется авторами, заключается, скорее, в самом по себе ощущении культурного перелома. По меткому выражению Я. Ассмана, «если группа осознает, что произошла решительная перемена, она перестает существовать как группа» [2, с. 41]. Осознание этой перемены можно рассматривать как определяющий мотив для написания исследуемых нами текстов.

Таким образом, ведущие положения отечественной рок-мемуаристики могут быть выражены в виде следующих тезисов. Рок-культура осмысливается своими акторами в тесной связи с историческими реалиями своего бытования. Социально-политические условия эпохи позднего застоя и перестройки видятся авторам воспоминаний важными факторами становления советской рок-музыки и формирования рок-культуры. Среда музыкантов, их друзей и поклонников вписывается вспоминающим субъектом в социокультурный контекст позднесоветской культуры и лишается признаков субкультуры. Противостояние рок-культуры и культуры доминирующей переводится исключительно в ментальную сферу. Инструментом такого противопоставления становится всецелое подчинение рок-н-рольной среды аксиологии рок-культуры. Также важным мотивом воспоминаний становится предание профанного характера творческому процессу, редуцирование сакральности акта создания музыки и стихов. Фигура лидера, автора встраивается в контекст повседневности, таким образом под-

вергаясь десакрализации и демифологизации. Творчество представляется продуктом дружеского времяпрепровождения, что способствует утверждению и апологии дилетантизма в качестве еще одной ценности и в то же время нормативной установки рок-культуры. Определяющей же ценностью рок-н-ролла предстает коллективность. Именно ее утрата представляется авторам воспоминаний главной причиной деформации рок-культуры и утраты ей своего места и влияния.

Список литературы

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. *Гаккель В. Я.* «Аквариум» как способ ухода за теннисным кортом / В. Я. Гаккель. СПб. : Амфора, 2007. 415 с.
4. *Давыдов Д.* Статус автора в русской рок-культуре / Д. Давыдов // Рок-поэзия в русской культуре. Текст и контекст : сб. науч. трудов. Вып. 2. Тверь, 1999. С. 17–23.
5. *Житинский А. Н.* Цой forever. Документальная повесть / А. Н. Житинский. СПб. : Амфора, 2013. 496 с.
6. *Кормильцев И., Сурова О.* Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция / И. Кормильцев, О. Сурова // Русская рок-поэзия. Текст и контекст : сб. науч. трудов. Тверь, 1998. С. 5–39.
7. *Кушниц А., Порохня Л.* «NautilusPompilius» / А. Кушниц, Л. Порохня. СПб. : Амфора, 2016. 331 с.
8. Майк из группы «Зоопарк». Продолжение следует / под ред. Н. Науменко. М. : Нота-Р, 2004. 480 с.
9. Музыкальная анатомия. Поколение независимых / под ред. С. Жарикова. М. : Специальное радио, 2006. 432 с.
10. *Порохня Л. И.* Чайф – Story / Л. И. Порохня. М. : Нота-Р, 2001. 256 с.
11. *Романов А.* История «Аквариума». Книга флейтиста / А. Романов. СПб. : Амфора, 2007. 438 с.
12. *Рыбин А. В.* «Кино» с самого начала / А. В. Рыбин. СПб. : Феникс, 2013. 286 с.
13. *Троицкий А.* Гремучие скелеты в шкафу : сборник статей : в 2 т. Т. 1 / А. Троицкий. СПб. : Амфора, 2008.
14. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

The essence of Russian rock-culture in the reflection of rock-memoirs

S. G. Dyukin

PhD, associate professor of the Department of cultural studies and philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-1092-2765. E-mail: dudas75@mail.ru

Abstract. The article is based on the research problem related with identity of the generation of the 80's. Russian rock-culture had played important role in self-consciousness of this people. The research sources are memoirs of rock-musicians and journalists who were close to them. The object of these memoirs is the art biography of Russian rock-musicians and groups of 80's. The methodology of research is based on the principles of structural, functional and discourse analysis. The purpose of the article is to search the main identification markers. Authors of memoirs characterize Russian rock-culture and their place in it by these markers. Correlation of biographical narrative with historical context of the crisis stage of the existence of the Soviet state takes important place in the structure of memories. This correlation has ritual character in the texts, because the subject of memories is excluded from social and political processes. The separation of the subject of memories from the dominant culture is mainly mental. This process is accompanied by the absolute immersion of the characters of memories in the value and normative sphere of rock-culture. They fully follow its ethical imperative. The characters of the memories are not outsiders in the social aspect. Thus, the potential subcultural character of rock-culture is reduced. The remembering subject says about assimilation of rock-culture by «society». The auditory is part of this society. Overcoming of border between rock-music and its public is carried out by the authors of memoirs through the desacralizing of the subject of creative process, author. Creation of music and poetry becomes part of recreation. It is guided by random combination of circumstances. Goal setting is excluded from the set of strategies of characters of texts. Another important feature of Russian rock-culture is reduction of professionalism. It connects with dominant of causal and with assertion of informal collectivity. The final point of the memories is the statement of the thesis about the death of national rock-culture. This process is fixed on individual personified level.

Keywords: biography, rock culture, identity, author, dilettantism.

References

1. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long shadow of the past: Memorial culture and historical politics] / A. Assman. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New literary review). 2014. 328 p.
2. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory. Letter, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity] / Ya. Assman. M. Yazyki slavyanskoj kul'tury (Languages of Slavic culture). 2004. 368 p.
3. Gakkel' V. Ya. *"Akvarium" kak sposob uhoda za tennisnym kortom* ["Aquarium" as a way to care for a tennis court] / V. Ya. Gakkel. SPb. Amphora. 2007. 415 p.
4. Davydov D. *Status avtora v russoj rok-kul'ture* [Status of the author in Russian rock culture] / D. Davydov // *Rok-poeziya v russoj kul'ture. Tekst i kontekst : sb. nauch. trudov* – Rock poetry in Russian culture. Text and context : collection of scientific works. Vol. 2. Tver. 1999. Pp. 17–23.
5. Zhitinskij A. N. *Coj forever. Dokumental'naya povest'* [Tsoi forever. Documentary story] / A. N. Zhitinsky. SPb. Amphora. 2013. 496 p.
6. Kormil'cev I., Surova O. *Rok-poeziya v russoj kul'ture: vozniknovenie, bytovanie, evolyuciya* [Rock poetry in Russian culture: origin, existence, evolution] / I. Kormiltsev, O. Surova // *Russkaya rok-poeziya. Tekst i kontekst : sb. nauch. trudov* – Russian rock poetry. Text and context: collection of scientific works. Tver. 1998. Pp. 5–39.
7. Kushnir A., Porohnya L. *"Nautilus Pompilius"* ["Nautilus Pompilius"] / A. Kushnir, L. Porohnya. SPb. Amphora. 2016. 331 p.
8. *Majk iz gruppy "Zoopark". Prodlzhenie sleduet* – Mike from the band "Zoopark". To be continued / ed. by N. Naumenko. M. Nota-R. 2004. 480 p.
9. *Muzykal'naya anatomiya. Pokolenie nezavisimyh* – Musical anatomy. Generation of independents / ed. by S. Zharikov. M. Special'noe radio. 2006. 432 p.
10. Porohnya L. I. *Chajf – Story* [Chaif-Story] / L. I. Porohnya. M. Nota-R. 2001. 256 p.
11. Romanov A. *Istoriya "Akvariuma". Kniga flejtista* [History of the Aquarium. Flautist's book] / A. Romanov. SPb. Amphora. 2007. 438 p.
12. Rybin A. V. *"Kino" s samogo nachala* ["Kino" from the very beginning] / A.V. Rybin. SPb. Phenix. 2013. 286 p.
13. Troickij A. *Gremuchie skelety v shkafu : sbornik statej : v 2 t. T. 1* [Rattlesnake skeletons in the closet : collection of articles : in 2 vols. Vol. 1] / A. Troitsky. SPb. Amphora. 2008.
14. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation] / A. Yurchak. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New literary review). 2014. 664 p.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(470)

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.042

Опыт кооперативной модернизации России в начале XX века

М. С. Судовиков

доктор исторических наук, профессор.
Россия, г. Киров. E-mail: sudovikov70@mail.ru

Аннотация. В статье рассказывается о новой книге Алексея Владимировича Лубкова, в которой освещаются проблемы становления кооперативного движения в России – темы, являющейся предметом длительной и кропотливой авторской работы. Обращается внимание на то, что А. В. Лубков видит в кооперативной практике модернизационные процессы, развивавшиеся под влиянием национальных, в том числе и региональных, особенностей. Тема рассматривается на примере Центрального промышленного района – родины кооперативного движения в России. В частности, изучаются такие формы кооперации, как кредитная, потребительская, сельскохозяйственная; раскрывается вопрос об организации кооперативных союзов. В монографии характеризуется роль государства в развитии кооперативных учреждений, глубоко исследуется проблема о взаимоотношениях кооперации с земством, предметом отдельного рассмотрения стала идеология кооперативизма. По мнению автора, идея кооперации нашла глубокий отклик в душе народа, так как она сохраняла традиционные основания жизни россиян, связанные с общинным, артельным, мирским, свободным трудом, самоуправлением и христианским единением. Кооперация несла в себе не только производственную составляющую, но и выполняла культурно-просветительскую миссию. В результате А. В. Лубков делает вывод о выработке в начале XX века механизма хозяйствования, который в наибольшей степени соответствовал национальным основам развития России.

Ключевые слова: кооперация, кооперативное движение, русские кооператоры, модернизация, Центральный промышленный район, государство, земство, крестьяне.

Новая книга Алексея Владимировича Лубкова [1] характеризует отечественный опыт кооперативного движения как модель обновления России в 1907–1914 годы – в период, когда страна, с одной стороны, пройдя через потрясения Первой русской революции, кардинально изменилась, а с другой – стояла на пороге глобального конфликта – Первой мировой войны.

Нацеленность автора на системное изучение темы проявляется в построении ее содержания: сначала в книге рассматриваются институциональные основы отечественного кооперативного движения, затем его общественно-политические и социокультурные контексты, ценности и смыслы русской кооперации и в конце характеризуется ее теоретическое наследие в разрезе «активности отцов и творцов русской кооперации».

То, что тема кооперативной модернизации России является предметом длительной и кропотливой авторской работы, видно с первых страниц – и из вступительной статьи, и из отдельного предисловия, и из глубокого историографического обзора проблемы.

А. В. Лубков с благодарностью пишет о научной школе и традициях, сложившихся на историческом факультете Московского педагогического государственного университета с ее замечательными представителями А. Г. Кузьминым, Э. М. Щагиным, В. Г. Тюкавкиным, которые были учителями автора и оказали большое влияние на процесс подготовки книги.

Автору этих строк приходилось присутствовать на защитах диссертаций в МПГУ, и мы не понаслышке знаем, насколько глубоко, многогранно и щепетильно рассматривались исторические исследования учеными этого вуза, что давало многим не только путевку в научную жизнь, но и меняло концептуальные подходы к осмыслению исторического процесса как в целом, так и в аспектах различных проблем.

А. В. Лубков четко определяет исходные позиции своего исследования, которые сложились на основе историографического прочтения темы. Он видит в кооперативном движении

часть модернизации России, делая при этом акцент на его развитии «под влиянием национальных, в том числе региональных, особенностей» [1, с. 31]. Соответственно, и сама модернизация не трактуется автором как всеобъемлющая «вестернизация» страны. «Кооперативное движение, – подчеркивает Лубков, – рельефно и явно демонстрировало всю сложность, неоднозначность и многомерность пространства модернизационного процесса в России на протяжении всего имперского периода ее истории» [1, с. 31].

Учитывая огромные территориальные пространства страны с разным уровнем развития и многонациональный, со своими традициями состав населения, автор вполне обоснованно останавливается на характеристике Центрального промышленного района, ставшего родиной кооперативного движения в России. В книге поясняется, что последнее зародилось в Ветлужском уезде Костромской губернии в 1865 году, затем оно нашло распространение по всей стране, и здесь – в центральных губерниях страны – уровень развития кооперации «был одним из самых высоких» [1, с. 32]. В центре авторского внимания оказались Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ярославская губернии.

В исследовании рассматриваются такие формы кооперации, как кредитная, потребительская, сельскохозяйственная; раскрывается вопрос об организации кооперативных союзов. А. В. Лубков объясняет причины роста крестьянских кооперативных товариществ и, помимо нового аграрного курса, особо выделяет влияние революции 1905–1907 гг., которая «высвободила огромную энергию, годами копившуюся в народе», и это была энергия творческая и инициативная [1, с. 36].

Численные показатели развития кооперации неразрывно были связаны с ее внутренними изменениями, которые не остались вне поля зрения автора монографии. На новом этапе организация кредитных товариществ, например, стала и инициативой «снизу», то есть самого крестьянства. При этом росло и представительство крестьян в органах управления товариществ.

В свою очередь, среди инициаторов создания потребительских кооперативов были рабочие, хотя «далеко не всегда»; часто эту роль брали на себя предприниматели или заводская администрация [1, с. 60]. Массовое же рабочее движение 1905–1907 годов вело к распространению независимых потребительских кооперативов. В Центральном промышленном районе к таковым относились Рождественское общество потребителей (Тверь), кооператив «Единение – сила» (Иваново-Вознесенск), общество «Солидарность» (Москва).

Исследуемый период был связан и с ростом сельскохозяйственной кооперации, отличавшейся выделением средств на культурно-просветительские и благотворительные цели; и с организацией кооперативных союзов, которые А. В. Лубков справедливо характеризует как «качественный показатель общего положения дел в кооперации» [1, с. 95–104].

В книге характеризуется роль государства в развитии кооперативных учреждений, и, по мнению автора, «всемерный рост кооперации» происходил в том числе и благодаря проводимому правительственному курсу. Ценной считаем мысль о том, что кооперация способствовала «смягчению напряженности и умиротворению крестьян» и «объективно могла быть альтернативой революционным потрясениям» [1, с. 107].

А. В. Лубков глубоко рассмотрел вопрос и о взаимоотношениях кооперации с земством, определяя их как «горизонтально-сетевое взаимодействие». Подчеркивая огромную роль земства в становлении российской кооперации, автор особо отмечает, что последняя не только была хозяйственным организмом, но и заявила о себе как о широком социальном движении «со своей идеологией и принципами демократии, равноправия, резко противоположными сословности земств и государства» [1, с. 126–127].

Идеология кооперативизма стала предметом отдельного рассмотрения в монографии. Автор акцентирует внимание на том, что кооперативные идеи проникали в Россию с 1830–1840-х годов в различных западноевропейских вариантах, с утопически-социалистической направленностью, и они включались в программы революционных демократов и народников.

Вместе с тем нельзя не учитывать, о чем справедливо указывается в монографии, что теория и идеология русской кооперации «весьма многопланова и неоднозначна» [1, с. 128]. Разработками кооперативизма занимались и либералы, и народники, и марксисты, и последователи русского социализма... Внушительен список теоретиков разных направлений – М. И. Туган-Барановский, Д. И. Шаховской, С. Н. Прокопович, С. Л. Маслов, К. А. Пажитнов, В. П. Ногин, И. И. Скворцов-Степанов и другие.

Несмотря на несхожесть, в их взглядах и теориях формируется и целостность кооперативной теории, в основе которой «лежит социально преобразующий идеал» [1, с. 128], и «достижение этого идеала, – по наблюдениям автора, – предполагало эволюционный путь развития общества, создающий условия для объединения и сотрудничества людей» [1, с. 136].

А. В. Лубков полагает, что идея кооперации нашла глубокий отклик в душе народа, так как она сохраняла традиционные основания жизни россиян, связанные с общинным, артельным, мирским, свободным трудом, самоуправлением, христианским единением в противовес индивидуализму и капитализму. Кроме того, кооперация не только несла в себе производственную составляющую, но и выполняла культурно-просветительскую миссию, «преображая весь жизненный уклад русского народа» [1, с. 150].

Характеризуя отдельно, в разрезе персонального подхода труды ученых и деятелей кооперации, автор монографии выделяет такие их особенности, как фундаментальность, отведение большого внимания обобщению исторического пути, пройденного кооперацией и взгляды на нее как «на более совершенную и перспективную форму экономической и социальной организации общества, воплощающую исторически сложившиеся в обществе и культуре социальные, этические и духовные идеалы» [1, с. 152].

Так, М. И. Туган-Барановский (1865–1919) рассматривал кооперацию «как альтернативный капитализму путь развития, а сами кооперативные объединения как средство борьбы с капиталистической эксплуатацией» [1, с. 155], и социалистическую перспективу России он связывал «с участием широких народных масс в кооперации» [1, с. 164]. В. Ф. Тотомианц (1875–1964) считал кооперацию «выше других социальных течений», так как «она соединяет в себе все лучшие стороны христианства, либерализма, социализма, синдикализма и анархизма, не повторяя ошибок этих учений» [1, с. 175]. А. В. Чаянов (1888–1937), разработавший концепцию кооперативного преобразования деревни, видел в кооперации «единственную надежду на спасение Отечества» [1, с. 224].

Много важных и полезных идей о развитии и возможностях кооперации, ее национальных корнях, традициях и опыте содержалось в трудах П. А. Кропоткина (1842–1921), С. Н. Булгакова (1871–1944), А. А. Евдокимова (1872–1941), Н. П. Макарова (1887–1890), Н. Д. Кондратьев (1892–1938), и они также не остались без внимания автора, как и факты мирового признания российской экономической мысли и разгрома научной школы кооператоров по делу Трудовой крестьянской партии в годы сталинских репрессий.

Оценивая опыт солидарной экономики, сложившейся в стране после революции 1905–1907 годов, А. В. Лубков делает вывод о выработке в тот период механизма хозяйствования, который в наибольшей степени соответствовал национальным основам развития России с ее нравственными канонами православия, с «верой в духовное братство людей и торжество справедливости», и кооперация тем самым постепенно вела к смягчению социальных противоречий и вселяла надежду «на успешное продвижение от традиционного общества к гражданскому» [1, с. 242–243]. Автор справедливо пишет и о вкладе кооперации в дело мобилизации хозяйства и в выполнение государственных заданий в годы Первой мировой войны.

Причины успехов кооперации А. В. Лубков усматривает в общих усилиях государства, земства и кооператоров, но в то же время обращает внимание и на всю сложность и неоднозначность общего процесса мирного реформизма в стране.

Книга снабжена списком источников и литературы с указанием архивов, с фондами которых велась работа; содержит иллюстративные материалы, дополняющие текст монографии интересной информацией.

В целом видим, что российская историография пополнилась серьезнейшим научным трудом, связанным с переломным этапом в истории России и показавшим реалии и возможности развития страны в условиях модернизации. На наш взгляд, хронологические рамки работы гораздо шире, обозначенных на обложке книги, но это явно не недостаток исследования, а его особенность, связанная с желанием автора глубоко и всесторонне изучить поставленную проблему. Монография А. В. Лубкова будет полезна не только для ученых – историков, экономистов, философов; студентов, но и в силу своей актуальности – для армии современных политиков и управленцев.

Список литературы

1. Лубков А. В. Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907–1914 гг.): монография / А. В. Лубков. М.: МПГУ, 2019. 272 с. + вкл. 28 с.

Experience of cooperative modernization in Russia at the beginning of the XX century

M. S. Sudovikov

Doctor of Historical Sciences, Professor.
Russia, Kirov. E-mail: sudovikov70@mail.ru

Abstract. The article describes a new book by Alexey Lubkov, which highlights the problems of the formation of the cooperative movement in Russia – a topic that is the subject of a long and painstaking author's work. Attention is drawn to the fact that A. V. Lubkov sees in cooperative practice modernization processes that developed under the influence of national, including regional features. The topic is considered on the example of the Central industrial district-the birthplace of the cooperative movement in Russia. In particular, we study such forms of cooperation as credit, consumer, and agricultural; the question of the organization of cooperative unions is revealed. The monograph describes the role of the state in the development of cooperative institutions, deeply examines the problem of the relationship of cooperation with the zemstvo, the subject of a separate review was the ideology of cooperativism. According to the author, the idea of cooperation found a deep response in the soul of the people, as it preserved the traditional foundations of life of Russians associated with community, artel, worldly, free labor, self-government and Christian unity. The cooperation carried not only a production component, but also carried out a cultural and educational mission. As a result, A. V. Lubkov concludes that at the beginning of the XX century, the economic mechanism that most closely corresponded to the national foundations of Russia's development was developed.

Keywords: cooperation, cooperative movement, Russian cooperators, modernization, Central industrial district, state, zemstvo, peasants.

References

1. Lubkov A. V. *Solidarnaya ekonomika. Kooperativnaya modernizaciya Rossii (1907-1914 gg.) : monografiya* [Solidary economy. Cooperative modernization of Russia (1907-1914) : monograph] / A. V. Lubkov. M. MPSU. 2019. 272 p. + incl. 28 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 792.028(092)

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.043

А. И. Устюжанинов – вятский исполнитель роли вождя К 150-летию со дня рождения В. И. Ленина

В. Б. Помелов

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой изложение биографии вятского уроженца, народного артиста РСФСР Анатолия Ивановича Устюжанинова (1934–2008). Раскрыты основные периоды творческой биографии именитого артиста, которые прошли в г. Кирове, Красноярске, Ульяновске. Основное внимание уделено показу того, каким образом на протяжении всей своей творческой карьеры А. И. Устюжанинов воплощал на сцене, в кино и в процессе своих публичных выступлений образ Владимира Ильича Ленина. На протяжении нескольких десятилетий артист был в СССР главным исполнителем роли вождя. Подробно рассказывается об участии А. И. Устюжанинова в съемках художественных фильмов «Мы, русский народ», «Тихий Дон», «Красные колокола» и телевизионном фильме-сериале «Вечный зов». В статье приводятся взгляды А. И. Устюжанинова на современную жизнь, подчеркивается его верность идеалам юности и приверженности идеям своего кумира – В. И. Ленина.

Ключевые слова: А. И. Устюжанинов, Киров, Красноярск, Ульяновск, В. И. Ленин, П. Н. Доусон, И. В. Баскаков, В. А. Краснопольский, В. И. Усков, С. Ф. Бондарчук, В. П. Строева.

Анатолия Ивановича Устюжанинова еще при жизни называли артистом одной роли. Действительно, громкое имя ему сделало исполнение роли одного-единственного человека, – В. И. Ленина. Причем эту роль он исполнял одинаково блистательно в кино, на театральных подмостках, в лекционном зале...

А. И. Устюжанинов родился 20 января 1934 г. в городе Вятке. В 13 лет решил стать артистом и даже попытался поступить в Кировский театр юного зрителя. В театре ему посоветовали заниматься в драматическом кружке городского дома пионеров, и он последовал этому совету. Родители, крестьяне по происхождению, не разделяли увлечение подростка сценой, и по их настоятельному совету он поступил в авиационный техникум. Но и здесь он сочетал учебу с руководством театрального кружка. В 1954 г. Анатолий окончил с отличием Кировское культурно-просветительное училище. Далее последовали три года службы в армии.

Театр неотделим от языка и литературы; вот почему он поступил на филологический факультет, причем даже не Кировского пединститута, а Уральского государственного университета имени А. М. Горького в г. Свердловске. Был он уже совсем взрослым парнем, поэтому учился заочно, а сама учеба растянулась до 1964 г.

Благодаря поразительному внешнему сходству с вождем пролетарской революции, Анатолий Иванович в 1957 г. поступил на службу в свой первый театр – Кировский театр юного зрителя. В театре был объявлен конкурс на вакантную должность. Для кандидатов в актеры было устроено своего рода испытание: они читали стихи, отрывки прозы. Устюжанинов подготовил стихотворение Пушкина «Желание славы» и отрывок из поэмы Твардовского «Ленин и печник», в котором была прямая речь Ленина; это позволило соискателю произнести ленинские реплики характерным ленинским говорком, с картавинкой. Это убедило глав-

А. И. Устюжанинов

ного режиссера Павла Николаевича Доусона принять в труппу молодого человека с ленинскими внешностью и голосом.

К 40-летию Великого Октября все театры страны готовили спектакли, в которых в качестве основного персонажа обязательно должен был быть Ленин. Ставился такой спектакль и в ТюЗе. Но за неимением «собственного Ленина» пригласили на эту роль актера Кировского областного драматического театра. Только что принятый в штат театра Анатолий Устюжанинов стал его дублером и должен был заменять основного исполнителя на гастролях. Но кончилось все плачевно...

По существовавшим в то время правилам исполнителя роли вождя должна была утверждать специальная министерская комиссия. Московскому куратору игра главного исполнителя роли Ленина не понравилась, и... спектакль сняли! Было сказано, что парик сидит на актере, как шлем мотоциклиста, и что у артиста нет морального права на исполнение этой роли. Анатолию было очень обидно. Как знать, может быть, его игра комиссии и понравилась бы. Но молодого артиста утешало то, что для него нашлись в театре другие роли.

В 1961–1965 гг. Устюжанинов служил в Красноярском краевом театре драмы имени А. С. Пушкина. Переезд в сибирский город произошел при следующих обстоятельствах. В 1960 г. А. И. Устюжанинов занял первое место на Кировском областном смотре творческой молодежи и в качестве приза получил направление на курсы для главных режиссеров периферийных театров, которые проводились в Центральном доме актера. Занятия проводил уже известный в те годы режиссер Георгий Александрович Товстоногов.

Здесь, в Москве, Анатолия заметил главный режиссер Красноярского краевого театра драмы, который искал актера на роль Ленина. Как вспоминал Анатолий Иванович, ему понравился Устюжанинов в движении: ему понравилась стремительность, с которой кировский артист поднимался на сцену. Именно в Красноярске Устюжанинов впервые появился в образе Ленина в спектакле по пьесе И. Кычанова «Гонцы весны». Это произошло 22 апреля 1962 г., в день рождения В. И. Ленина.

Тем не менее в 1965 г. Анатолий Иванович вернулся в родной город и в течение шести лет служил в областном драмтеатре. Именно в этот период он особенно увлекся ленинской темой. Время было необычное; вся страна готовилась отмечать столетие со дня рождения вождя мирового пролетариата. В театрах ставились спектакли соответствующего содержания. И здесь Анатолий «пришелся ко двору». Кроме того, молодой, но уже достаточно опытный артист нашел для себя новую нишу: Анатолий Устюжанинов стал выступать с моноспектаклями, посвященными В. И. Ленину. Анатолий стал глубоко изучать личность В. И. Ленина. Он читал воспоминания Н. К. Крупской и его соратников, изучал биографию, слушал записи ленинских речей на пластинках. Впоследствии он говорил, что самым тщательным образом проштудировал все 55 томов полного собрания сочинения Ленина, а выписки из его произведений составили целый архив. Собственно, умело «подогнанные друг к другу» ленинские цитаты и были основным содержанием его будущих моноспектаклей.

В ходе своих выступлений артист перевоплощался в Ленина; этому способствовали грим, интонации голоса, мимика и жесты. Устюжанинов не только выступал со своими спектаклями один, но в одиночку и готовил их, а именно он сам составлял текст выступлений. Вариантов таких спектаклей с годами становилось все больше. Артист показывал вождя в разные периоды его жизни. Он проживал вместе со своим героем всю его биографию, все этапы борьбы. В те годы ленинская тематика была сверхпопулярна и всячески поощрялась властями. Поэтому артисту давался «зеленый свет» на проведение выступлений в любых организациях. К тому же такие выступления неплохо оплачивались через существовавшую тогда систему общества «Знание». Но изначально всякий раз Анатолий опробовал новый сценарий на самой благодатной аудитории – на школьниках и пенсионерах. Хорошо помню выступление Анатолия Ивановича в нашей 31-й школе, а несколько позднее, когда я был уже студентом, и в актовом зале Кировского пединститута. После выступления артист долго отвечал на вопросы студентов. Это осталось в памяти.

Со своими выступлениями артист объехал буквально всю область: выступал в районных и сельских домах культуры, в производственных коллективах и больницах. Имя его в те годы если и не «гремело», то, по крайней мере, было хорошо известно практически каждому вятчанину. Телевизионного «засилья» тогда еще не было, и люди с удовольствием шли в местный клуб на выступление артиста «из самого Кирова». В 1960-е гг., да и позднее, артисты кировских театров не гнушались выступать в сельской глубинке. Создавались «летучие»

бригады, как правило, из трех-четырех человек, которые выступали со своей программой, куда обычно входили следующие жанры: декламация, песни под гитару, две-три сцены из репертуара театра и «на десерт» разговор со зрителями. Неискушенные вятские любители театра были в восторге. С особенным чувством благодарности они встречали замечательного артиста ТЮЗа, заслуженного артиста РСФСР (1994) Игоря Владимировича Баскакова, служившего в Кировском ТЮЗе начиная с 1945 г. в течение более 50 лет, и А. И. Устюжанинова, причем первого любили за его актерское обаяние, а второго – за тематику его выступлений.

Да-да, люди искренне верили, что Ленин – самый человечный человек; были убеждены, что он и теперь живее всех живых и т. д. А раз так, то артист, воскрешающий образ любимого вождя, достоин всяческого внимания. К тому же на такие идеологически фундированные выступления, как и на лекции вузовских преподавателей, выступавших по путевкам общества «Знание», вход был бесплатным, в отличие от других концертов и вечеров.

В эти годы состоялся дебют А. И. Устюжанинова в кино. Он сыграл роль солдата в фильме «Мы, русский народ» (1965, режиссер Вера Павловна Строева). Всего в кино он сыграл четыре роли, причем дважды играл Ленина: в 1982 г. в фильме «Красные колокола» (СССР, Италия, Мексика) и в фильме «Тихий Дон» (1992, 2006, Великобритания, Италия, Россия). Режиссером обоих фильмов был Сергей Федорович Бондарчук.

Но наибольшую известность ему принесла роль партийного функционера Данилы Ивановича Кошкина в сериале «Вечный зов» (1973–1983, режиссеры Владимир Аркадьевич Краснопольский и Валерий Иванович Усков). В восьмой серии 19-серийного фильма, которая называется «Испытание», герой Устюжанинова и герой другого известного актера Евгения Дмитриевича Буренкова (1924–1989) являются, по существу, основными действующими лицами, затмевая персонажей Петра Вельяминова, Юрия Смирнова, Олега Басилашвили, Ивана Лапикова и др. Основное содержание серии – борьба честных и принципиальных коммунистов против негодяя Полипова, пробравшегося в партийное руководство района и пытающегося угрожать всем, кто с ним не согласен.

А. И. Устюжанинов и Е. Д. Буренков
в фильме «Вечный зов»

В 1971 г. с гастрольями Кировского драмтеатра Устюжанинов приехал в Ульяновск, где его выступление в роли В. И. Ленина произвело большое впечатление. Он провел специальное выступление перед членами пленума обкома партии. Вернувшись в Киров, он занялся становившейся для него привычной административной работой – ему было поручено возглавить родной ТЮЗ. Но директорская работа не вполне удовлетворяла артиста; он чувствовал свое призвание совсем в другом. У Анатолия родилась идея создания театра одного актера при Ленинском мемориале. Он написал об этом первому секретарю Ульяновского обкома КП Анатолию Андриановичу Скочилу (1912–1977), кстати, уроженцу с. Васильевского Яранского уезда Вятской губернии. Скоцилов ответил личным письмом. А вскоре последовало официальное приглашение за подписью Владимира Николаевича Сверкалова, секретаря Ульяновского обкома КПСС по идеологии, ведавшего вопросами культуры в области.

В сентябре 1972 г. Анатолий Иванович перебрался в Ульяновский областной театр драмы. Артисту было жалко расставаться с Кировом, но в городе на Волге перед ним как исполнителем открывались куда более значительные перспективы. Там ленинская тематика никогда не сходилась на нет. В репертуаре театра всегда был спектакль о Ленине, и, стало быть, Устюжанинов никогда не расставался с любимым образом. Образ В. И. Ленина он воплотил на сцене театра в спектаклях «Кремлевские куранты», «Во имя жизни», «Ульяновы», «Защитник Ульянов» и др. В одном спектакле он играл 17-летнего гимназиста Володю Ульянова, в другом – председателя совнаркома В. И. Ленина. Одновременно Устюжанинов работал в местной филармонии, где его выступления пользовались неизменным успехом. Кроме того, в Ульяновске был устроен грандиозный ленинский мемориал, в котором ежедневно проводились лекции, встречи, театральные представления на ленинскую тематику. Разумеется, и здесь Анатолию Ивановичу было вдоволь работы. В 1979 г. ему было присвоено звание «Заслуженный артист РСФСР».

В его творческом багаже значился целый ряд моноспектаклей об Ильиче. Особого внимания заслуживают его публичные выступления – литературные концерты, творческие встречи. Более пяти с половиной тысяч встреч со зрителями и слушателями состоялось у него

только на «малой родине» В. И. Ленина. А сколько было выступлений по всей стране и за рубежом! Его слушали в Англии, Болгарии, Дании, Германии, Чехословакии, Румынии, Финляндии, Эфиопии и других странах. В Италии перед выступлениями для придания большей достоверности ему даже вставляли линзы – меняли цвет глаз на «ленинский».

Своей неустанной деятельностью Устюжанинов фактически возродил жанр художественной публицистики, читая тексты ленинских работ со сцены. Даже после распада Советского Союза, когда «лениниана», конечно, утратила былую востребованность, его моноспектакли вызывали интерес, но уже больше, скажем так, ностальгический.

А. И. Устюжанинов
в фильме
«Красные колокола»

Отдельным этапом биографии актера стали съемки в эпопее Сергея Федоровича Бондарчука «Красные колокола», состоявшей из двух фильмов: «Мексика в огне» (о крестьянской революции 1910 г.) и «Я видел рождение нового мира» (о событиях в России в 1917 г.). В основе сценариев фильмов были положены публикации свидетеля всех этих событий американского журналиста Джона Сайласа Рида (1887–1920), которому было суждено умереть от эпидемии в Москве и быть похороненным на Красной площади. Его книга «Десять дней, которые потрясли мир» легла в основу сценария второго фильма. Именно в этом, втором, фильме и снялся А. И. Устюжанинов.

За «право» играть вождя бились несколько «мэтров» отечественного кино, а взяли провинциала! Причем утвердили Устюжанинова на роль Ленина без проб. Режиссер увидел его крохотное фото в журнале «Театральная жизнь» и сразу понял, что его герой должен выглядеть именно так. Его, единственного из актеров, снимали без грима. Анатолию Ивановичу пришлось только выбривать «ленинскую» лысину. Актеру удалось точно воссоздать характер вождя, его речь, движения.

Ленин в сцене с американским журналистом Джоном Ридом (его роль играл итальянец Франко Неро) должен был говорить на чистом английском. Но в отличие от Ленина, Устюжанинов английского языка вообще не знал. Ему нужно было выучить 70 строчек, которые никак не хотели запоминаться. Преподаватель МГУ Борис Исаевич Ноткин, впоследствии известный телеведущий – была такая передача «Приглашает Борис Ноткин», записал этот текст на магнитофон на двух скоростях: в замедленном темпе и в разговорном варианте. Так и пришлось учить артисту: сначала медленно, потом быстро. В результате американский переводчик отметил: «Английский у Ленина – хорошо, а у Рида – так себе».

Устюжанинова нередко называли, как мы уже говорили, актером одной роли. Возможно, ему не довелось раскрыться в других образах только потому, что редкий режиссер после исполнения им роли Ленина (в двух фильмах!) осмелился бы ему предложить что-то иное.

С. Ф. Бондарчук получил не только фактурного артиста, но и фактически соавтора: Анатолий Иванович прямо на съемочной площадке вносил коррективы в сценарий, правил текст героев, – его энциклопедические познания оказались бесценным приобретением. Оказавшись по воле судеб в столь серьезном проекте, Устюжанинов оказал немалую услугу Бондарчуку.

Впрочем, предоставим слово самому Анатолию Ивановичу. Вот что он рассказал в одном из интервью: «У Бондарчука был соавтор – сценарист Валентин Иванович Ежов. Однажды он приносит сцену – монолог Ленина. Я его прочитал, прихожу и говорю Бондарчуку: “Передайте его Керенскому, будет точно”. Почему, спрашивает режиссер. Отвечаю: “Я – то, я – это, я – такой”. Сплошное яканье. Ленин никогда так не говорил! Он был скромным человеком. Взять хотя бы его речь на третьем съезде комсомола. Ведь он мог бы сказать: “Я с золотой медалью гимназию закончил”. Ничего близкого там нет! И Ежова убрали. У Бондарчука появился другой соавтор, итальянский сценарист Антонио Сагуэра, очень известный. Он ко мне прислушивался. Снимается сцена в Таврическом дворце. Я Бондарчуку предложил включить ленинскую фразу: “Капиталисты не могут отказаться от своих интересов, как человек не может сам себя поднять за волосы”. Типичная фраза Ленина. При мне сценаристу передали. Он прочитал. Внес тотчас же. Прошло. Потом я полностью переписал всю сцену в Таврическом. Слова Ленина, реплики из зала слева, справа, председателя. Бондарчук со всем согласился. Потом, когда вся группа смотрела отснятый материал этой сцены, оператор-постановщик Вадим Юсов сказал мне: “Вы превзошли всех предшествующих и самого себя”. Для меня это было очень важно – признание такого мастера... Многие актеры играли Ленина. Но, по воспоминаниям Н. К. Крупской, например, великий Борис Васильевич Щукин был недостаточно сдержан...

И – все равно я к нему отношусь с величайшим уважением. Знаете, пока шли съемки фильма, я дважды на его могилу на Новодевичьем кладбище ездил, сидел там подолгу.

Еще один момент... Снимается эпизод со Свердловым. И я не чувствую подачи от партнера. Я ему начинаю советовать, как и что надо делать. И тут слышу реплику Бондарчука: “Мало того, что сценарий переписываете, так еще тут и режиссером работаете?! Так, я пошел домой”. Развернулся и направился к выходу. Потом, конечно, вернулся. Это шутка такая была. Но я поначалу сильно испугался... Да, еще один эпизод вспомнил. Сцену приезда Ленина в Россию снимали на каком-то режимном предприятии. Я-то знаю, что он в пятом вагоне прибыл. А на нашем – цифра 2 стоит. И оператор говорит, – нумерация в кадр попадает. Другого вагона нет. Я по своим каналам дозвонился до Кирова, где играл в спектакле “Защитник Ульянов”. И они нам помогли, – прислали “нужный” номер.

Бондарчук пригласил легендарного актера Павла Кадочникова посмотреть отснятый материал. И тот после просмотра заявил: “До сих пор я считал, что Щукин в Ленине – это все. А тут смотрю: океан людей, взбудораженных революцией, и их ведет (я вижу – ведет!) Ленин. Теперь для меня Устюжанинов в Ленине – это все”. В 1983 г. за воплощение образа Ленина в кино Анатолию Ивановичу было присвоено звание народного артиста РСФСР. Ему было всего 39 лет.

Устюжанинов общался со многими известными людьми: поэтами Расулом Гамзатовым и Евгением Евтушенко, артистами Леонидом Утесовым и Николаем Крючковым, композитором Григорием Пономаренко, президентом Республики Татарстан Минтимером Шаймиевым.

Валерий Перфилов, заместитель директора по научной работе Мемориального центра имени В. И. Ленина, рассказывал: «Мне запомнились профессионализм, ответственное отношение к профессии. Его Ленин был не просто заученной ролью, а продуманным, основанным на подлинных материалах образом. Устюжанинов фактически одним из первых начал работать в жанре сценической публицистики. И очень важно, что он остался предан своему делу и идеалам до конца. Анатолий Устюжанинов был истинным “защитником вождя”» [1].

Еще при жизни Анатолий Иванович сдал в Государственный архив новейшей истории Ульяновской области часть своего личного архива: большое количество фотографий, афиш концертов и фильмов с его участием, творческие и биографические документы, воспоминания.

Анатолий Устюжанинов для многих поколений зрителей стал символом и эталоном Ленина на экране и театральной сцене. Даже музейные работники принимали запись его голоса за подлинные речи Ленина. Абсолютную схожесть голосов вождя и Устюжанинова подтверждали как специалисты, так и те, кто некогда слышал Ленина вживую. Идентичность произношения подтверждали и внучатая племянница Владимира Ильича – Ольга Дмитриевна Ульянова, снимавшаяся вместе с Устюжаниновым в документальном фильме «В Ульяновск, к Ленину». Про Анатолия Ивановича рассказывали, что на любой вопрос, касающийся современности, он отвечал ленинской фразой. Как-то его спросили, что происходит с нами, с нашей страной. Он ответил ленинскими словами: «Чтобы понять, что с нами происходит, надо посмотреть, как мы шли».

Чем больше А. И. Устюжанинов постигал Ленина, тем в большей степени стали меняться его представления о партии. И здесь уместно предоставить ему слово. Вот что он говорил в одном из последних интервью для книги Андрея Безденежных «Симбирский контекст. Частная жизнь»: «Когда читал Ленина, то у меня постепенно начало меняться отношение к окружающей действительности. Я нашел очень много несовпадений ленинских положений с нашей практикой. Это было и в 60-х, и в 70-х, и в 80-х... Нас уверяли, что все идет по-ленински, в реальности же многое было не так. Когда я понял это, то стал об этом говорить. Нет, я не призывал к свержению строя или чему-то подобному. Просто в своих лекциях я цитировал Ленина – как бы говорил, что он сказал бы по определенному вопросу, стоящему перед страной. И получалось так, что его мнение было отличным от мнения тогдашних руководителей партии. Вот, например, история с хрущевской кукурузой. Это тоже было не по-ленински! Ленин был сторонником кукурузы, но его мнение было противоположным мнению Хрущева! Он писал: “Преимущества кукурузы и фасоли, видимо, доказаны... Прошу немедленно провести обсуждение... с привлечением всех оттенков мнений насчет кукурузы”. То есть сам, будучи убежден, что кукуруза в голодный год России очень нужна, он тем не менее просит обсуждать, требует иных мнений. У нас же тогда никто ничего не обсуждал. Приказали и насадили кукурузу в приполярных областях. Тех, кто говорил: “Дайте подумать”, просто исключали из партии. У Ленина же написано: “Только тот заслуживает звание члена партии, кто внимательно изучает, обдумывает и самостоятельно решает вопросы и судьбы своей партии”».

Анатолий Иванович считал, что в нашей стране «не сумели прочитать» Ленина. Он говорил: «У меня свой путь познания Ленина. Независимый от других взглядов. Мне нельзя

уходить из этого мира, пока я не опубликую все свои этюды о Ленине, которые создал на протяжении сорока с лишним лет. Такой работы, которую проделал я, никто никогда еще не делал. Ведь к Ленину рано или поздно вернуться за советом. Потому, что он – планетарная величина! Цель моей жизни – показать людям могущественный интеллект Ленина и космическую высоту, благородную высоту его замыслов... Поэтому сейчас есть крайняя необходимость издать вторую книгу. Все-таки в ней результат такого труда – изучения 55 томов ленинских работ! <...> России еще не поздно одуматься и жить по-ленински. Нужно жить не против Ленина, а с ним. С ним мы будем во много раз сильнее!».

Наступили другие времена, и в феврале 1992 г. Устюжанинов был вынужден перейти на работу в историко-культурный центр В. И. Ленина, где продолжил свою артистическую деятельность, фактически создав театр одного актера. Здесь он и работал до конца жизни. Когда ленинская тематика стала невостребованной, Устюжанинов не стал сидеть сложа руки; он подготовил художественно-публицистическую программу, посвященную проблемам молодежи, «Жить в ясном мире, учиться быть человеком». Его слушателями были, в основном, школьники и студенты. Он издавал книги, правда, на свои деньги, в которых писал о своем пути к Ленину, идти которым в новой России уже мало кто хотел. Хотел переработать свою книгу «Ленин. Время. Мы» и выпустить ее под другим названием – «Как предавали Ленина». Но эту работу он не завершил. Он перенес четыре тяжелых операции на сердце. Его сердце не выдержало нападков на вождя...

30 мая 2001 г. А. И. Устюжанинов стал Почетным гражданином города Ульяновска. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и медалью «Ветеран труда». А. И. Устюжанинов скончался 23 сентября 2008 г. в г. Ульяновске. В 2016 г. на доме по ул. К. Либкнехта в Ульяновске, в котором жил артист, была установлена мемориальная доска. У здания Ульяновского областного драматического театра имени И. А. Гончарова «горит» звезда А. И. Устюжанинова.

Открытие мемориальной доски
А. И. Устюжанинова
в Ульяновске

Список литературы

1. Могучий актер остался верен своим идеалам до конца. Он остался верен своему кумиру // Аргументы и Факты. № 41. АйФ – Ульяновск.

A. I. Ustyuzhaninov – Vyatka performer of the role of leader *To the 150th anniversary of Lenin's birth*

V. B. Pomelov

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of pedagogy, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. The article represents the facts of a biography of the Vyatka native, people artist of the RSFSR Anatoly Ivanovitch Ustyuzhaninov (1934–2008). The main periods of the creative biography of the eminent artist, which took place in the towns of Kirov, Krasnoyarsk and Ulyanovsk were revealed. The focus is on showing how throughout his creative career A. I. Ustyuzhaninov embodied the image of Vladimir Iljich Lenin on stage, in the cinema and in the course of his public performances. For several decades the artist was the main performer of the role of leader in the USSR. Details are explained about the participation of A. I. Ustyuzhaninov in the filming of feature films "We, the Russian People," "Silent Don," "Red Bells" and the television series "Eternal Call." The article cites A. I. Ustyuzhaninov's views on modern life, emphasizes his loyalty to the ideals of youth and adherence to the ideas of his idol – V. I. Lenin.

Keywords: A. I. Ustyuzhaninov, Kirov, Krasnoyarsk, Ulyanovsk, V. I. Lenin, P. N. Dawson, I. V. Baskakov, V. A. Krasnopolsky, V. I. Uskov, S. F. Bondarchuk, V. P. Stroyeva.

References

1. *Moguchij akter ostalsya veren svoim idealam do konca. On ostalsya veren svoemu kumiru* [The mighty actor stayed true to his ideals until the end. He remained true to his idol] // Arguments and Facts. No. 41. AiF – Ulyanovsk.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 3 (19) (2020)

16+

Редактор *М. О. Корякина*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. И. Чернышова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 01.10.2020 г.
Дата выхода в свет 14.12.2020 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 100 экз. Заказ № 6446.

Подписной индекс журнала "Вестник гуманитарного образования"
в объединенном каталоге "Пресса России" – 41252

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36